ЖОРЕС ТРОФИМОВ

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА УЛЬЯНОВА

Документальное повествование
о Марии Александровне Ульяновой

ББК 13.5
Т 76

В авторской редакции

Художник Л. М. Атякшева

Издание осуществлено Историко–культурным центром
В. И. Ленина

Трофимов Ж. А.
Т76 Мария Александровна Ульянова. Документальное повествование . — Ульяновск: "Россы", 1996. — 200 с.

В книге рассказывается о жизни матери В.И.Ленина, раскрывается роль Марии Александровны Ульяновой в воспитании своих детей, формировании их мировоззрения, а также в их дальнейшей общественной деятельности.

ISBN 5-88750-003-4 **ББК 13.5**

Посвящаю жене и многолетнему помощнику в творческой работе Наталье Михайловне Трофимовой

ОТ АВТОРА

Десятки миллионов людей изо всех уголков нашей необъятной многонациональной Родины и туристов со всего мира побывали в Ульяновске за годы Советской власти. Знакомство со старинным волжским городом и его заповедными местами обычно начинается с осмотра небольшого дома, на фасаде которого укреплена мемориальная доска с текстом: «В этом доме 10 (22) апреля 1870 года родился Владимир Ильич Ульянов (Ленин)». Невдалеке от этого исторического здания в апрельские дни юбилейного 1970 года была установлена выполненная в бронзе скульптурная композиция, изображающая Марию Александровну Ульянову с четырехлетним Володей.* Изящная фигура, горделивая посадка головы, тонкие одухотворенные черты красивого лица, ясный прямой взгляд. Мягким жестом левой руки мать нежно обнимает доверчиво припавшего к ней сына, придерживая край накинутой на него шали.

Глубокие чувства взаимной любви и привязанности они сохранили на всю жизнь. Владимир Ильич, подчеркивала Н.К.Крупская, «страшно любил мать... Свою силу воли Владимир Ильич унаследовал от матери, унаследовал также и ее чуткость, внимание к людям»[1]. Она же полагала, что и «талант организатора», который был так присущ Ильичу, он в значительной мере унаследовал от матери»[2]. Аккуратность и пунктуальность, скромность в удовлетворении личных потребностей, общительность, любовь к музыке и природе, лингвистические способности и навыки - вот далеко не полный перечень тех черт характера и наклонностей, которые тоже передались Владимиру Ильичу матерью. Он горячо любил и уважал ее как человека, родного не только по крови, но и по убеждениям; мать, по словам Анны Ильиничны, вполне сочувствовала «всем его революционным стремлениям, всей его работе»[3]. Уже поэтому Мария Александровна бесконечно дорога всем нам. Но светлая память о ней живет не потому лишь, что на нее падает сильный и немеркнущий отблеск славы великого сына. Она заслужила право на всеобщее внимание и как человек редкостной душевной красоты и благородства, как светлая личность, оказывавшая глубокое и благотворное влияние на всех окружающих.

Вместе с Ильей Николаевичем, выдающимся педагогом-демократом и просветителем, Мария Александровна создала в семье благодатные условия для гармоничного развития физических и умственных

* Авторы композиции - скульпторы П.Бондаренко, Ю.Карюхин, О.Комов, Ю.Чернов.

способностей и дарований всех своих шестерых детей, выработки в них трудолюбия, закалки характера, воли, развития высоких нравственных принципов и моральной чистоты, а также готовности к самоотверженной борьбе с «бичами страны родной» за бессмертные идеалы свободы, равенства и братства. Она безусловно по праву делит со своим мужем честь создания домашнего университета, который дал целую плеяду пламенных борцов за светлое будущее Отчизны. Мария Александровна, как и Илья Николаевич, была идейным другом своих детей: вела их за собой, когда они были малы, шла с ними, когда они стали профессиональными революционерами. Вот почему З.П.Невзорова-Кржижановская, хорошо знавшая Марию Александровну еще с конца XIX века, имела все основания сказать:

«Этот чудесный образ матери революционеров (и каких революционеров!) должен войти в историю жизни ее детей, ибо ее жизнь неразрывно была с ними связана, им посвящена, и кто учтет, в какой мере она своим прекрасным и сильным духовным обликом повлияла на весь уклад их характера и их мировосприятия»[4].

Члены семьи Ульяновых и Н.К.Крупская, сознавая важность для научной биографии Владимира Ильича освещения семейной и социальной обстановки, в которой он рос и воспитывался, в своих воспоминаниях и статьях отводили страницы для Ильи Николаевича и Марии Александровны. Они же сохранили большую часть переписки Владимира Ильича с матерью, дали развернутый комментарий к ней.

Первым биографом своих родителей стала Мария Ильинична. В 1931 году вышла в свет ее брошюра «Отец Владимира Ильича Ленина - Илья Николаевич Ульянов. 1831-1886». Несколько позже, опять-таки основываясь на документах, рассказах сестры Анны[5] и брата Дмитрия[6], воспоминаниях друзей и знакомых и, естественно, на личных впечатлениях, она написала очень содержательный популярный очерк «Мать Владимира Ильича Мария Александровна Ульянова», но он, к сожалению, не вышел в свет при жизни автора и впервые появился в журнале «Вопросы истории КПСС» лишь в апреле 1964 года.

Массовый же читатель впервые смог познакомиться с биографией Марии Александровны по брошюре Р.Ковнатор «Мать Ильича», изданной небольшим тиражом в 1941 году в Куйбышеве. В 60-х годах, после того как в научный оборот вошли многие письма Марии Александровны и новые архивные документы и материалы о семье Ульяновых, З.Воскресенская создает цикл рассказов о матери вождя[7], а писательница Е.Вечтомова - повесть[8]. Однако и после появления этих художественных произведений в биографии замечательной женщины оставалось немало «белых пятен».

В трилогии о молодом Ленине[9] и книгах о семье Ульяновых[10] я, естественно, рассказывал о Марии Александровне как о первой учительнице своих детей, а после кончины Ильи Николаевича - и как о главе большой семьи, энергичном ходатае по смягчению участи Александра и Анны, попавших в тюремные застенки весной 1887 года по делу о покушении на жизнь царя, а затем и Владимира, репрессированного властями за активное участие в декабрьской сходке казанского студенчества.

В документальном очерке «Мать Ильича», вышедшем в издательстве «Советская Россия» в 1985 году, накануне 150-летия со дня рожде-

ния Марии Александровны, я впервые (и первым в Ленинииане) предпринял попытку рассказать о всех основных вехах ее долгой и прекрасной жизни. Однако установленный издательством предельный объем рукописи в шесть печатный листов позволил более или менее подробно осветить жизнь Марии Александровны только в Симбирске, Казани и Самаре. Что касается других городов и весей, по которым ей пришлось скитаться с средины 90-х годов до 1916 года, сменив за это время почти полсотни частных квартир, а также тех арестов и ссылок, которым подвергались сыновья и дочери, поездок за границу для свидания с находившимся в эмиграции Владимиром Ильичем, то эти и некоторые другие страницы жизни Марии Александровны раскрывались в очерке скупыми штрихами, полуконспективно. Тем не менее эта документальиая летопись, свободная от недостоверных или вымышленных фактов и эпизодов, получила читательское одобрение, что воодушевило меня на более углубленную разработку интереснейшей и вместе с тем сложиой темы, с более широким использованием собственных архивных разысканий.

Предлагаемая книга вдвое больше по объему, чем очерк «Мать Ильича» издания 1985 года. Поэтому стало возможным появление иовых глав: о детстве и юности Марии Александровны и пеизенском периоде ее жизни, завершившемся решением сочетаться браком с Ильей Николаевичем Ульяновым. Со значительно большими подробностями теперь освещается жизнь Марии Александровны в Симбирске, Казани, Самаре, Москве, Киеве и некоторых других городах.

1989 г.

«ДОЧКА СВОЕГО ОТЦА»
(1835-1861)

22 февраля (6 марта) 1835 года* у жены ординатора петербургской больницы «Святой Марии Магдалины», служившего по совместительству и в 1-м ластовом экипаже** морского ведомства, Александра Дмитриевича Бланка родилась четвертая дочь (пятый ребенок в семье), которую нарекли Марией.

Ее мать, Анна Ивановна Бланк, происходила из давно (еще с петровских времен) обрусевшей немецкой семьи Гросшопф. Точнее говоря, она была такой же немкой, как и шведкой: ее отец Иван Гросшопф был женат на Анне Эстедт - девушке шведского происхождения.

Анна Ивановна умерла рано, и осиротевших шестерых детей - восьмилетнего Дмитрия, семилетнюю Анну, шестилетнюю Любовь, пятилетнюю Екатерину, трехлетнюю Марию и двухлетнюю Софью - растил и воспитывал сначала сам отец, а потом всю оставшуюся жизнь ему помогала в этом старшая сестра покойной жены Екатерина Ивановна Эссен.

Александр Дмитриевич Бланк был выходцем из мещанской семьи, проживавшей на Украине, в городе Староконстантиново Волынской губернии. Уже его отец, еврей по национальности, был, как тогда говорили, выкрестом. Перед поступлением в Петербургскую медико-хирургическую академию, Александр тоже стал православным. В 1824 году получив диплом лекаря и, обладая недюжинными способностями, любознательный и трудолюбивый Александр Дмитриевич уже молодым врачом стал «мастером на все руки»: терапевтом, хирур-

---

*В дальнейшем все даты приводятся по старому стилю.

** Ластовый экипаж - флотская команда для службы на ластовых судах и плавучих средствах.

гом, акушером и гигиенистом. Это был демократически настроенный человек, одухотворенный передовыми идеями. Честность и принципиальность он ставил превыше всего, а карьеризм и прислужничество презирал. «Черты эти влияли на его отношения с начальством, на сработанность с ним, и Александр Дмитриевич переменил за время своей служебной деятельности немало мест» - так, со слов родных, характеризовала потом деда его внучка Мария Ильинична Ульянова[11].

В формулярном (послужном) списке, сохранившемся в архиве, перечисляются эти места и должности, которые он занимал: уездный врач города Поречье Смоленской губернии, частный врач второй части Петербурга, ординатор Мариинской больницы (здесь в 1837 году находился Т.Г.Шевченко, и возможно, что Бланк лечил его), врач 23-го флотского экипажа морского ведомства. Дважды Александр Дмитриевич по прошению увольнялся в отставку, а в 1841 году навсегда расстался со столицей и отправился на далекий Урал. Вначале был инспектором Пермской управы и одновременно врачом губернской гимназии и уездного училища. Потом заведовал госпиталем на Юговском заводе, а закончил коронную службу в 1847 году доктором знаменитой Златоустовской оружейной фабрики[12].

В медицине Александр Дмитриевич шел своим, необычным путем: редко использовал распространенные лекарства, зато для лечения внутренних и нервных болезней широко применял водолечение и на Юговском заводе организовал одну из первых в России водолечебниц. Как врач широкого профиля и как пионер в области физиотерапии, в частности бальнеологии, он пользовался на Урале довольно громкой известностью и при желании мог жить безбедно. За 15 лет «беспорочной службы» был удостоен установленного знака, а в конце службы приобрел права потомственного дворянина и чин надворного советника.

По выходе в 1847 году в отставку Александр Дмитриевич не остался в губернском городе, а при содействии петербургских родственников покойной жены приобрел имение (40 душ крепостных при 500 десятинах земли) близ деревни Кокушкино, что в 40 верстах от Казани[13]. Что побудило его навсегда поселиться в этом медвежьем углу? Желание организовать рациональное хозяйство? Возможно, но он скоро убедился, что это ему не удастся.

Живописная местность, в которой он поселился с детьми? Да, Кокушкино, расположенное на высоком берегу речки Ушни, было так красиво, что какая-нибудь крестьянка из соседней деревни говорила кокушкинцам: «Смотрю я на вашу деревеньку и думаю: что за чуда, така она махонька, да такая развеселая».

И все-таки, думается, выбор Кокушкина во многом определился для отставного доктора возможностью создать здесь небольшую водолечебницу, которая вскоре и заработала, причем настолько успешно, что ею стала пользоваться интеллигентная публика не только своего, Лаишевского уезда, но и губернского центра.

В архиве сохранился документ, проливающий свет на жизнь и деятельность Александра Дмитриевича в Кокушкине, а также и повышенное «внимание» к нему властей. Осенью 1850 года казанский военный губернатор Е.П.Толстой обязал лаишевского земского исправника «совершенно секретно» собрать сведения «о поведении, занятиях и образе жизни г. Бланка», на что тот вскоре донес: «Кроме занятий по хозяйственной части, вероятно по недостатку получаемого с имения дохода на содержание семейства своего, состоящего кроме его из четырех (надо: пяти. - Ж.Т.) взрослых дочерей и свояченицы, занимается водолечением, для чего проживали у него профессора Казанского университета гг. Благовещенский и Тхоржевский и чиновник Пермской губернии Кунгурского городского правления Сверчевский. Первые два и последний три месяца, и ныне у него находится для излечения отставной артилерийский подполковник Николай Николаевич Левашов, но, чтобы между ними была какая-либо неблагонамеренная политическая цель, к подозрению в том никаких видов нет»[14].

Лечебница функционировала в основном в теплое время года, когда немногочисленные ее пациенты приезжали сюда и для летнего отдыха. Размещал их доктор либо в деревянном доме с мезонином, расположенном на крутом берегу Ушни, где жил сам с семьей, либо в деревянном флигеле, за проселочной дорогой, ведущей в Кокушкино. В деревне было всего с десяток крестьянских дворов, и ближайший из них стоял в полусотне саженей от жилых строений Бланка, напротив мельничной запруды на Ушне. Так что усадьба, по существу, являлась хуторком, в котором были все необходимые хозяйственные постройки (кухня, баня, погреб, рига, конюшня,

коровник), а также сад и огород.

Александр Дмитриевич представлял собой яркую индивидуальность и как человек. Это был большой любитель чтения, прекрасный шахматист, страстный охотник, веселый собеседник и шутник.

Тем не менее он обладал твердым характером и в воспитании детей следовал принципам, которые сам изложил в сочинении «Чем живешь, тем и лечись», а лучшими лекарствами считал чистый воздух, солнце, воду, моционы и физический труд. Спать дети укладывались рано и рано вставали. Неукоснительно соблюдались правила гигиены и закалки. Летом по утрам шли купаться на Ушню или умываться к роднику, обязательными были обтирания холодной водой. Детей не кутали. Девочки круглый год носили ситцевые платья с открытой шеей и короткими рукавами, много бывали на воздухе. Пища была самая простая, из напитков - только молоко, а чай и кофе не употреблялись вовсе. Спартанский режим включал в себя обязательное самообслуживание и хозяйственные работы. Каждый из ребят делал дома все, что мог сделать без посторонней помощи, на огороде обрабатывал отведенную ему грядку, ухаживал за цветочной клумбой, работал в саду. Доктор растил детей здоровыми, крепкими, трудолюбивыми и уважающими чужой труд людьми.

Учение детей складывалось по-разному. Когда жили в Перми и Александр Дмитриевич служил врачом уездного училища и мужской гимназии, то найти учителя для сына и старших девочек не представляло труда, а Дмитрий затем учился и в гимназии. С переездом в Кокушкино (Маше тогда шел тринадцатый год), где не было даже начальной школы, учение дочерей можно было продолжить в Казанском пансионе благородных девиц. Но плата за содержание и обучение в таком пансионе хотя бы двух младщих - Марии и Софьи - превышала бы пенсию доктора (23 рубля 30 копеек в месяц), да он и в принципе был противником закрытых учебных заведений с их казарменными порядками и ханжескими нравами. Понятно, что главным для Александра Дмитриевича было обеспечить возможность сыну закончить гимназию в городе. Что касается занятий девочек, то они продолжались в Кокушкине под руководством самого отца и тетушки Екатерины Ивановны, уже пожилой, 58-летней женщины (свояченица была на 10 лет старше

А.Д.Бланка). Екатерина Ивановна в свое время служила гуверанткой и обладала опытом обучения детей, особенно европейским языкам, игре на фортепиано и пению.

У Маши были хорошие способности, большая любознательность и страстное желание учиться. С помощью родных, при серьезном отношении к самообразованию она смогла в глухой провинции стать разносторонне образованной девушкой. На пороге юности она, в дополнение к общеобразовательным предметам гимназического курса, довольно свободно говорила по-немецки и французски, читала английских классиков на языке подлинника, исполняла на фортепиано отрывки из известных опер, занималась нотным пением. Многое постигла и в домоводстве: научилась искусству кройки и шитья, вязания, кулинарии, основам садоводства, огородничества и цветоводства, умела оказать первую медицинскую помощь.

С годами редело число обитателей кокушкинского дома. В январе 1850 года двадцатилетний Дмитрий, учась на втором курсе юридического факультета Казанского университета, трагически погиб от стрихнина, при невыясненных обстоятельствах. Это было огромное горе для всей семьи, а для отца - еще и потеря единственного сына и преемника, который должен был заменить его как главу семьи, ставить на ноги сестер.

Обзаводились своими семьями старшие сестры. Первой, осенью того же печального года, вышла замуж Анна - за учителя латинского языка Пермской гимназии Ивана Дмитриевича Веретенникова. Затем Любовь стала женой пермского чиновника Александра Федоровича Ардашева. Екатерина вышла за некоего Алехина, но вскоре овдовела и уже после окончания Крымской войны обвенчалась с учителем математики Пермской гимназии Андрееем Александровичем Залежским. С отцом и тетушкой остались младшие - Мария и Софья.

В ненастное время года из-за распутицы и снежных заносов связь с Казанью почти прекращалась, иногда по неделе не было оказий с книгами и почтой. Софья, хуже переносившая скуку и замкнутость деревенской жизни, нередко горько плакала. Случалось, в долгие зимние вечера тосковала и Мария. «Но суровое, простое, чуждое всякого баловства и барства воспитание закалило характер нашей матери, - вспоминала Мария Ильинич-

на, - сделало ее твердой, очень выносливой и терпеливой. Ни в детстве, ни в юности она не знала, что такое нервы, была физически очень крепкой и здоровой»[15]. От скуки она знала только одно средство - дело - и, обладая большой выдержкой, умела найти себе нужное и полезное занятие. В этом отношении, как и во многом другом, она, говоря словами Дмитрия Ильича, «была действительно **«дочкой своего отца»**[16] (выделено мною. - Ж.Т.).

Мария и внешне более других сестер походила на отца, была такой же общительной, быстро завязывала знакомства и не избегала общения с «простым» людом. «Она, как и отец, - рассказывала потом Мария Ильинична, - охотно беседовала с крестьянами, когда ей приходилось жить в деревне, и они искренне любили ее за доброту и ласку, за всякое отсутствие барства и высокомерия, за готовность прийти им на помощь»[17].

Ни отец, ни тетушка не были суеверными и богомольными людьми и посещали церковь, находившуюся в селе Черемышеве, больше по обязанности, чем по зову души. Такое отношение к выполнению обрядов не могло не сказаться на детях. Во всяком случае, Мария не была религиозной в юности, не стала ею и в зрелые годы[18].

А вот страсть к чтению была постоянным общим увлечением. Отец постепенно составил домашнюю библиотеку, но большую часть литературы, особенно журнальные новинки, брал из Казанской общественной библиотеки, где имел платный абонемент, что было не так-то просто.

Возможности для чтения расширились, когда в 1859 году старый приятель отца по Перми 53-летний Александр Петрович Пономарев (только что сдавший дела дирекции самарских училищ мужу Анны И.Д.Веретенникову и вышедший в отставку) приехал в Кокушкино подлечиться, а потом и вовсе остался в качестве пансионера, поселившись во флигеле. У отца появился постоянный разносторонне образованный собеседник и партнер по шахматам. Александр Петрович был заядлым книголюбом и перевез в Кокушкино свои книги и комплекты журналов «Современник», «Отечественные записки», «Русское слово». Будучи холостяком, он тратил значительную часть пенсии на приобретение литературы. Теперь номера журналов со статьями Н.А.Добролюбова, Н.Г.Чернышевского, Д.И.Писарева, Н.В.Шелгуно-

ва, сатирой М.Е.Салтыкова-Щедрина, обличительной поэзией Н.А.Некрасова, Н.С.Курочкина, Д.Д.Минаева, сочинениями Л.Н.Толстого, И.С.Тургенева, И.А.Гончарова, других популярных писателей всегда были у Марии под руками.

Мария с Софьей время от времени навещали своих замужних сестер , осевших в Перми; когда же Веретенниковы переехали в Самару, то приезжали погостить и в этот волжский город. Здесь Софью познакомили со штатным смотрителем Самарского уездного училища Иосифом Кондратьевичем Лавровым, и в 1861 году она стала его женой.

В летнее время сестры со своими детьми, а иногда и мужьями, съезжались на отдых в Кокушкино, и веселое оживление радовало старого доктора, Екатерину Ивановну и, конечно, Марию. Она находилась в добрых отношениях со всеми сестрами, но все же ближе - с младшей и самой старшей. С Софьей они росли в паре, к тому же та дольше других оставалась с Марией в отцовском доме. Анну же, хотя она первой покинула Кокушкино и отличалась вспыльчивым характером, выделяло среди остальных само положение старшей сестры в семье, потерявшей мать; помимо этого, Марию давно связывала с ней и духовная близость. Обе они увлекались литературой, особенно поэзией Лермонтова и Некрасова, статьями К.Д.Ушинского и считали учительство одной из полезнейших профессий для общества. Анна могла часами декламировать полюбившиеся стихи русских классиков, писала и читала собственные стихи, как лирические, так и гражданского звучания. В свою очередь, Мария доставляла радость старшей сестре своим тонким пониманием музыки, выразительностью и мягкостью туше в игре на фортепиано, задушевным пением. Не могли не вызывать уважения ее увлеченность и трудолюбие, с которыми она относилась к своим самостоятельным музыкальным занятиям, когда часами играла застывшими пальцами в плохо отапливаемой зале, где стоял рояль. Хотя поэтическим творчеством она не занималась, но тоже знала наизусть немало прекрасных стихов и мастерски декламировала их. Мария была добра, умна, умела слушать собеседника, понять сокровенное, дать дельный совет.

В июле 1861 года Веретенниковы переехали из Самары в Пензу, где Иван Дмитриевич получил должность

инспектора дворянского института и служебную квартиру при нем. Как только Анна обжилась на новом месте, то поделилась с Марией впечатлениями о Пензе, новостях общественной и культурной жизни города и заботах педагогической корпорации, круге новых друзей и знакомых мужа и пригласила ее к себе в гости.

Марию не надо было просить дважды. Она тоже очень хотела встретиться со старшей сестрой, повидать племянников, особенно теперь, когда из дома уехала и Софья. Но отправляться в путь за 500 верст по осеннему бездорожью было неразумно, следовало дождаться, пока лед скует Волгу, чтобы прокатиться по ней до Симбирска, а уж затем, по снежному первопутку, добираться до Пензы.

ПЕНЗА
(1861-1863)

Пятидневное путешествие Марии Александровны от Кокушкина до Пензы по только что установившемуся, еще не разбитому ухабами санному пути завершалось благополучно, и уже на подъезде можно было видеть большую часть города, раскинувшегося амфитеатром на вершине и склонах высокого холма, спускавшегося к реке Суре.

И вот настал момент, когда городской кучер, провезя путницу в гору по оживленной центральной Московской улице до венчавшего ее кафедрального собора, повернул направо и повез еще выше - на параллельную ей Дворянскую. Въехав в большой двор за высокой железной оградой, в глубине которого возвышалось внушительное трехэтажное каменное здание, он остановился у парадного крыльца. Еще издали Мария Александровна прочла выложенную на фронтоне большими золотистыми буквами надпись: «Дворянскій институтъ». Здесь, на нижнем этаже, и жили Веретенниковы. Радостной была встреча с сестрой, зятем и племянниками - десятилетней Любой, шестилетней Аней, пятилетним Митей, четырехлетним Сашей и двухлетней Катенькой.

Знакомясь с новым городом, Мария Александровна нашла его более благоустроенным, чем Самара, недавно получившая статус губернского центра, но провинциальнее и меньше университетской Казани. Бросалось в глаза обилие церквей (их было 22) и больших помещичьих

усадеб верхней части города, а также близость начинавшейся уже в нескольких минутах ходьбы от дворянского института великолепной дубравы - любимого места отдыха горожан. Окраины, населенные простым людом, были жалкими и неприглядными, как и везде.

В Пензе имелись театр, небольшая общественная библиотека, клуб Дворянского собрания, а из учебных заведений, помимо дворянского института, - мужская и женская гимназии, духовная семинария, уездное училище, частная художественная школа и училище садоводства; издавалась своя газета - «Пензенские губернские ведомости», работал телеграф. Крупных заводов не было (за пределами губернии известна была в основном лишь продукция писчебумажной фабрики), а вот кустарных мастерских - масса. Развитой была и торговля, особенно во время ярмарок.

Волна общественного возбуждения в крае несколько спала по сравнению с весной, когда войска жестоко подавляли волнения крестьян, возмущенных грабительскими условиями своего «освобождения» от крепостной зависимости. Но эхо революционной ситуации все еще проявлялось в «беспорядках» даже в стенах дворянского института и расположенной неподалеку от него мужской гимназии.

Сестра и зять, конечно, ввели Марию Александровну в перипетии борьбы местных сторонников некрасовского «Современника» с учителями-рутинерами, некоторые эпизоды которой получили огласку далеко за пределами Пензы. Из уст в уста все еще передавались подробности скандала, разыгравшегося 23 ноября прошлого года на торжественном акте института в связи с речью словесника В.М.Логинова «Очерк сатирического направления русской литературы XVIII века». Достаточно сказать, что местный архиепископ Варлаам расценил эту речь как «осмеяние религии, нравственности, семейных начал и царствующего дома», а герценовский «Колокол» 1 марта 1861 года сообщил о переводе Логинова в другой город, а также отстранении директора дворянского института от должности.

Да и в те ноябрьские дни, когда Мария Александровна прибыла в Пензу, в дворянском институте было неспокойно - происходили стычки учащихся и некоторых педагогов с директором-самодуром (отставным майором без высшего образования) Н.П.Огонь-Догановским. В

воскресенье 19 числа воспитанники старших классов устроили «чистую манифестацию», направленную против Огонь-Догановского, и через два дня он вынужден был передать дела по управлению институтом Ивану Дмитриевичу Веретенникову. В это же время город был взбудоражен появлением бывших воспитанников института и гимназии, исключенных из университетов за участие в студенческих «беспорядках».

Такова была обстановка накануне 23 ноября - дня очередного годичного акта в дворянском институте, ответственность за проведение которого в этом году легла на мужа сестры Марии Александровны.

Утром 23-го Мария Александровна с сестрой и зятем поднялись по чугунной лестнице, устланной ковровой дорожкой, на третий этаж, где в «домовой церкви» состоялась в связи с торжеством института «божественная литургия»; затем спустились на второй этаж, где, в числе почетных гостей, заняли кресла в первом ряду актового зала, заполненного преподавателями, учениками и их родными. Ровно в 12 часов по приглашению Ивана Дмитриевича на кафедру быстрыми шагами взошел небольшого роста подвижный человек лет тридцати, худощавый, с высоким лбом и крупными чертами слегка скуластого лица, обрамленного прямыми гладкими волосами и бакенбардами. Это был старший учитель физики и математики Илья Николаевич Ульянов. Он начал свое выступление «О грозе и громоотводах».

Мария Александровна уже была наслышана от Веретенниковых об этом незаурядном человеке и знала о его необычной судьбе. Сын бывшего крепостного, ставшего впоследствии портняжным мастером и членом астраханского мещанского общества, он пяти лет остался без отца. Гимназическое образование получил только благодаря самоотверженной поддержке старшего брата, своему исключительному трудолюбию и тяге к знаниям. Причем, несмотря на материальные трудности, закончил гимназию блестяще - с серебряной медалью. Можно представить, сколько лишений и невзгод пришлось перенести ему во время учения в Казанском университете. Но он и там оказался в числе лучших студентов и был удостоен диплома кандидата математических наук*. В Пензенс-

*Тема диссертации: «Способ Ольберса и его применение к определению орбиты кометы Клинкерфюса 1853 г.».

ком дворянском институте Ульянов служил уже более шести лет и среди коллег пользовался репутацией одного из сведущих и умелых педагогов, а воспитанники любили его за толковое преподавание, гуманное отношение к ним и за то, что вместе с другими немногими «светлыми личностями» он прививал им честный взгляд на жизнь и высокие нравственные принципы.

Справившись с понятным первоначальным волнением от присутствия в зале посторонней публики, в том числе губернатора, архиерея и прочих высокопоставленных особ, лектор быстро увлек зал глубоко изученной им проблемой, подкрепляя научные выкладки интересными примерами и случаями из жизни и из работ зарубежных физиков, специально переведенных им при подготовке этого выступления.

С суеверным страхом о причинах и сущности гроз и молний толковал не только неграмотный простой люд, но и многие представители просвещенного общества. В Пензенской губернии, как и повсюду, от ударов молний каждое лето то тут, то там вспыхивали деревянные строения, полыхали леса, хлебные скирды, стога сена и соломы, гибли люди и животные. Ульянов обстоятельно и доходчиво рассказывал о видах атмосферного электричества, об условиях, увеличивающих или уменьшающих пагубные последствия ударов молний, а затем, разъяснив физический смысл громоотводов, на конкретных примерах показал, что при правильном их устройстве они надежно защищают любые сооружения. Произносил он слова с картавинкой, которая ничуть не мешала его логичной, четкой и убедительной речи. Когда он с воодушевлением говорил о существе и силе науки, его глаза блестели, вся фигура выражала порыв и подъем духа, что передавалось и прикованной к его речи неподдельным вниманием Марии Александровне. В заключение лектор твердо заявил: «Итак, наука дает человеку средства оградить себя от ударов молний, борется с предрассудками и побеждает их самыми неопровержимыми доказательствами - фактами»[19].

После торжественного акта, завершившегося осмотром кабинетов и библиотеки, коллекций и лучших работ учеников по рисованию, черчению и чистописанию, сестра представила Марии Александровне Илью Николаевича Ульянова. Потом ее знакомство с этим человеком продолжилось на вечерах, которые устраивали у себя

Веретенниковы. Душой этих вечеров была сестра, общительная и гостеприимная хозяйка. Во многом благодаря ей, по-прежнему любительнице изящной словесности, они носили литературный характер. Обладая феноменальной памятью, она, как и в юности, была великолепным декламатором и рассказчицей.

Собирались в основном молодые учителя, близкие по возрасту Марии Александровне. Самой Анне было лишь 28 лет, Илье Николаевичу Ульянову - 30, естественнику Владимиру Александровичу Ауновскому - на год меньше, их ближайший товарищ словесник Владимир Иванович Захаров являлся ровесником Ульянова, только его юной жене, Ольге Сергеевне, недавней выпускнице гимназии, было 19 лет. Однако эту компанию объединял не столько возраст, сколько общность взглядов и интересов. Друзья-учителя являлись типичными разночинцами, с трудом получившими высшее образование, а по мировоззрению - просветителями, ненавидившими крепостничество, горячими поборниками развития науки, народного образования, эмансипации женщин и европеизации всей общественной жизни в стране.

На вечерах обычно читали вслух, в том числе и Илья Николаевич, свежие номера «Современника», «Отечественных записок», а затем обсуждались наиболее злободневные статьи. После чая с пирогами, которые сестра пекла мастерски, все возвращались из столовой в гостиную и здесь, смотря по настроению, продолжались горячие споры, происходили баталии за шахматной доской или возникали импровизированные концерты. Из солистов особым успехом пользовался Ауновский, прозванный «соловушком» за свой хороший голос. У Марии Александровны голос был небольшой, но приятный, и ее пение и игру на рояле с удовольствием слушали новые знакомые[20].

Нельзя было не оценить ее музыкального вкуса, высокого мастерства игры и владения голосом, не любоваться ее невысокой, но стройной фигурой, красивым спокойным лицом с умными, добрыми карими глазами и скромностью, а при разговоре с ней - не увидеть ее богатого, самобытного внутреннего мира, ее природного ума и разносторонности знаний, любознательности и искренности, серьезного отношения к окружающей действительности и отсутствия легкомысленного кокетства. Все эти привлекательные черты облика Марии Алек-

2 2585

сандровны глубоко запали в душу Ильи Николаевича Ульянова. Ближе познакомившись, они находили много общего в своих взглядах и устремлениях. Теперь они вместе бывали и у его лучших друзей, каждый из которых был по-своему незаурядной личностью.

Худощавый, не блещущий здоровьем, в неизменном пенсне, Владимир Александрович Ауновский оказался серьезным ученым с самыми разносторонними интересами: он готовил к печати начатую еще в Петербурге работу «О месторождении каменного угля в Европейской и Азиатской России», положил начало этнографическим исследованиям жизни мордвы, глубоко занимался статистикой. Жил он вдвоем с матерью, Натальей Ивановной, которая после смерти мужа-учителя полностью посвятила себя единственному сыну.

Добрые отношения сложились у Марии Александровны и с четой Захаровых. Илья Николаевич был очень близок с Владимиром Ивановичем и жил с ним вместе вплоть до женитьбы друга в 1860 году. Внешне Захаров напоминал Беранже. Как и Илья Николаевич, он был горячим приверженцем В.Г.Белинского, Н.Г.Чернышевского, а также Н.А.Добролюбова, с которым учился в Петербургском Главном педагогическом институте на одном факультете, а теперь в преподавании словесности неуклонно следовал его принципам. Одним из первых в России Захаров нарушил молчание о «неистовом Виссарионе» и на торжественном акте 1860 года в гимназии (куда он перешел из дворянского института) произнес речь о жизни и творчестве великого критика. В том же году вместе с И.Н.Ульяновым, В.А.Ауновским и другими педагогами-демократами он организовал воскресную школу для детей ремесленников. На своей квартире Владимир Иванович вместе с Ильей Николаевичем учредил литературные вечера с участием учащейся молодежи, где читались новейшие произведения Некрасова, Тургенева, Герцена и свежие номера «Колокола». Если руководителем и «мозгом» этого кружка был Владимир Иванович, то, выражаясь словами современника, «согревающим и заставляющим учащенно биться жизненный пульс, его сердцем» являлась Ольга Сергеевна[21].

Вникая в просветительские дела своих пензенских друзей, Мария Александровна с особым интересом отнеслась к воскресной школе для детей ремесленников, в которой преподавали Илья Николаевич, В.И.Захаров и

В.А.Ауновский. Сам по себе факт, что они, проработав шесть дней в неделю, вместо законного и необходимого отдыха находили в себе силы и желание каждое воскресенье безвозмездно обучать грамоте, арифметике и начаткам естествознания ребят, лишенных возможности заниматься в нормальной школе, вызывал большое уважение. Однако правительство и духовенство видели в воскресных школах рассадник «нового истока зла» и своим строгим контролем, обвинениями и придирками отбивали охоту у «рьяных прогрессистов» заниматься этой работой. В конце концов даже Захаров, который был учредителем воскресной школы в Пензе, оставил ее и передал руководство Ульянову.

Мария Александровна, живя в Пензе уже несколько месяцев, была свидетельницей того, как Илья Николаевич с завидной настойчивостью, несмотря на препятствия, продолжал обучать грамоте и арифметике детей бедноты до тех пор, пока в июне 1862 года ему не вручили циркулярное предписание министра внутренних дел, в котором говорилось, что ввиду обнаружения попыток «злоумышленников» развивать в воскресных школах «вредные учения, возмутительные идеи, превратные понятия о праве собственности и безверие» они повелением царя закрываются[22].

К большому сожалению Ильи Николаевича и Марии Александровны, летом 1862 года Ауновские и Захаровы перевелись в Нижний Новгород. Мария Александровна на лето отправилась к отцу и тетушке в Кокушкино, и не исключено, что часть пути домой она проделала вместе с такими желанными попутчиками. Что касается Ильи Николаевича, то он провел отпуск в Астрахани, где попрежнему жили его мать, брат и две сестры.

Еще до наступления осенней распутицы Мария Александровна вернулась в Пензу. При встрече с Ильей Николаевичем им было что рассказать друг другу.

С начала учебного года у Ильи Николаевича Мария Александровна тоже возобновила регулярные занятия в качестве учительницы: помогала старшей племяннице Ане овладевать немецким и французским языками, игрой на фортепиано, пением, а также общеобразовательными предметами, по которым девочке предстояло сдавать вступительные экзамены в женскую гимназию.

Эта помощь была особенно нужна сестре теперь, когда она ждала шестого ребенка. 16 октября 1862 года у

2*

Марии Александровны появилась племянница-крестница, которую родители назвали в ее честь Марией. Заботы о новорожденной поглощали у сестры много времени. Мария Александровна уделяла внимание и младшим племянникам, но все же дети больше были на попечении няни Елены Григорьевны.

Эта пожилая строгая с виду крестьянка поражала Марию Александровну своей сердечной добротой, спокойствием и терпением, с которыми она ухаживала за больными, успокаивала капризничавшего, мирила ссорящихся. Детям она не рассказывала страшных сказок с неизменной бабой-ягой, а изобретала всегда нечто особенное, интересное и самобытное. Ее такту, наблюдательности, умению найти подход к ребенку мог бы позавидовать любой педагог, хотя ни о какой системе воспитания эта простая неграмотная крестьянка и понятия не имела. Она непроизвольно черпала полезные приемы в собственном жизненном опыте и в своей любящей детей душе. Анна высоко ценила в ней эти качества и очень уважала и любила няню своих детей.

Зимой Мария Александровна заболела, и настолько серьезно, что сестра вынуждена была сообщить об этом отцу. Встревоженный Александр Дмитриевич «прискакал из Кокушкина на лошадях, стоя в санях и погоняя лошадей...»[23]. Такой порыв был характерен для отца, не чаявшего души в своей Машеньке. Болезнь оказалась тифом. Первым делом Александр Дмитриевич велел убрать все лекарства и стал лечить дочь своим способом, применяя и теплые ванны, обертывание во влажные простыни. Через много лет, рассказывая своим детям о врачебном искусстве их деда, Мария Александровна с благодарностью вспомнит и о том, как он вылечил ее от тифа, почти не употребляя лекарств.

Во время пребывания отца в Пензе Мария Александровна поделилась с ним сокровенной тайной: Илья Николаевич Ульянов намерен просить ее руки. Александру Дмитриевичу понравился будущий зять - высокообразованный и талантливый преподаватель, человек, как и он сам, чуждый карьеризма и стремления к материальной наживе, не жалеющий сил для безвозмездного труда - заведования метеостанцией или воскресной школой для детей ремесленников. Покоряли благородные черты избранника дочери: доброта, скромность, искренность, готовность прийти на помощь нуждающемуся, ог-

ромное трудолюбие, благодаря которому он и стал кандидатом математических наук. В нем сразу чувствовался прекрасный человек и честный гражданин. Мария Александровна и в своем выборе оказалась дочерью своего отца. Александр Дмитриевич благословил наметившийся брачный союз и взял слово, что это торжественное и радостное событие состоится летом в Кокушкине.

Привыкшая к самостоятельному умственному труду, Мария Александровна, живя в Пензе, продолжала заниматься самообразованием. Видя перед собой заразительный пример увлеченной педагогической деятельности своего друга, она, наконец, решила осуществить свою давнюю заветную мечту - приобрести юридические права учительницы первоначального обучения детей русскому, немецкому, французскому языкам и арифметике и готовилась к сдаче экзаменов экстерном для получения желанного свидетельства. Илья Николаевич горячо поддерживал это стремление и с удовольствием помогал ей в подготовке, особенно по вопросам методики обучения математике и русскому языку. Иностранными же языками Мария Александровна (свободно читавшая и разговаривавшая с детства с тетушкой, для которой они были, можно сказать, родными) владела в совершенстве. Так что с этой стороны ей помощи не требовалось - она сама консультировала Илью Николаевича и помогала ему переводить труды французских физиков. Занималась она с ним и новым для него языком - английским.

На исходе 1862 года в Пензе стало известно о скором закрытии дворянского института. Илья Николаевич тогда же, в середине учебного года, возбудил ходатайство о переводе в Нижний Новгород, куда уже уехали ближайшие друзья Ауновские и Захаровы.

Весной Илья Николаевич принял экзамены у своих воспитанников, а как только пришел приказ о его перемещении в Нижегородскую гимназию, сразу же стал рассчитываться с дворянским институтом, в котором прошли восемь с лишним лет учительства.

Готовилась к отъезду и Мария Александровна. Она уже договорилась с сестрой Софьей, жившей в Самаре, что этим летом они вместе будут сдавать экстерном экзамены на звание учительницы в тамошней мужской гимназии.

Обстоятельства (а конкретнее - безденежье, ибо ин-

ститут, разорившийся и закрывающийся из-за отказа дворян финансировать его, не мог выплатить жалованье преподавателям) не позволили Илье Николаевичу проводить невесту в Самару, и она отправилась туда одна. Расстались они ненадолго - всего лишь на несколько недель. 15 июля 1863 года Мария Александровна сдала экзамены и, получив на руки «Свидетельство» учительницы, отправилась в Кокушкино. Вскоре сюда, уже из Нижнего Новгорода, приехал Илья Николаевич и тепло поздравил ее с успехом.

Бракосочетание Марии Александровны с Ильей Николаевичем состоялось в присутствии отца, тетушки, сестер, свидетелей и близких знакомых 25 августа в селе Черемышеве, находившемся в трех верстах от Кокушкина. Верная себе, Анна Александровна выразила напутствие молодым:

На перепутье жизни новой
От сердца, полного любви,
Примите вы мои два слова
Не в смысле лестной похвалы,
Не за совет и не за фразы,
Но за желание души сестре и другу,
Чтобы нигде не изменяли вы
Признанью чувств, богатых верой
В добро и правду на земле.

Это пожелание как нельзя лучше совпадало с тем гуманистическим началом, которое роднило новобрачных, определяло их помыслы и надежды.

Сразу же после свадьбы счастливая чета отправилась в Казань, а оттуда по Волге - в Нижний Новгород, где Марии Александровне предстояло самостоятельно вести хозяйство, строить свою семью.

НИЖНИЙ НОВГОРОД
(1863-1869)

Древний город, раскинувшийся на высоком правом берегу Оки и Волги, в районе их слияния, поражал приезжего лесом мачт у речных причалов, дымящими трубами пароходов, шумной суетой матросов, грузчиков и извозчиков. Да, Нижний Новгород был намного оживленнее Пензы. Немаловажную роль здесь, в дополнение

к портовому положению города, сыграло открытие в 1862 году железнодорожного сообщения с Москвой, а через нее и с другими торгово-промышленными центрами. Появление столь удобной транспортной связи - первой железной дороги в Поволжье - дало второе дыхание здешней ярмарке и еще более укрепило репутацию города как всероссийского торжища.

Сразу же по приезде в Нижний перед Ульяновыми остро встала проблема с жильем. По существовавшим правилам Илья Николаевич мог получить казенную квартиру только в том случае, если он, помимо преподавания учебных предметов, возьмет на себя обязанности воспитателя или заведующего физическим кабинетом. Вакансия воспитателя пансиона оказалась не в гимназии, а в дворянском институте, где, кстати, преподавал В.И.Захаров. В «красном флигеле», находившемся во дворе института, и поселились Ульяновы.

Это был центр города. В нескольких минутах ходьбы находились мужская гимназия, городская управа, почтовая контора, театр, Дворянское собрание, духовная семинария. За Благовещенской площадью (ныне Минина и Пожарского) с одноименным собором и фонтаном начинался кремль, за мощными стенами которого возвышались пятиглавый Спасо-Преображенский собор и шатровый храм Михаила Архангела. Тут же, в кремле, недалеко от Откоса, - обелиск в память К.Минина и Д.Пожарского. А с Откоса открывались великолепные виды на Стрелку, дали Заволжья, на часть ярмарки и белокаменный Печерский монастырь.

Счастье семейной жизни принесло и свои хлопоты: надо было обзаводиться мебелью, различным хозяйственным имуществом. Заботясь о благоустройстве домашнего очага, Илья Николаевич, кроме основной работы, дает уроки по планиметрии на землемерно-таксаторских курсах, функционировавших при гимназии, а с октября, вместе с В.А.Ауновским, берется и за преподавание в женском училище 1-го разряда (женской гимназии в городе еще не было).

Марию Александровну немало беспокоила столь великая нагрузка, которую взвалил на себя муж. Ведь ему приходилось иметь дело с начальством сразу четырех учебных заведений, вести различные предметы по разным программам. Кроме того, женское училище находилось далеко от дома, на Ильинке. Имея там всего че-

тыре урока в неделю, Илья Николаевич должен был за 10 рублей в месяц каждый раз, нагрузившись учебными пособиями, отправляться за Лыковую дамбу. Вместе с тем было очевидно, что стране очень нужны грамотные землемеры-таксаторы, а женское образование еще так зыбко и так нуждается в толковых преподавателях. Видя, что при всей своей занятости и усталости муж испытывает и немалое удовлетворение от этой работы, Мария Александровна не решалась особенно противиться его стремлению делать нужное для общества дело.

К началу следующего учебного года, когда Илье Николаевичу предложили заведование физическим кабинетом губернской гимназии, он отказался от воспитательской должности в дворянском институте, и Ульяновы получили квартиру на третьем этаже здания гимназии*, выходившего фасадом на Благовещенскую площадь. Здесь 14 августа 1864 года у Марии Александровны родилась дочка. В честь обеих бабушек ее нарекли Анной. Радость родителей разделили друзья - Захаровы и Ауновские, а Владимир Александрович с матерью стали официальными восприемниками Ани Ульяновой.

Мария Александровна, на тридцатом году жизни познавшая счастье материнства, теперь утопала в радостных хлопотах. И вообще она с полным основанием считала начало своей семейной жизни счастливым. Любящий, умный, внимательный муж, а теперь - и заботливый отец, по первому ее слову был готов подключиться к решению возникающих хозяйственных проблем, помочь в любом деле.

Невзирая на новые заботы, Мария Александровна с неослабным интересом вникала в учебные занятия Ильи Николаевича, сочувствовала его стараниям повысить роль точных наук в гимназическом курсе обучения или внести усовершенствования в известные способы обучения грамоте.

Начало жизни Ульяновых в Нижнем совпало по времени с раскрытием в Поволжье «Казанского заговора», участники которого старались помочь патриотам Польши и Литвы в их борьбе против царского самодержавия. В городе ужесточились гонения на «инакомыслящих», подозреваемых в привитии молодежи чувства недоволь-

*Ныне в этом реконструированном здании находится пединститут имени М.Горького.

ства «против властей и дворянства», К несчастью в число их попал и Владимир Иванович Захаров. Понимая, что на педагогическом поприще ему не удержаться, способный педагог устроился в губернское акцизное управление, а затем был вынужден вообще расстаться с государственной службой. Этой осенью Ульяновы с великим сожалением проводили Захаровых, уже с годовалым сыном Андрюшей, в село Каменку Курмышского уезда Симбирской губернии, где Владимир Иванович занял место управляющего имением Левашовых.

В июне следующего года, когда вопреки стремлениям передовой общественности курс естественных наук в Нижегородской гимназии был урезан, покинули Нижний Новгород и Ауновские, переехав в Казань. Теперь Ульяновы поддерживали связь со старыми друзьями по почте, встречи с ними были редкими и случайными, и утрата возможности постоянного общения, конечно, огорчала.

Весной 1866 года все дела и проблемы Марии Александровны отодвинуло на второй план замечательное событие: 31 марта 1866 года у нее родился сын. Назвали мальчика, в честь деда, Александром. Жизнь семьи стала еще более полнокровной. Как говорится, больше счастья - больше и забот. Восприемниками Саши стали учитель русского языка и словесности Михаил Павлович Мальцев и жена учителя географии Матильда Ивановна Мартынова - весьма интересные и порядочные люди, с которыми Ульяновы сблизились в последнее время.

Мальцеву не исполнилось еще и тридцати. В Нижний он перебрался всего лишь год назад, но Илья Николаевич знал семью Мальцевых еще в Астрахани, а с самим Михаилом Павловичем встречался и в Пензе. Главное, он ценил Мальцева как горячего поклонника К.Д.Ушинского и большого знатока отечественной литературы. И Михаил Павлович, и Матильда Ивановна были соседями Ульяновых по квартире в гимназии.

Матильда Ивановна, как и Ауновская, в свое время была одним из консультантов Марии Александровны по уходу за новорожденной Аней, а теперь опекала и своего крестника. Она была и доброй приятельницей, с которой можно было, уложив детей, поговорить, вместе почитать, помузицировать. Незаурядной личностью был муж Мартыновой - Александр Федорович. После окон-

чания Казанского университета он одно время учительствовал вместе с Н.Г.Чернышевским в Саратовской гимназии. Переехав в начале 50-х годов в Нижний, А.Ф.Мартынов с успехом преподавал в здешних учебных заведениях словесность и географию, активно выступал в местной и центральной печати по вопросам образования, истории, этнографии, а то и с рассказами и очерками о труде и быте народа, обличал казнокрадов и взяточников. Мария Александровна ценила Александра Федоровича и за то, что по всем спорным вопросам обучения и воспитания, поднимавшимся на педсоветах, он выступал заодно с Ильей Николаевичем.

Прошло только четыре дня после появления в семье Ульяновых сына, как в Петербурге прогремел выстрел в царя Александра II. В первом сообщении говорилось о неудачно покушавшемся, как о «молодом человеке в простом платье», а в середине апреля стало известно и его имя: Дмитрий Владимирович Каракозов.

Каракозов... Илья Николаевич знал его еще в Пензе, в те годы, когда тот вместе со своим двоюродным братом Николаем Ишутиным квартировал у Захарова. В приподнятое настроение Ульяновых влилась тревожная нота. Конечно, жаль было этого юношу. О себе лично Илья Николаевич особенно не тревожился, а вот друг, Владимир Иванович, мог пострадать, так как в последние годы встречался с Каракозовым, Ишутиным, другими своими революционно настроенными воспитанниками.

К несчастью, следствию удалось установить «вредное влияние» В.И.Захарова на Д.Каракозова и других активных членов революционной организации, руководимой Н.Ишутиным, и Владимир Иванович как «образователь красных пензяков» хотя и удержался в Каменке, но уже на положении политического ссыльного.

Что касается Ильи Николаевича, то его фамилия упоминалась в следственных документах по делу о покушении на царя шесть раз. Прежде всего потому, что он, как Каракозов и Ишутин, одно время квартировал вместе с В.И.Захаровым. Питомец Пензенского дворянского института Николай Странден на вопрос следователя о его знакомых в Нижнем ответил: «Кроме родственников Васильева и бывших моих учителей, Ульянова и Ауновского, знакомых я там не имел». Как своего учителя, и только, упоминали Ульянова и другие обвиняемые по каракозовскому процессу. Поэтому проводившиеся в

Нижнем допросы, обыски и репрессии, к счастью, не сказались на личной судьбе Ильи Николаевича и Марии Александровны.

Последствия каракозовского выстрела в общественной жизни страны были весьма значительными - началось новое наступление реакции. Любимые Ульяновыми журналы «Современник» и «Русское слово» были закрыты. Министром народного просвещения стал обер-прокурор святейшего синода, известный реакционер граф Д.А.Толстой. По его указанию уже в июне в гимназиях повышается плата за обучение, чтобы затруднить туда доступ детям из малоимущих семей; из ученических библиотек изымаются «Электричество и магнетизм» Циммермана, «Рефлексы головного мозга» И.М.Сеченова и другие «вредные» сочинения, способствующие распространению атеизма; урезаются права педагогических советов, раздаются призывы к новому сокращению учебных часов на естественные науки.

В этот период, вошедший в историю как время «белого террора», у передовой интеллигенции еще более уменьшились возможности для прогрессивной общественной деятельности. Тем не менее Илья Николаевич делает все, что в его силах. В составленных им предметных программах на 1867/68 учебный год он продолжает отстаивать необходимость углубленного изучения точных наук. В программу по физике он вводит значительный раздел химии - науки, вообще не значившейся в гимназическом курсе. Все уроки старается связать с жизнью, своим личным примером способствует формированию у воспитанников гуманных чувтсв, любви к родине.

Мария Александровна с пониманием относилась к работе мужа в этих трудных условиях, старалась поддержать его, облегчить его жизнь, создать уют в доме. Она гордилась тем, что, несмотря на столкновения Ильи Николаевича с гимназическим начальством, руководство Казанского учебного округа по-прежнему высоко оценивало его работу: «Ульянов, снискавший себе известность отличного педагога, по достоинству занимает принадлежащее ему место между лучшими преподавателями. Его мягкое и симпатичное обращение с воспитанниками, всегда ровный и благоразумный такт привлекает к нему учеников и заставляет охотно заниматься. Самое его преподавание отличается ясным и толковым изложением и тем терпеливым вниманием, которым он сла-

бых и менее развитых учеников доводит до полного усвоения преподаваемого...»[24].

Летние вакации вся семьи Ульяновых обычно проводила у отца. Впервые эта традиция была нарушена в конце мая 1867 года: Илье Николаевичу понадобилось срочно выехать в Астрахань, где серьезно заболела мать. Мария Александровна не рискнула в начавшуюся жару отправиться в далекое путешествие по Волге с двумя маленькими детьми и почти все лето провела в Кокушкине.

Родные взяли с Ильи Николаевича слово, что через год он привезет всю свою семью. Но учебные дела сложились весной следующего года так, что он не смог оставить Нижний Новгород, и Мария Александровна чуть ли не на первом же пароходе сама отправилась с детьми в Астрахань. Ане тогда было около четырех лет, но она хорошо запомнила маленький деревянный домик невдалеке от волжской набережной, бабушку Анну Алексеевну и дядю Василия Николаевича, которые так много возились с ней и Сашей и, как находила мама, баловали их чересчур. Как ни хорошо было гостить у родственников, этих простых и добрых людей, Мария Александровна до наступления жары покидает Астрахань и спешит в Казань, а оттуда, уже вместе с мужем, в Кокушкино. У нее была важная причина отъезда из Астрахани в начале лета: ожидание третьего ребенка. Он появился на свет в конце июля. Это была девочка, которую назвали (не в честь ли О.С.Захаровой?) Олей.

С рождением третьего ребенка забот значительно прибавилось. Но для родителей они были отнюдь не тягостными. Мария Александровна научилась так распределять свое время, чтобы ни один ребенок не был обделен вниманием, а каждый новый день приносил детям радость. За что бы она ни бралась, все делала с вдохновением и фантазией. Казалось бы, такая немудреная комнатная игра, как игра на стульях, изображавших тройку с санями, превращалась Марией Александровной в яркое и незабываемое для малышей путешествие. В памяти ее старшей дочери навсегда запечатлелась такая картина: «Брат (Саша - Ж.Т.) сидел за кучера, с увлечением помахивая кнутиком, я с мамой сзади, и она оживленно рисовала нам краткими понятными словами зимнюю дорогу, лес, дорожные встречи. Мы оба наслаждались. Ясно вставали перед глазами описываемые ею сце-

ны. Мое детское сердчишко было переполнено чувством благодарности к матери за такую чудную игру и восхищения перед ней. Могу с уверенностью сказать, что никакой артист в моей последующей жизни не пробудил в моей душе такого восхищения и не дал таких счастливых, поэтических минут, как эта бесхитростная игра с нами матери. Объяснялось такое впечатление - кроме присущего матери живого воображения, - несомненно, еще и тем, что она искренно входила в нашу игру, в наши интересы, умела, для того, чтобы доставить нам радость, увлечься и сама, а не снисходила до игры»[25].

Хорошим семьянином был и Илья Николаевич. Детей он очень любил и обязательно в часы досуга находил для них время. Он тоже с увлечением играл с ними и поощрял их растущую любознательность. Мария Александровна, довольная, наблюдала за детьми, когда отец завораживал их физическими опытами или своей работой на токарном станке, вытачивая шахматные фигуры. Ребята привыкли бывать в отцовском кабинете, рассматривать какие-нибудь пособия, книги с картинками, коллекции. Одной из любимейших игрушек стал магнит, загадочно притягивающий железные предметы, а также натертая сукном палочка сургуча, на которую прилипали мелкие бумажки.

Летние вакации 1869 года Мария Александровна с семьей вновь провела на кокушкинском приволье. Но это лето оказалось трагическим. В начале июля тяжело заболела годовалая Оленька. Александр Дмитриевич перепробовал все известные ему средства против желудочно-кишечного заболевания девочки, но спасти внучку не удалось... Племянница Марии Александровны Любовь Веретенникова, сообщая подруге в Саратов об этом горе, писала 18 числа: «У Ильи Николаевича и тети Маши умерла на днях их маленькая дочь Оля... Болезнь и смерть Оли как будто с корнем истребили в Кокушкино веселость и наложили какую-то тяжесть на всех его обитателей. Я была свидетельницей последних страданий Оли и ревела как сумасшедшая, да и всем невыносимо жаль этого милого ребенка. Невозможно смотреть хладнокровно на то, как убивается тетя о потере своей крошки. Илья Николаевич мужчина, а так плакал»[26].

Первое большое горе, постигшее Марию Александровну в 34 года, посеребрило ее волосы, а на сердце оставило первый незаживающий рубец...

В это тяжкое время перед Марией Александровной встал вопрос о намерении мужа оставить работу в Нижегородской гимназии и занять вновь введенную должность инспектора народных училищ в Симбирской губернии. Стоит ли решаться на эту ломку всей жизни семьи? У Ильи Николаевича и так неплохая служба, есть просторная четырехкомнатная казенная квартира, за шесть лет в Нижнем уже пущены «большие корни»[27]. Новая служба будет значительно труднее, беспокойнее и ответственнее, потребует постоянных разъездов по сельскому бездорожью, огромная работа по устройству народных школ неизбежно будет встречать препятствия со стороны противников просвещения бедняков; на этой должности не положено отпусков и плюс ко всему - опять начнутся трудности с жильем...

И тем не менее она дала мужу свое «добро», ибо понимала, что решение Ильи Николаевича расстаться с хорошо освоенной за 14 лет преподавания работой в средних учебных заведениях для более обеспеченных детей продиктовано его давней, постоянно живущей в нем мечтой отдать свои силы и знания для крестьянских ребят, для «самых нуждающихся, для тех, кому всего труднее получить образование, для детей вчерашних рабов»[28]. Перед ним открывалась возможность попытаться лучшим образом реализовать свои демократические стремления, «подойти вплотную к крестьянам, хотя бы в виде правительственного чиновника - инспектора народных училищ»[29], по возможности максимально используя этот пост для прогрессивной деятельности на селе. Мария Александровна разделяла стремления Ильи Николаевича служить непосредственно трудовому народу, его мечту дать образование только что освободившемуся от крепостной зависимости крестьянству, и согласием с мужем вносила свой вклад в то благородное и многотрудное дело, за которое он взялся.

Почему же все-таки был выбран Симбирск, если в самом Нижнем Новгороде открывалась такая же вакансия?

Скорее всего Ульяновы учитывали «срединное» географическое положение Симбирска на Волге: поближе к астраханским родным Ильи Николаевича, к Кокушкину, где по-прежнему жил отец Марии Александровны, к Самаре и Саратову, где с мужьями-учителями проживали ее родные сестры Софья Лаврова и Анна Веретенни-

кова. Наконец, определенную роль сыграло и то обстоятельство, что в Симбирске теперь служил инспектором гимназии Ауновский. Владимир Александрович и там жил вместе с матерью Натальей Ивановной.

Простившись с друзьями, 22 сентября Ульяновы отплыли на пароходе от нижегородской пристани, а через два дня Мария Александровна, Илья Николаевич, пятилетняя Аня и трехлетний Саша рассматривали с палубы незнакомый город, живописно раскинувшийся на правом высоком берегу Волги.

СИМБИРСК
(1869-1887)

1

Мария Александровна знала, что на новой должности казенное жилье мужу не полагается. Но кто мог подумать, что частные квартиры придется менять чуть ли не ежегодно?

По приезде в Симбирск поселились в конце Стрелецкой улицы, тянувшейся по самой бровке высокого волжского косогора, во флигеле вдовы дьякона А.С.Прибыловской, стоявшем во дворе ее дома. Флигель был двухэтажным. Нижний, полуподвальный кирпичный этаж использовался только для хозяйственных нужд. В верхней же, деревянной части флигеля, где обитали Ульяновы, имелось четыре комнаты. Из передней двери вели: налево - в гостиную, прямо - в столовую, направо - в маленький кабинет. Между столовой и кабинетом - спальня, не имеющая связи с прихожей, самая теплая комната, удобная для детей. Проход между гостиной и столовой обрамляла трехчастная арка с деревянными колоннами. Большая любительница цветов, Мария Александровна украсила арку вьющимися растениями.

Первые месяцы жизни в незнакомом городе, когда Илья Николаевич с головой ушел в новое сложное дело, она нередко тосковала, особенно если муж выезжал по школьным вопросам в глубинку. Все еще переживала потерю младшей дочурки и поэтому неохотно шла на новые знакомства. Кроме Натальи Ивановны Ауновской и одинокой акушерки Анны Дмитриевны Ильиной, квартировавшей через дом, Мария Александровна радовалась лишь визитам пензенской знакомой Софьи Романовской, младшей сестры жены В.И.Захарова, которая теперь

учительствовала в одной из сельских школ Симбирской губернии[30].

Желанным гостем оставался Владимир Александрович Ауновский, успевший за пару лет инспекторства в здешней классической гимназии хорошо изучить жизнь симбирского края. Благодаря ему Ульяновы быстро освоились с особенностями культурной и общественной жизни города, получили представление о виднейших его деятелях. Из новых знакомых мужа Марии Александровне особенно пришелся по душе Арсений Федорович Белокрысенко, управляющий губернской удельной конторой. Этот высокий, худощавый 52-летний чиновник выглядел строгим и даже суровым, а в действительности оказался добрым и общительным, нежным отцом четверых детей, которых после смерти жены заботливо растил и воспитывал сам. Это был широко образованный человек, большой любитель и знаток природы. Сблизила Илью Николаевича с Белокрысенко общая забота о народном образовании: Арсений Федорович в качестве члена губернского училищного совета помогал ему почти во всех начинаниях.

Когда жизнь более или менее вошла в свою колею, Ульяновы познакомились с Симбирском и его достопримечательностями. Со времени опустошительного пожара 1864 года прошло уже пять лет, но последствия его еще были видны даже на Большой Саратовской - главной улице. Что касается Стрелецкой, то здесь было восстановлено всего семь домовладений. Подавляющее большинство жилых зданий в городе были деревянными. Каменные принадлежали в основном казне, земству, городской управе, преуспевающим купцам и крупным помещикам. Особый колорит городу придавали два с половиной десятка церквей и два монастыря.

Центральная часть Симбирска, которую в обиходе называли «дворянской», находилась в междуречье Волги и ее притока Свияги, текущей параллельно главной реке, но только в противоположном направлении, на север. Любимым местом прогулок «чистой» публики был зеленый бульвар Новый Венец, проходящий по самому краю очень высокого коренного волжского берега. Низкая чугунная решетка отделяла его от длинного бугристого склона, сплошь покрытого фруктовыми садами, спускающимися почти до самых пристаней. С Венца открывался живописнейший вид на широкие просторы

великой реки, с пароходами, баржами и плотами, на зеленые острова и необозримые заволжские дали.

С другой стороны бульвара находились старинное здание присутственных мест, громада кафедрального собора, классическая гимназия, губернаторский дворец, Карамзинский сквер с прекрасным памятником знаменитому историографу, изящная Никольская церковь, Дом городского общества, архиерейский дом со своею церковью. От этого респектабельного района и брала начало Стрелецкая улица. Но только начало, ибо сама она к центру не относилась и переходила в Завьяловскую площадь, а затем и в Старый Венец, считавшийся уже окраиной города.

Через шесть с половиною месяцев после приезда в Симбирск, 10 апреля 1870 года, в семью Ульяновых пришла радость - у Марии Александровны родился второй сын. Появление этого малыша после недавней потери Оленьки было вдвойне желанным. Назвали мальчика Владимиром - именем, которого и близко к этому дню не значилось в святцах. Не было и родных с таким именем. Самыми близкими к семье Владимирами были друзья - Ауновский и Захаров. И теперь при произнесении этого имени у родителей, конечно, будут возникать приятные ассоциации. Крестной матерью Володи (как и Ани) стала Наталья Ивановна Ауновская, а крестным отцом - Арсений Федорович Белокрысенко. Он обычно наведывался к Ульяновым по субботам, чтобы обменяться новостями и сразиться с Ильей Николаевичем в шахматы.

Когда появился маленький Володя, а старшие дети прибаливали, в дом взяли няню. Это была 40-летняя вдова пензенского крепостного, сложившего голову в Крымской войне, Варвара Григорьевна Сарбатова, родная сестра няни Веретенниковых. А летом, в Кокушкине, Марию Александровну постигло новое горе - умер ее отец...

Осенью, когда Володе было полгода, из флигеля перебрались в каменный двухэтажный дом хозяйки. Квартира была наверху, с видом на Волгу*.

В ноябре 1871 года детей в семье стало четверо: на этот раз родилась девочка, которую снова назвали Оленькой. Роли восприемников взяли на себя Владимир Алек-

* Теперь здесь находится выставка подарков родине В.И.Ленина.

3 2585

андрович Ауновский и Анна Александровна Курбатова, проживавшая по соседству. Ее мужа, Николая Егоровича, старшего ревизора контрольной палаты, Ульяновы знали давно. Илья Николаевич учился с ним в одно время в Казанском университете, а Мария Александровна встречала его как врача и преподавателя в Самарской мужской гимназии, когда сдавала там экстерном экзамены на звание учительницы.

Спустя несколько дней после рождения Оленьки Ульяновы переселились в находившийся по соседству, самый последний по Стрелецкой улице, двухэтажный деревянный дом унтер-офицерши Д.Ф.Жарковой*. С переездом сюда удалось наконец выбраться из тесно застроенного различными хозяйственными сооружениями двора Прибыловской. Новая квартира была тоже на втором этаже. В доме Жарковой Ульяновы «задержались» на три с половиной года, и жизнь семьи устроилась здесь несколько основательнее. Обстановка же, как и прежде, оставалась рациональной и простой: обычные железные кровати, обеденный и письменный столы, рабочее кресло Ильи Николаевича, венские стулья, диван с матерчатой обивкой, домотканые дорожки на полу, цветы и плющ, обрамляющий традиционную арку. Среди вещей первой необходимости в доме Марии Александровны всегда был рояль. Музыка и пение стали неотъемлемыми спутниками и ее детей с колыбели.

А дети подрастали. Мария Александровна была уже искусной воспитательницей четверых ребятишек. Она их беспредельно любила и вся отдавалась их интересам. Но ее природный ум, образованность, интеллигентность и богатство души не позволили ей ограничиться заботами об их питании и одежде, замкнуться в создании домашнего очага. В ней раскрылся выдающийся педагогический талант, который, будучи присущ человеку мудрому, честному, доброму, благородному и трудолюбивому, давал в воспитании достойные плоды, оказывая на детей развивающее и гуманизирующее влияние. Мать читала ребятам книжки, разучивала с ними песни и стихи, рассказывала сказки, приучала каждого к самообслуживанию и заботе о младших, играла с ними в различные игры, водила на прогулки, расширяя своими рассказами и пояснениями их представления об окру-

* Ныне в нем - квартира-музей В.И.Ленина.

жающем мире, умело давая понять, что хорошо и что плохо, воспитывая в них пылкость ума, искренность, честность, доброту и отзывчивость. Сильный характер Марии Александровны проявлялся в том, чтобы организовать, правильно сориентировать, вовремя поправить, научить осознанным действиям и поступкам, справедливым, разумным и самокритичным. Держа в поле зрения каждого, она поощряла инициативу детей, стараясь, по возможности, не сковывать их свободы.

Будучи «педагогом в душе» (как метко подчеркнет впоследствии ее старшая дочь), мать к каждому из детей имела свой подход, учитывая и возраст, и характер, и физические возможности.

Не отличающаяся завидным здоровьем Аня была вдумчивой, способной, но застенчивой, нервной и обидчивой девочкой, а вместе с серьезным, рассудительным, добрым и отзывчивым Сашей, больше склонным, как и она, к спокойным занятиям и играм, они являли собой дружную пару.

Но вот за старшими поднялся Володя. В свои три-четыре года он проявлял совершенно другие черты характера, представляя как ребенок для родителей новую, самобытную личность. Это был здоровый, крепкий, живой, очень сообразительный и любознательный мальчик. Его пытливый ум и смышленость на первых порах, когда он мог распотрошить игрушку, изучая ее устройство, или сломать линейку, испытывая ее упругость, о колено, доставляли матери известные хлопоты. Неуемной энергии, громкоголосый малыш очень любил резвиться и бегать, его веселые карие глаза искрились озорными огоньками и над большим лбом подпрыгивали золотистые кудряшки.

Оля была на полтора года младше Володи, но, под стать ему, была смышленой, тянулась к его книжкам и игрушкам и обладала таким же живым темпераментом. Маленькая и худенькая, но здоровая и ловкая, она ни в чем не хотела отставать от него. Оба очень энергичные, наделенные богатой фантазией и веселые, они были неразлучны, всегда находили общие интересы и затевали такие шумные игры, с громким смехом и возней - естественно, под руководством Володи, что матери приходилось их успокаивать. Мария Александровна никогда не шлепала детей, не повышала на них голоса и редко наказывала. Обычно хватало замечания или строгого взгля-

да, чтобы дети послушались. Они так любили и уважали мать, что старались не огорчать ее своим поведением. Но иногда не в меру расшалившегося Володю она уводила в кабинет отца и усаживала в большое кожаное кресло, чтобы он поостыл и успокоился. Этот метод был довольно действенным. Однажды набегавшийся шалун даже заснул в «черном кресле».

Воспитание бойкой младшей пары требовало от матери смекалки и терпения. Но в не меньшей мере они были необходимы для практического применения своих педагогических способностей в занятиях со старшими детьми. Давняя мечта Марии Александровны стать учительницей и полученная несколько лет назад подготовка к этой профессии наконец смогла воплотиться в реальность в ее собственной семье. С одобрения мужа она стала очень рано, лет с пяти, обучать старшую дочку грамоте, применяя азбуку из картонных букв, по новому, звуковому, методу, усовершенствованному Ильей Николаевичем. Саша, умный и развитой мальчик, научился читать рядом с Аней. В четырехлетнем возрасте он раскладывал на полу газету и читал, лежа на ней. Так, без особых усилий, дети овладевали навыками чтения и счета. Но для сдачи вступительных экзаменов в гимназии требовалась подготовка по специальной и довольно обширной программе, что самой Марии Александровне было трудно совместить с домашними хлопотами и заботами о младших. А муж, как ни любил заниматься с детьми, но из-за большой занятости и частых разъездов по губернии тоже не имел возможности для систематического обучения Ани и Саши. Поэтому с осени 1873 года в дом пригласили учителя из приходского училища В.А.Калашникова.

Болезненность и раздражительность Ани и в связи с этим - ее сильное желание учиться дома, самостоятельно, побудили Марию Александровну и Илью Николаевича не отдавать дочь осенью 1874 года в гимназию. Отличные способности и прилежание ее к учебе позволяли принять такое решение. Ко всему же можно было еще на год отложить предстоящие, и немалые, расходы на обучение в Мариинской гимназии (а в ней не освобождались от уплаты даже дети чиновников, прослуживших в системе министерства народного просвещения не менее 10 лет, как это было в мужской).

4 августа 1874 года у Марии Александровны родился

пятый ребенок - мальчик, очень похожий на своего деда Александра Дмитриевича. Назвали его именем прадеда. Восприемниками Мити стали младшая сестра Марии Александровны Софья Александровна Лаврова, приехавшая в гости из Ставрополя Самарской губернии, и Николай Александрович Языков - видный член симбирского земства, оказывавший всяческую поддержку починам Ильи Николаевича в развитии народного образования, племянник известного поэта пушкинской плеяды. Второй крестной матерью Мити в метрической книге была записана его старшая сестра Анна.

Через десять дней после этого радостного события в доме отмечали десятилетие Ани, и в этот же день стало известно, что Саша по результатам вступительных экзаменов зачислен в приготовительный класс гимназии.

С этой осени произошло важное изменение в служебном положении Ильи Николаевича: должность инспектора народных училищ губернии была преобразована в директорскую, и теперь у него должны были появиться помощники - районные инспектора. Для Марии Александровны это означало, помимо повышения престижности положения мужа, резкое возрастание его загруженности канцелярской работой, расширение круга его сослуживцев и знакомых и, возможно, меньшее число поездок по селам.

У Марии Александровны, как у первой учительницы своих ребят, весной 1875 года начинался свой новый этап - обучение грамоте пятилетнего Володи. Знания он усваивал, что называется, на лету, очень быстро соображал, не вынуждая мать что-либо повторять или растолковывать. Незаметно постигала азы грамоты и неразлучная с ним Оля.

Прожив в общей сложности около шести лет на Стрелецкой улице, Ульяновы решили подыскать себе жилье в более удобном районе, более благоустроенном и зеленом, менее подверженном сильным ветрам, поближе к народным школам. Переезд, наконец, избавил бы и от удручающего соседства с тюрьмой. В конце лета перебрались ближе к Свияге, на Московскую улицу, идущую в направлении, перпендикулярном обеим рекам, Венцу и Большой Саратовской. Квартиру сняли в одноэтажном деревянном доме коллежского асессора В.П.Костеркина (ныне - Ленина, 92). Новым событием в жизни семьи в эту осень было и появление гимназистки. «Пе-

решагнув» через два младших класса - седьмой и шестой (в Мариинской гимназии был обратный счет классов), Аня поступила сразу в пятый. Саша, тоже порадовавший родителей отличным окончанием приготовительного класса, теперь учился в первом. С учебой старших детей дело наладилось, а вот квартирные неудобства через год вынудили перейти в соседний, тоже деревянный одноэтажный дом, принадлежавший священнику И.А.Анаксагорову (ныне - Ленина, 90). Увы, и это жилье оказалось весьма неудачным.

С этой осени на первый план выдвинулась планомерная подготовка Володи к гимназии. Отец вновь пригласил В.А.Калашникова, который, однако, смог приходить в дом лишь несколько недель. Затем Володя стал сам ходить заниматься к учителю И.Н.Николаеву, в здание первого мужского приходского училища, где тот работал и жил.

Осенью 1877 года переселились на параллельную Московской соседнюю Покровскую улицу, к И.М.Косолапову, отставному учителю, издателю православного «Месяцеслова», опять же в одноэтажный деревянный дом (ныне - Л.Толстого, 24). Здесь в феврале 1878 года, когда младшему, Мите, шел четвертый год, семья пополнилась шестым ребенком. Теперь сложится и третья пара ребят. Новорожденная девочка, нареченная именем матери, вновь восстановила равновесие полов в семье. Восприемниками Маняши стали ее сестра Аня, Володин крестный А.Ф.Белокрысенко и жена одного из самых близких помощников Ильи Николаевича, инспектора народных училищ В.М.Стржалковского, Любовь Николаевна, с которой сблизилась Мария Александровна после отъезда из Симбирска Н.И.Ауновской.

Теперь у матери больше времени занимала младшая пара детей, а средняя становилась уже довольно самостоятельной, особенно сын. Мария Александровна с удовлетворением отмечала, что после того, как Володя овладел грамотой, им самим властно овладело новое, очень полезное увлечение - чтение. Это запомнилось и Анне Ильиничне, которая потом напишет: «И он, и сестра Оля очень полюбили чтение и охотно читали детские книги и журналы, которые в изобили получал наш отец. Стали они скоро читать и рассказы из русской истории, заучивали наизусть стихи»[31].

Родители тщательно подбирали такую литературу,

которая бы продолжала их линию воспитания, давала детям ясные представления о добре и зле, учила уважать труд, любить природу, вырабатывала честность, смелость, порядочность, умение дружить и сострадать, чувства долга и справедливости, ощущение необходимости быть полезным окружающим людям, обществу, своей родине. Первыми книжками были русские народные сказки, сказки Пушкина, рассказы Л.Толстого, Ушинского, басни Крылова, стихи Лермонтова, Некрасова и другая подобная литература. Много интересного и поучительного печаталось и в журналах «Детское чтение», «Родник», «Детский отдых». Мария Александровна приучала детей беречь книги и журналы и оставлять их для младших. Благодаря этому для средней пары сохранился с 1873 года журнал «Семья и школа» с полюбившейся всем «Сказкой про воробья, который делал все, что мог» С.Бурениной. Особенно склонная к декламации Оля даже выучила ее наизусть.

Незамысловатая по содержанию сказка несла в себе благородную идею. Маленький воробышек, наблюдавший, как люди восторгаются звонкой песней жаворонка, любуются грациозной трясохвосткой, восхищаются веселым щебетанием ласточек, пожаловался матери, что никто не называет его красивым, не хвалит его чириканье. Воробьиха разъяснила сыну:

Красота, величье, слава
Не для всех в удел даны,
Но быть добрыми и с пользой
Жить на свете все должны!

И она с удовлетворением рассказала воробышку, как однажды помогла своим чириканьем позабыть невзгоды молодой швее, горько плакавшей у окна ветхого дома. Сын понял добрый урок матери, перестал грустить, стал трудиться и делать всем добро: отдавал зернышки больным птицам, бедных песней утешал. А когда несчастный случай оборвал его жизнь, прощальную песню ему пропел сам жаворонок, а все птицы хором вторили: «Он был добр, он был полезен, делал в жизни все, что мог!»

Володе в семи-восьмилетнем возрасте очень нравилась «Песня бобыля» И.С.Никитина, и он ее громко и выразительно декламировал, выказывая презрение к бездельнику-скопидому и явную симпатию к тружени-

ку-крестьянину, весь пожиток которого состоял из зипуна:

Богачу-дур-раку
И с казной не спится, -
Бедняк гол, как сокол,
Поет, веселится[32].

Слушая, как колоритно, удвоенно звучит Володино грассирующее «р» в не принятом дома слове, характеризующем богача, мать лишь тонко улыбалась, понимая, что он делал это не ради озорства, а просто «входил в роль», чтобы от души передать весь задор, который чувствовал в этих строках стихотворения.

Частная квартира в доме Косолапова была уже шестым пристанищем Ульяновых за девять лет жизни в Симбирске и, как оказалось, принесла самую большую неприятность: в подвале стояла вода, роились комары, и Володя с Олей заболели малярией. Особенно тяжело страдал сын, очень ослаб, и мать до слез переживала за его здоровье.

Беспрестанные кочевья по чужим домам, при росте семьи, да и цен на жилье, все больше и больше тяготили Марию Александровну, мечтавшую о спокойной, уютной и независимой жизни в собственном доме.

2

Все эти годы Мария Александровна, как могла, приближала свою мечту. Откладывать деньги на покупку дома с жалованья Ильи Николаевича при такой большой семье было непросто. Помогали хозяйственная жилка, с детства заложенная в ней тетушкой и отцом, самые разнообразные трудовые навыки, разумный и расчетливый подход к нуждам и расходам. Помимо затрат на рациональное питание, скромную одежду и обязательные предметы домашнего обихода, Мария Александровна, однако, как и муж, считала необходимыми довольно значительные расходы на покупку книг, нот, подписку на лучшие газеты и журналы, в том числе и детские издания. Познания же ее в кулинарии, умение шить, перешивать и вязать при огромном трудолюбии обеспечивали семье немалую экономию.

И вот теперь, к лету 1878 года, наконец достаточная

сумма на покупку дома была собрана. Дом присмотрели на той же Московской, где квартировали два года у Костеркина и Анаксагорова, только несколько ниже по улице, еще ближе к Свияге. Это был деревянный дом с большим садом. С улицы он выглядел одноэтажным, а со двора имел второй, антресольный этаж с балконом, разделенный стенкой на две половины, каждая из которых имела лестницу вниз. Осмотрев дом, Мария Александровна сразу определила, что в нем всем найдется место. Во дворе были флигель, летняя кухня, погреб, дровяник, даже каретный сарай, которого их семье можно было бы и не иметь, потому что своего выезда не предвиделось. Но особенно ей понравился сад, в который вела калитка из двора, - вот где наконец будет вольготно ребятам, можно от души заниматься любимым делом, приучать к труду детей, иметь свои фрукты, овощи, цветы. Дальний конец сада выходил забором с калиткой на Покровскую улицу, почти напротив их последней частной квартиры, и перебираться в новый дом будет совсем близко.

2 августа оформили с хозяйкой дома, вдовой титулярного советника Е.П.Молчановой, на имя Марии Александровны купчую на 4000 рублей, и долгожданное переселение состоялось*. Какими же счастливыми чувствовали себя Мария Александровна и Илья Николаевич, когда с улыбкой смотрели на радостных ребят, бегающих через дорогу с книжками и игрушками, свободно резвящихся в «своем» саду, жующих «свои» яблоки.

Когда устроились на новом месте, началась по-настоящему спокойная, уравновешенная, не стесняемая никакими хозяевами, оседлая, уютная жизнь. Вспоминая свой дом, старшая дочь впоследствии напишет: «Обстановка была самая простая, какая вообще часто встречалась у разночинцев средней руки, многое покупалось по случаю, вообще определенного характера не было. Портретов и картин на стенах не было, вообще обстановка носила пуританский характер».

Внизу размещались: гостиная, где проводили часы у рояля, небольшой кабинет Ильи Николаевича, с письменным столом, книжным шкафом, диваном, на котором он и спал, просторная столовая, где за большим сто-

---

* Ныне это - Дом-музей В.И.Ленина (ул. Ленина, 68).

лом у самовара собиралась вся семья. Рядом устроилась и Мария Александровна - в небольшой проходной комнатке с полотняной ширмой, за которой стояли простая железная кровать, покрытая пикейным одеялом, комод с зеркалом, маленький столик у окошка, выходящего во двор, гардероб да пара венских стульев. По соседству, в комнатке с русской печью, помещалась няня, Варвара Григорьевна; тут стояли и ее кровать, и неразлучный сундучок (на внутренней стороне крышки затейливо украшенный яркими обертками от шоколадок и картинками, которые ей дарили ребята).

Весь верх принадлежал детям. Поднявшись по западной лестнице, попадаешь в проходную детскую, с тремя кроватками - для Оли, Мити и Маняши, за ней - в маленькую Анину комнатку, а по восточной лестнице - к среднему и старшему сыновьям. Володина комната - проходная, устроенная аналогично детской, по сути дела, на расширенной лестничной площадке, с окном, выходящим на восток, в сторону стоящего в нескольких метрах соседнего дома. У окна - небольшой столик, покрытый черной клеенкой, с парой венских стульев; справа от окна - навесная книжная полка, у левой стены - кровать, на противоположной - карта полушарий. Дальше - комнатка Саши, такая же маленькая, как и Анина, со столь же необходимой обстановкой, как и у всех, которой отличительной колорит придают колбы, пробирки, пинцеты, реактивы, коллекции и другие специфические предметы, очень нужные начинающему всерьез интересоваться химией и зоологией старшему сыну. Сашина и Анина смежные комнаты разделены стенкой, зато имеют общий балкон, куда выходят Анина дверь и Сашино окошко, и до наступления холодов это было большим удобством для их общения.

Мать была довольна, что они по-прежнему дружны. И хотя Аня была старшей, она очень уважала брата и советовалась с ним по учебным вопросам. Матери стоило, в свое время, немалого труда приучить дочь к строгим гимназическим порядкам, а при ее частых головных болях и бессоннице иногда приходилось и соглашаться с ее просьбами не посылать на занятия. Благо Аня была способной и усидчивой и не только не отставала от класса, но обычно опережала своих соучениц в учебе.

Образцом трудолюбия для Ани служил Саша, хотя и

очень тяжела была для него самого «гимназическая лямка». Его угнетало схоластическое содержание обучения, засилье древних языков и сама обстановка учебного заведения. Большинство учителей, возглавляемых невежественным директором-казнокрадом И.В.Вишневским, преподавали бестолково, делали упор на зубрежку и муштру, к воспитанникам относились грубо и несправедливо. Они, в свою очередь, мстили начальству, издевались над теми, кто послабей, и малышами. Дома Саша не жаловался, только становился более замкнутым, и мать с болью замечала, что грустные глаза сына становились еще грустнее. Когда же он после заучивания заданной на дом какой-нибудь старинной белиберды на немецком языке становился совсем мрачным, мать старалась поднять ему настроение, «подсластить палочкой шоколада»[33]. Отец видел, как привлекает Сашу настоящая наука, как тяготит его программа обучения и далеко не демократическая обстановка гимназии, но он с самого начала создал у сына настрой на преодоление этого необходимого и единственного «моста к университету». У Саши был очень твердый характер и непоколебимая целеустремленность, поэтому он сдерживал себя в гимназии и учился безупречно.

Аня вообще считала Сашу идеалом и старалась вести себя так, чтобы ее поступки не вызывали его неодобрения. Иначе и не могло быть. Саша был удивительно цельной и благородной натурой. Его любили все: родные, знакомые, товарищи по классу. Очень любила его и тянулась к нему средняя пара, особенно Володя, для которого Саша был непререкаемым авторитетом, своим примером постоянно являл образец трудолюбия и изобретательности, честности и справедливости, доброты и скромности, постоянной готовности прийти на помощь или поделиться своими обширными познаниями. Мать замечала эту безграничную и открытую любовь Володи к старшему брату с детства. Бывало даже, когда спрашивала Володю, с чем он будет есть кашу - с молоком или с маслом, тот, не задумываясь, отвечал: «Как Саша». И хотя другие дети тоже старались равняться на Сашу, все же подтрунивали над Володей, иногда даже нарочно ставя его в неловкое положение, но и это не оказывало на него воздействия[34]. Конечно, Володино подражание старшему брату постепенно утратило такой наивный характер,

но равнение на него осталось. В свою очередь, Саша был внимателен к Володе и заботился о нем.

С переездом в новый дом Володя окончательно оправился от малярии и, несмотря на то, что перенес изнурительную болезнь, был готов этой же осенью к поступлению в приготовительный класс гимназии. Учитывая его большие способности, искренность и доверчивость, живой и непосредственный характер и зная, как тяготились гимназической обстановкой старшие дети, попавшие туда из домашней гуманной атмосферы взаимопомощи и доброжелательности, родители всерьез задумывались, как поступить с Володей. На окончательное решение повлияло твердое заявление Саши, что «не следует отдавать Володю в приготовительный класс, а надо подготовить его к первому»[35] - так хотелось ему оттянуть для брата хождение в гимназию еще на год.

Илья Николаевич знал всех лучших педагогов и умел подбирать учителей для своих ребят. О занятиях Володи по программе вступительных экзаменов в первый класс он договорился с Верой Павловной Ушаковой. Эта молодая девушка действительно была очень хорошей учительницей, недаром Володя так и летел к ней на урок в женское приходское училище, где она жила и работала. Однажды утром, когда уже похолодало, он помчался на занятия раздетый, а мать сетовала: «Убежал Володя в ситцевой рубашке! Хотела ему надеть что-нибудь сверху, да не успела обернуться, а он уже за угол заворачивает»[36].

Сообразительный, любознательный, обладающий великолепной памятью, Володя под руководством талантливой учительницы быстро осваивал объем знаний учащихся приготовительного класса. Однако в программном обучении ребенка Мария Александровна и Илья Николаевич видели лишь часть воспитательного процесса. Заботясь о гармоничном интеллектуальном развитии детей, они, кроме того, всячески старались, с одной стороны, привить интерес к книге вообще, стремление к широте знаний и привычку к самостоятельности мышления; с другой стороны, придавали большое значение формированию высокой нравственности, эстетических чувств, представлений и навыков, воспитанию души ребенка. Вот это «непрограммное» обучение и воспитание было уже безраздельной вотчиной родителей и, несмотря ни на какую занятость, уже ни на кого не могло быть

переложено, никому не могло быть передоверено.

Достаточно сказать, что даже очень заботливая, любящая детей и любимая детьми няня Варвара Григорьевна, уделявшая немало времени каждому из малышей, начиная с Володи, хотя в силу своей неграмотности часто не понимала и не разделяла взглядов Марии Александровны на воспитание, тем не менее подчинялась ее установкам. «К тому же, - замечала Анна Ильинична, - мать была почти всегда тут, ее зоркий глаз досматривал за всем, да и дети относились к ней с таким доверием и искренностью, что я прямо не представляю себе, как могло бы вклиниться тут другое влияние...»

Решающими в воспитании были не только родительские суждения и поступки, без разрыва слова с делом, но и весь уклад жизни семьи, организованный в большей степени матерью, - стройный и разумный, честный и благожелательный, трудовой и свободный, жизнерадостный и веселый, со своими добрыми традициями, фантазией и приятными сюрпризами. Залогом же успеха было полное согласие обоих родителей между собой во взглядах и методах влияния на детей, что, по выражению их старшей дочери, обеспечивало «единый фронт» воспитания.

Некоторые области «домашней» части образования и формирования личности детей были прерогативой исключительно матери, и тут она была сильна и незаменима. В первую очередь это - музыка и иностранные языки.

Каждый ребенок уже с молоком матери начинал получать музыкальное, и вместе с тем нравственное, воспитание. Сначала бессознательно привыкая существовать в мире прекрасных звуков, дети постепенно начинали осознанно воспринимать красоту музыки и материнских песен. Одной из первых, запавших всем в душу, была «Колыбельная песня». Знал и любил ее и Володя, но теперь, когда мать ее пела малышам, он уже по-настоящему глубоко постигал и ее благородный смысл.

Перечисляя наиболее почетные в обществе профессии - полководца, поэта, ученого, философа, мать не исключает в «Песне» возможности, что ее дитя ждет жребий скромного, неизвестного труженика. Такая судьба ее не огорчает, и она хочет только, чтобы он стал работником честным и избегал неправоты. В песне звучит (в устах Марии Александровны оказавшаяся пророческой!) надежда:

... Ты, быть может, на природу
Прозорливый кинешь взор,
Человеческому роду
Разодвинешь кругозор;
Неизвестную от века
Тайну мира подглядишь,
Новой силой человека
Для боренья одаришь...
Может быть, тебя, мой милый,
Ждут печали и нужда,
Спи, дитя, сбирайся с силой
Для борьбы и для труда...

Мария Александровна часто собирала детей у рояля и пела вместе с ними детские песенки из «Гуселек». А вечерами, когда освобождалась от домашних забот, она играла и напевала старинные романсы и песни. Младший сын ее будет потом вспоминать, как особенно любила она, бережно разложив старые, пожелтевшие от времени ноты, играть и петь отрывки из «Аскольдовой могилы» Верстовского, разъясняя детям фабулу этой оперы.

Когда подрастал очередной ребенок, мать начинала обучать его игре на рояле. Лучшие музыкальные способности обнаружились у средней пары детей. У Володи, по ее мнению, «был великолепный слух, и музыка давалась ему легко»[37]. Первая, радостная и светлая, зима в собственном доме знаменовалась и веселыми звуками рояля, разливавшимися из гостиной по всему дому, когда Володя, под руководством матери, бойко играл детские пьесы и вальсы. Теперь мать с удовольствием играла в четыре руки и с Володей.

Мария Александровна была для своих детей столь же великолепной учительницей и иностранных языков. Владея ими в совершенстве и познав в свое время, при подготовке к получению свидетельства учительницы, методические приемы, она, став матерью, приобрела и широкое поле педагогической деятельности на этом поприще. Она читала детям книжки на иностранных языках, даже устраивала дома поочередно, вперемежку с «русскими», «немецкие» и «французские» дни. Раннее и непринужденное приобщение детей к разговорной иностранной речи обеспечивало им тот лингвистический фундамент, который и предопределил их успехи в учебе,

работе с иностранной литературой, общении за границей.

Руководство же домашним чтением русской литературы и переводной зарубежных классиков по-прежнему оставалось больше за Ильей Николаевичем, который расширял и усложнял круг чтения ребят. В поле зрения мужа было общее умственное развитие детей. По мере их взросления он в доступной форме сообщал им основы научных знаний из математики, физики, географии, астрономии, биологии, истории. Теперь уже и Володя с удовольствием слушал занимательные рассказы отца о смене дня и ночи, времен года, атмосферных явлениях, небесных телах, о мерах веса и объема, единицах измерения времени и пространства. В своем кабинете Илья Николаевич всегда имел различные приборы, календари, картины «трех царств природы», глобус, географические карты и коллекции, а его подробные разъяснения еще больше разжигали к ним интерес у детей. Часто он собирал ребят и показывал им «туманные картины» через «волшебный фонарь», играл с ними в различные «сидячие игры», развивающие речь, сообразительность, воображение, память; с малышами играл в жмурки, со старшими - в шахматы. Теперь обучал этой мудрой игре Володю. Отец был добр и весел, всегда имел в запасе забавные истории из школьной жизни и смешные анекдоты. В его лице Мария Александровна ощущала большую направляющую и действенную силу в деле воспитания детей.

Из-за частых служебных отлучек Ильи Николаевича, объезжавшего сельские школы, многие вечера Мария Александровна одна занималась с детьми. Кроме чтения, музыкальных занятий и игр, она увлекала ребят еще одним интересным и полезным занятием - подготовкой к новогодней елке. Украшения для нее готовили своими руками и начинали их делать задолго до праздника. Матери нужно было позаботиться обо всем необходимом для этой работы: картоне, цветной бумаге, фольге, клее, вате, ножницах, нитках, иголках, карандашах, красках, лоскутках и прочих подручных материалах. Это был для каждого ребенка поистине увлекательный творческий процесс, позволяющий проявить свои художественные способности, выдумку и изобретательность. Участвуя в этих занятиях сама, Мария Александровна вкладывала в них свою душу - учила, показывала, советовала, поправляла, хвалила за удачные

находки, наталкивала на новые идеи. И эта игра становилась элементом трудового и эстетического воспитания, одним из зародышей творческого начала в маленьком человеке.

Первую в собственном доме елку установили в гостиной. Мать играла на рояле, отец танцевал и пел с детьми. Радостный праздник, в котором каждый ребенок видел и свой вклад в общее дело, явился для детей символом дружбы и коллективизма, единения и теплоты, настоящего семейного счастья и остался с ними на всю жизнь как кусочек уютного и светлого детства.

Так же продуманно мать привлекала детей к физическому труду. Весной, когда открылось широкое поле деятельности в саду, к обычным заботам по самообслуживанию у детей прибавилась новая, настоящая работа.

Мария Александровна по-своему кое-что перепланировала, разбивала грядки овощей и клубники, устраивала парничок и цветник и к этим работам привлекала ребят, которые перенимали редкостное трудолюбие матери и ее любовь к живой природе. А ее знания и навыки в области садоводства, цветоводства и огородничества еще больше углубляли уважение к ней детей. Труд в саду у каждого из них навсегда оставит добрые воспоминания. «Мы все, дети, - писала Анна Ильинична, - постоянно помогали поливкой и некоторыми другими работами, чем были до большой степени заняты наши летние вечера. Помню всех нас, бегающих с лейками и ведерками, накачивающих воду из колодца, очищающих скребком дорожки и т.п. Мать с большим жаром взялась за работу в садике, она сумела заинтересовать и сплотить нас, так что трудовое начало - этот верный принцип в воспитании, проводился у нас очень охотно и дружно». Матери было приятно, что плоды собственного труда приносили детям радость. Но она учила ребят относиться к урожаю рационально и бережно. Для сбора ягод устанавливала определенные правила. По утрам ребята бегали собирать опавшие яблоки, с деревьев же рвать не полагалось до определенного срока.

Между тем в августе Володе предстояло поступление в гимназию. Мария Александровна и Илья Николаевич, не упускавшие из поля зрения его занятий с учительницей, были уверены, что программу вступительных экзаменов он освоил полностью. «Диктовка без искажений слов» по русокому язку у него не вызовет затрудне-

ний. Бегло читать, пересказывать, отвечать на вопросы по тексту, различать части речи, склонения существительных, спряжения глаголов он может очень хорошо. Знает все требуемые стихотворения из «Родного слова» Ушинского назубок и с выражением их декламирует. По арифметике легко управляется со всеми четырьмя действиями над простыми числами, быстро решает в уме задачи из сборника Евтушевского. По программе закона божьего «общеупотребительные» молитвы выучил, по-церковнославянски читает, главные события «Священной истории Ветхого и Нового завета» знает. Да, за знания можно было не беспокоиться. Волновало другое: Володя будет в гимназии младше всех - до положенных первокласснику 10 лет ему не хватает целых 8 месяцев. Не стушуется ли он на экзаменах, ведь там обычно, кроме экзаменаторов, бывает немало гостей города. А главное - как приживется в жесткой, бюрократической обстановке гимназии со своим честным, открытым и непосредственным характером, со своей склонностью к юмору? Как он будет чувствовать себя в среде старших его на год, два и больше соучеников, среди которых были и второгодники?

Володя оправдал надежды родителей: блестяще сдал все вступительные экзамены и 14 августа был зачислен в 1-й класс Симбирской классической гимназии.

3

Школьная жизнь у среднего сына началась. Как и старшим детям, нелегко ему было поначалу привыкать к иным порядкам и нравам. Однажды мать почувствовала, что Володя пришел из гимназии очень обиженный. Оказалось: хотел угостить мальчика, протянул ему пакетик с пирожками, что она дала на завтрак, а тот забрал все и ничего не оставил Володе. Мария Александровна не могла не огорчиться по этому случаю, но она думала и о более серьезном: впереди у детей большая и сложная жизнь. И им необходимо научиться различать честных и плохих людей, научиться защищать достоинство, добро и справедливость.

Учеба у Володи с первых дней пошла очень хорошо. Объяснения учителей он привык слушать внимательно, быстро все схватывал, прочно запоминал и точно и четко отвечал на вопросы.

4 2585

Этой осенью пошла учиться и Оля. Уступая ее настойчивым просьбам, Мария Александровна до начала учебного года попросила Веру Павловну Ушакову (недавно вышедшую замуж и теперь носившую фамилию Прушакевич) проэкзаменовать среднюю дочь. Учительница нашла, что Оля достойна поступления в 3-е отделение приходского женского училища (с пятилетним сроком обучения). Мария Александровна и Илья Николаевич колебались, пойти ли на этот шаг, так как соученицы Ольги будут на 3-4 года старше ее по возрасту. Но дочь так просила, а Вера Павловна с Екатериной Веретенниковой, Олиной двоюродной сестрой, приехавшей из Казани учительствовать в это же училище, встали на ее сторону, и родителям пришлось согласиться на этот эксперимент. Теперь в семье стало четверо учащихся.

Обладая талантом умелого организатора, Мария Александровна смогла в большой семье создать для всех такую атмосферу, которая благоприятствовала серьезным занятиям старших детей и не стесняла развития младших. Установленный в доме распорядок дня соблюдался неукоснительно. Для приготовления уроков дети сходились в столовую, и здесь, за большим обеденным столом, занимались Саша, Аня, Володя и Оля. Во-первых, в случае необходимости каждый мог получить совет, помощь. Во-вторых, мать собирала всех ребят у одной лампы в целях безопасности, да и экономии керосина. И конечно, таким образом все дети были под ее наблюдением. В столовой стояла и швейная машина, и она здесь обычно сидела с какой-нибудь работой. Однако занятия в столовой имели некоторое неудобство для Ани и Саши: Володя обычно раньше справлялся с уроками и вовлекал в шалости Олю и Митю, что, естественно, отвлекало старших от дела. «И бедной матери, - вспоминала Анна Ильинична, - приходилось справляться с невыполнимой задачей: соблюсти одинаково интересы различных по возрасту, темпераменту и знаниям детей, так как ясно, что меньшим надо было тоже двигаться, шуметь, а по временам и колесом ходить. В наиболее трудные минуты и когда отец оказывался свободным, он приходил на выручку. «Володя, ты что уроки не учишь?» - «Я выучил». - «Ну, покажи, что задано». И отец уводил Володю в кабинет для проверки уроков. Но оказывалось, что он прав, что все задания действтиельно исполнены...». Тогда Илья Николаевич старался занять его рассмат-

риванием глобуса или каких-нибудь коллекций, игрой в шахматы. Иногда мать уводила меньших в гостиную, садилась за рояль и тихо играла.

Когда все заканчивали уроки, можно было наконец дать детям свободу резвиться и играть. Четверо старших любили игру в «школу» или в «солдатики». Делали из плотной бумаги воинов и коней, расставляли свои армии на полу и сбивали фигурки противников мячиком. Играли в шахматы, в «слова» и «шарады», рисовали. Особенно отличалась художественными способностями Оля. Она больше всех и играла на рояле, с такой же исключительной усидчивостью, как и мать в свое время. Жаль, что Володя, по-прежнему очень любивший слушать музыку и петь, став гимназистом, бросил играть, потому что среди соучеников бытовало мнение, что это - не мужское занятие. Об этом, конечно же, он и сам станет жалеть в недалеком будущем, когда повзрослеет. Общим же любимым занятием в часы досуга оставалось чтение.

Родители всячески поощряли и литературное творчество детей. С большим пониманием и одобрением отнеслись они к затеянному под руководством Саши изданию рукописного «Субботника». В роли критика незатейливых рассказов Володи и Оли выступала Аня. Саша, редактор, помещал в этом домашнем журнале шарады, ребусы, дружеские шаржи, загадки, красочно оформлял обложку. Мать с отцом были очень довольны, когда в субботу дети приглашали их в столовую, где все собранное читалось вслух, и принимали участие в обсуждении «материалов». Детям это доставляло большую радость, и много лет спустя старшая дочь напишет: «Помню их оживленные, довольные лица; помню какую-то особую атмосферу духовного единения, общего дела, которая обволакивала эти наши собрания. Теперь, когда я гляжу назад, мне кажется, что эти вечера были апогеем коллективной близости нас, четверых старших, с родителями. Такое светлое и радостное оставили они воспоминание!»[38].

Вся эта деловая и светлая атмосфера, царившая в доме, благотворно действовала на быстрое развитие способностей детей, и они далеко опережали своих сверстников по объему знаний. Вместе с тем, к большому удовлетворению родителей, они росли трудолюбивыми, волевыми, искренними, чуткими, с развитым чувством долга.

4*

Весна 1880 года принесла Марии Александровне приятные волнения: старшая дочь блестяще сдала все выпускные экзамены и была удостоена большой серебряной медали. Саша и пятый класс окончил первым учеником. Первым учеником, с первой наградой (похвальным листом и книгой) закончил первый класс Володя. Оля тоже успешно справилась с программой 3-го отделения приходского училища. Но, надеясь на ее способности и усидчивость, родители все-таки решили забрать ее из коллектива слишком взрослых соучениц и продолжить ее образование дома, благо теперь у нее будет своя учительница - Аня, как раз стремившаяся к этой профессии.

Наступление летних каникул всегда приносило детям радость. Мать отдыхала душой, видя, как они вволю резвятся в саду, играют в «черную палочку», «казаки-разбойники», «индейцев», катаются на «гигантских шагах», с азартом гоняют шары на крокетной площадке. Большая ценительница природы, Мария Александровна любила загородные прогулки всей семьей. В хорошую погоду ходили ежедневно в купальню на Свиягу: мать - с девочками, отец - с мальчиками. Очень большое удовольствие всем приносили путешествия на пароходе по Волге. Особенно счастливыми были те недели, когда отдыхали в Кокушкине. Прогулки по живописным окрестностям, к речушке Ушне для детей становились особенно приятными, когда в них принимали участие родители. Близость к природе всегда преображала мать: она оживлялась, глаза ее блестели ярче, вся она точно молодела. Она лучше всех знала каждую тропинку и полянку, безошибочно выводила детей к грибным и ягодным местам, учила распознавать растения, разъясняла происхождение названий рощиц, водоемов, угодий, рассказывала были и легенды края. После же покупки своего дома с садом Мария Александровна не могла ездить в Кокушкино ежегодно.

В эти каникулы 1880 года она осталась с младшими в городе, а старших проводила в Кокушкино с отцом. Володя, вспоминала Анна Ильинична, «бойкий мальчуган, очень желавший отправиться в путешествие, в последнюю минуту, когда пароход начал отчаливать от пристани, чуть-чуть не расплакался, глядя на оставшуюся на пристани мать, - он в первый раз расставался с нею, - и лишь особыми, ободряющими улыбками и жестами матери удалось сдержать его слезы».

Все, казалось, шло в семье как нельзя лучше. Самозабвенная деятельность мужа на ниве народного просвещения приносила заметные результаты, и о ней писалось не только в местной, но и в столичной печати. За «отлично усердную службу» правительство пожаловало ему чин действительного статского советника (приравниваемый к генерал-майору), который, в свою очередь, давал Илье Николаевичу права потомственного дворянства. Правда, он не придавал этому значения и не стал оформлять дворянского звания, а Мария Александровна и не настаивала на этом.

Все основания были и для удовлетворения плодами воспитания и обучения своих детей. Аня осенью 1881 года добилась места учительницы приходского училища (пока без жалованья) и с воодушевлением обучала там детей городской бедноты. Под ее руководством Оля дома овладела программой четвертого года обучения и в 1882 году пошла заниматься в 5-е отделение своего училища.

Саша и в старших классах шел первым учеником. А его упорное самообразование, приобретающее все более серьезный характер, не могло не вызывать удивления и уважения и служило хорошим примером остальным детям, и в первую очередь Володе. Ведь он видел, как Саша увлеченно сидит над книгами по историческим и естественным наукам, самостоятельно изучает зоологию, химию по Менделееву и, чтобы не обременять семейный бюджет своими расходами на приборы, реактивы и руководства, дает частные уроки. А летом 1882 года старший сын оборудует на заработанные деньги настоящую лабораторию в кухоньке флигеля. Работоспособность у Саши удивительная. Успевает еще и читать газеты, журналы, художественную литературу - Л.Толстого, Тургенева, Писарева и такие солидные монографии, как «История цивилизации в Англии» Бокля, «История умственного развития Европы» Дрэпера.

Весна 1883 года была венцом гимназических успехов Саши: он завершил учебу с золотой медалью. А Оля порадовала отличным окончанием приходского училища, с первой наградой - похвальным листом и книгой.

Постоянно радовал успехами Володя: из класса в класс переходил с первыми наградами. В эти же дни, окончив четвертый класс, он принес похвальный лист и книгу Е.Н.Водовозовой «Жизнь европейских народов». Его природная одаренность в благоприятной домашней об-

становке развивалась стремительно, и обычной была картина, которую рисует в воспоминаниях Анна Ильинична: «Возвращаясь из гимназии, Володя рассказывал отцу о том, что было на уроках и как он отвечал. Так как обычно повторялось одно и то же - удачные ответы, хорошие отметки, то иногда Володя просто, быстро шагая мимо кабинета отца по проходной комнате, через которую шла его дорога к себе, наверх, скороговоркой на ходу рапортовал: «Из греческого пять, из немецкого пять». Мать обменивается довольной улыбкой с отцом, следя за коренастой фигуркой в гимназической шинели... «Предметы, конечно, менялись; иногда звучало: «Из латыни пять, из алгебры пять», но суть была одна: получалась обычно одна отметка - 5"[39].

Да, наступила та счастливая пора, когда муж полушутливо, но с нескрываемой гордостью мог сказать, что у них плохих детей нет, и даже оттенить особенности каждой пары: «Александр и Анна - люди способные и талантливые и из них в будущем выйдет толк. Вторая пара - Владимир и Ольга - самая любимая, эти, пожалуй, будут получше старших и пойдут еще дальше. Третья пара - Дмитрий и Мария - народ тоже довольно способный, но сказать про них ничего еще нельзя»[40].

В августе 1883 года мать собирала в дорогу Сашу и Аню. Сын поступал на естественное отделение физико-математического отделения Петербургского университета, а дочь - на историко-филологическое отделение Высших (Бестужевских) женских курсов. Грустно было отпускать детей, да еще так далеко. Лучше бы они ехали учиться в Казань, где и родственники были. Но Саша рвался в столичный университет, где преподавали Д.И.Менделеев, А.М.Бутлеров, Н.П.Вагнер, А.Н.Бекетов и другие светила науки мировой величины. Казанские же женские курсы находились на грани закрытия, поэтому для Ани иного выхода не было.

С Сашей расставались надолго: на первых трех курсах он ни разу не приедет в Симбирск на зимние каникулы. Это объяснялось необходимостью поработать в университетских лабораториях, но, конечно, старший сын отказывал себе в этих поездках и по принципиальному мотиву: не хотел обременять бюджет родителей дорожными расходами ради нескольких дней свидания с близкими. Учеба в университете шла у него успешно, и какой счастливой чувствовала себя мать, встречая его

летом. Вел себя он безукоризненно: был вежлив и внимателен со всеми, гулял и возился с Митей и Маняшей. Охотно беседовал с Володей и Олей, играл с ними в шахматы или крокет, купался в Свияге и посвящал в свои зоологические опыты. Как и раньше, иногда уединялся и запоем читал. Заметно было, что Саша стал взрослым человеком, со своими взглядами на жизнь, на свое место в ней. Можно было не сомневаться и в том, что после окончания университета он останется в Петербурге для подготовки к профессорскому званию.

Аня тоже ни единым своим поступком за студенческие годы не огорчила мать и отца. Программой курсов, за исключением латыни и других древностей, она овладевала успешно. Стихи и рассказы, которые она писала, отличались глубиной чувства и изящностью. О незаурядных ее литературных способностях говорило и то, что составленный ею по поручению студенток-бестужевок приветственный адрес М.Е.Салтыкову-Щедрину, по случаю именин знаменитого сатирика, показался ему самым прочувствованным, понравился больше всех других, полученных к 8 ноября 1885 года.

После отъезда старших детей в Петербург в семье появилось сразу двое новых гимназистов: Митя поступил в приготовительный класс классической гимназии, а Оля - в 4-й класс Мариинской, миновав 7-й, 6-й и 5-й. Володя, оставшийся старшим из ребят в доме, быстро взрослел. Мария Александровна замечала в нем все больше сходства с отцом: высокий лоб, широкие скулы, те же разрез глаз, форма носа и губ, те же сила воли, холерический темперамент, веселый и общительный нрав, заразительный смех, скороговорка и грассирующее «р». Учится прекрасно и всегда помогает другим, по-прежнему дружен с Олей, и, как всегда, они в паре составляют самый веселый и жизнерадостный элемент в семье. Им по-прежнему свойственны шутка и юмор, но постепенно их общие игры и забавы сменились общим увлечением книгами и обсуждениями серьезных проблем.

Мать замечала и то, что со своей наблюдательностью, вдумчивостью и обостренным чувством справедливости Володя не может быть спокойным созерцателем происходящего вокруг. Уже после убийства Александра II в 1881 году он стал внимательно прислушиваться к разговорам взрослых, обсуждавших злободневные проблемы. И Сашино недовольство гонениями на передовую печать,

учащуюся молодежь и интеллигенцию, проскальзывающее в письмах из Петербурга, тоже не могло оставить Володю равнодушным. Его переходный возраст стал проявляться критическим отношением ко всей окружающей действительности, в том числе и к гимназическим порядкам. А это иногда сказывалось на школьных делах. Бывало, что после столкновений с французом Пором, действительно морально нечистоплотным человеком, сын получал у него четверки за «внимание» на уроках, а по греческому языку в пятом классе имел одну четвертную четверку и тройку за прилежание по данному предмету. Конечно, этот древний, мертвый язык никогда никто из гимназистов не любил, и 20 соучеников Володи получили по нему даже четвертные двойки. Но это не снимало с Владимира ответственности за отношение к предмету, и отцу пришлось заострить тут свое внимание, после чего у сына опять пошли пятерки. Со временем Володя стал более сдержанным во внешних проявлениях своего критического настроя, но взгляды его, безусловно, развивались в том же направлении.

Еще большее беспокойство у родителей вызывали настроения старшего сына, приехавшего летом 1885 года на свои вторые летние студенческие каникулы. Было заметно, что наступление реакции в стране после разгрома «Народной воли», особенно в области образования, новый университетский устав, ликвидация университетской автономии, запреты на существование студенческих землячеств, массовые выступления молодежи и многое другое оказали большое влияние на Сашу. В нем зрела решимость бороться со всеми силами, враждебными общекультурным стремлениям общества. Отец много беседовал с ним по душам, а Аню попросил перед ее возвращением в Петербург: «Скажи Саше, чтобы он поберег себя хоть для нас»[41].

Тяжелые времена настали и для начальной школы, и для Ильи Николаевича, как руководителя народного образования губернии. Местные мракобесы из дворян и духовенства на страницах «Симбирской земской газеты» открыто критиковали директора народных училищ и его сторонников за приверженность идеям Ушинского, земской школе, за нежелание свести обучение детей крестьян к чтению, письму, арифметике, церковному пению и изучению закона Божьего. Дело дошло до того, что осенью 1885 года консервативная верхушка сызранского земст-

ва открыто выразила сомнение в возможности изменения школьного дела в желаемом для правительства духе при нынешней дирекции училищ Симбирской губернии[42].

Эти нападки, естественно, доставляли немало огорчений и Марии Александровне. Она, как никто другой, была в курсе всех дел, забот и тревог мужа, видела, как, не жалея сил и здоровья, на протяжении шестнадцати лет он сеет «разумное, доброе, вечное» на ниве народного просвещения. Понимая необходимость и важность его многотрудной работы, она всей душой сочувствовала ей, ради нее каждый раз заботливо собирала его в изнурительные поездки по школам губернии и неделями терпеливо ожидала его возвращения. В декабре 1885 года Мария Александровна проводила мужа в очередную поездку: он отправился в Сызрань, чтобы осмотреть народные школы и выяснить мнение о них деятелей местного самоуправления.

На месте Илья Николаевич понял, что далеко не все земцы одобряли реакционный курс, но охотников открыто бороться против него было мало. В это время в Сызрань прибыла из Петербурга Аня, ехавшая домой на зимние каникулы, и они вместе направились на лошадях в Симбирск. Позднее Анна Ильинична напишет: «Помню, что отец произвел на меня сразу впечатление сильно постаревшего, заметно более слабого, чем осенью... Помню также, что и настроение его было какое-то подавленное, и он с горем рассказывал мне, что у правительства теперь тенденция строить церковноприходские школы, заменять ими земские. Это означало сведение насмарку дела всей его жизни. Я только позже поняла, как тягостно переживалось это отцом, как ускорило для него роковую развязку»[43].

Домой муж и старшая дочь прибыли в первый день рождественских каникул у Володи, Оли и Мити. Чувствовалось, что Илья Николаевич старался не омрачать общего праздничного настроения и внешне выглядел даже сравнительно жизнерадостным. Конец декабря и первые дни нового, 1886 года у него, как обычно, были заполнены работой по составлению отчета о состоянии народных училищ губернии за прошедший год. В это тревожное время, когда нависла угроза уже второго за последние годы появления приказа министра просвещения об увольнении его в отставку, Илья Николаевич

проявил настоящее гражданское мужество. Зная, что власти ждут от него одобрения курса на развитие сети церковноприходских школ, он не показал этого в отчете.

Зато, вопреки утверждению реакционеров о том, что крестьяне якобы предпочитают иметь церковноприходские школы, - особо подчеркнул ревностное отношение к земским школам «самого народа, с особенной охотой» отдающего в них своих ребят.

10 января Илья Николаевич занемог и работал уже полулежа на диване в своем кабинете. На следующий день самочувствие его ухудшилось, и Мария Александровна пригласила врача М.В.Лекгера, который констатировал обострение гастрита. Но она чувствовала неладное и хотела проконсультироваться еще у доктора медицины А.А.Кадьяна, а его не оказалось в городе. Дважды еще посылала за Лекгером, но он по-прежнему не видел ничего опасного, а утром 12-го заверял, что состояние здоровья больного улучшилось. Илья Николаевич, в самом деле, ходил по кабинету и со своим помощником и другом инспектором Владимиром Михайловичем Стржалковским читал и дополнял кое-что в годовом отчете.

О последующих часах того дня Анна Ильинична вспоминала: «... отец не пришел к нам, в столовую, обедать, сославшись на отсутствие аппетита, а только подошел к двери и заглянул на нас («точно проститься приходил», - говорила позднее мать). Лег в своем кабинете на диван, заменявший ему постель, а часу в пятом мать позвала в тревоге меня и Володю. Отец был, очевидно, уже в агонии: содрогнулся пару раз всем телом и затих. Приехавший врач (Лекгер. - Ж.Т.) определил кровоизлияние в мозг»[44].

Потерю любимого человека Мария Александровна переносила мучительно больно. Поседела она задолго до этого горя, во время тяжелой болезни, едва не стоившей ей жизни, и дети уже привыкли видеть мать не иначе как с совершенно белыми, серебристыми волосами, прикрытыми черной наколкой. А теперь для нее стала повседневной траурная одежда.

Смерть и похороны Ильи Николаевича показали, какой популярностью и любовью пользовался он в Симбирске. Три дня нескончаемым потоком шли люди в дом Ульяновых, чтобы отдать дань уважения выдающемуся деятелю народного образования. Утром 15 января огром-

ная процессия проводила гроб с телом Ильи Николаевича на кладбище Покровского монастыря. В некрологах, появившихся в «Симбирских губернских ведомостях», «Симбирской земской газете» и «Циркуляре по Казанскому учебному округу», особо подчеркивались выдающиеся заслуги Ильи Николаевича как просветителя. А в петербургском журнале «Новь» было сказано, что он наладил начальное образование «как в Симбирске, так и в губернии едва ли не лучше, чем оно поставлено в других местностях России»[45].

Выражая мнение передовой общественности, председатель городской училищной комиссии А.И.Алатырцев 24 января 1886 года заявил на заседании Симбирской городской думы, что **«педагогическая деятельность Ильи Николаевича Ульянова известна всей России»** (выделено мною. - Ж.Т.), а потому дума должна достойно почтить его память.

В городской управе почти полтора месяца шла борьба мнений, закончившаяся решением «учредить на средства города в городском училище, которое устроено трудами и заботами покойного для беднейших учеников... три стипендии имени Ильи Николаевича Ульянова, для чего из средств города должно быть ассигновано единовременно 400 рублей». Однако большинство гласных думы, ведавших о взглядах губернских да и столичных сановников на деятельность И.Н.Ульянова, ссылаясь на недостаток средств, решило ограничиться «выражением письменно вдове покойного соболезнования...»[46].

Непристойная возня, оскорблявшая память Ильи Николаевича, причиняла боль и усугубляла горе Марии Александровны. Однако теперь надо было думать о хлебе насущном для осиротевшей семьи. Уже 14 января Мария Александровна подала В.М.Стржалковскому, преемнику Ильи Николаевича, прошение об исходатайствовании ей и четверым малолетним детям пенсии за многолетнюю службу мужа. Проходят томительные дни ожидания, а из учебного округа - никаких известий о ходе пенсионного дела. Мария Александровна вынуждена сдать внаем половину дома. Появились небольшие средства. Теперь Анна смогла в марте выехать для продолжения занятий на Бестужевских курсах, а Александр - учиться в университете.

Безденежье заставляет Марию Александровну обратиться 17 апреля к попечителю учебного округа П.Н.Мас-

ленникову с напоминанием, что после кончины мужа она осталась «без всяких средств с четверыми малолетними детьми, воспитывающимися в гимназиях, и с двоими взрослыми, но обучающимися в высших учебных заведениях», а полагающейся пенсии все еще не получает. В ожидании пенсии она просит попечителя исходатайствовать ей с детьми единовременное пособие.

Письмо с подобной просьбой она послала и помощнику попечителя округа М.А.Малиновскому. Тот, учитывая, что в семье «никто из детей еще не пристроен», высказался за выдачу Ульяновым пособия в размере годового оклада Ильи Николаевича (1200 рублей). «Такое воспособие, - писал Малиновский, - им было бы весьма нужно для воспитания сирот, из коих старшему, выпущенному из Симбирской гимназии 2 $^1/_2$ года тому назад и получившему недавно золотую медаль в С.-Петербургском университете за 3 курс.., крайне трудно было бы докончить курс без такой помощи, которая могла бы быть исходатайствована в Министерстве из сумм на воспитание детей заслуженного педагога».

Криком души было письмо М.А.Ульяновой попечителю округа, отправленное 24 апреля. «Пенсия, к которой я с детьми моими представлена за службу покойного мужа моего, получится, вероятно, не скоро, а между тем нужно жить, уплачивать деньги, занятые на погребение мужа, воспитывать детей, содержать в Петербурге дочь на педагогических курсах и старшего сына, который окончил курс в Симбирской гимназии, получил золотую медаль и теперь находится в Петербургском университете, на 3-м курсе факультета естественных наук, занимается успешно и удостоен золотой медали за представленное им сочинение»[47]. В память тридцатилетней службы Ильи Николаевича Мария Александровна еще раз просит «не отказать в возможно скорой помощи осиротелой семье его».

Попечитель побеспокоил своим ходатайством министра просвещения. Петербург 29 мая запросил сведения «о поведении и успехах в науках детей Ульяновых». Управление учебного округа переадресовало запрос дирекции народных училищ, а она - директору Симбирской классической гимназии Ф.М.Керенскому. А время шло.

Наконец стало известно, что министерство просвещения назначило пенсию Марии Александровне в 600 рублей и такую же сумму на четверых детей, то есть «всему

семейству по одной тысяче двести рублей в год».

Посоветовавшись с приехавшими на летние каникулы старшими детьми, с Владимиром и Ольгой, Мария Александровна решила всей семьей поселиться в Петербурге. Объявления о продаже дома и имущества опубликовали в губернской газете четырежды. Покупателя не нашлось, и пришлось остаться в Симбирске еще на год.

Тем временем дело о единовременной денежной помощи продолжало кочевать по канцеляриям. Только в январе 1887 года было получено извещение с решением министра о выделении «в единовременное пособие на воспитание детей вдове директора народных училищ Симбирской губернии действительного статского советника Марии Ульяновой ста пятидесяти рублей».

4

Годовщину смерти мужа Мария Александровна переживала тяжело. Но во второй половине февраля она стала спокойнее и бодрее. Приближалась та желанная весна, когда Саша и Аня завершат высшее образование, а Володя и Оля - среднее.

И вдруг, 5 марта, в Симбирск поступило ошеломляющее известие о том, что на Невском проспекте столицы задержаны трое студентов университета с «разрывными снарядами». Хотя в официальном сообщении и не было сказано, на кого покушались молодые революционеры, но нетрудно было догадаться, что речь идет о новой попытке цареубийства.

Мария Александровна знала, что в таких случаях власти совершают массовые обыски и аресты, и поэтому обеспокоилась: как бы волна репрессий не коснулась и ее детей-студентов. К несчастью, опасения подтвердились уже через три дня. Племянница Марии Александровны Екатерина Песковская через знакомую симбирскую учительницу В.В.Кашкадамову сообщила об аресте Александра и Анны...

Прочитав письмо, Мария Александровна побледнела, но тут же справилась с собой и твердо сказала: «Я сегодня уеду...». Чтобы дети не оставались дома одни (няня Варвара Григорьевна гостила у родных в Пензенской губернии), она вызвала телеграммой из Казани свою сестру Анну Александровну Веретенникову. Как только Владимир нашел возницу-чуваша, Мария Александров-

на выехала в Сызрань, а оттуда - поездами через Москву в Петербург. 14 числа она уже подала прошение о свидании с сыном, содержащимся в Петропавловской крепости. Мучила неизвестность.

Царь, тщательно следивший за ходом расследования дела 1 марта 1887 года и потерявший надежду получить какие-либо показания от Александра Ульянова, в конце концов согласился удовлетворить просьбу матери. «Мне кажется, - писал корованный деспот директору департамента полиции П.Н.Дурново, - желательно дать ей свидание с сыном, чтобы она убедилась, что это за личность - ее милейший сынок, и показать ей показания ее сына, чтобы она видела, каких он убеждений»[48]. А министр внутренних дел Д.А.Толстой дополнил смысл резолюции царя иезуитским советом. «Нельзя ли, - писал он Дурново, - воспользоваться разрешенным государем Ульяновой свиданием с сыном, чтобы она уговорила его дать откровенные показания, в особенности о том, кто, кроме студентов, устроил все это дело. Мне кажется, это могло бы удаться, если б подействовать поискуснее на мать»[49].

Ознакомившись с показаниями Саши, Мария Александровна поняла, что угрозы властей имеют самые серьезные основания. На первом допросе, 3 марта, Александр не дал показаний вообще. На следующий же день, когда ему стал известен результат допроса одного из участников заговора, он признал свою принадлежность к «Народной воле», подтвердил, что приготовлял части снарядов и знал, кто и когда должен был совершить покушение. «Но сколько лиц должны были это сделать, кто эти лица, кто доставлял ко мне и кому я возвратил снаряды... я назвать не желаю», - заявил он. И далее: «Пять листков с выписками из журнальных статей о крестьянских беспорядках взяты мною для прочтения от лица, назвать которое я отказываюсь». «Не желаю» и «отказываюсь» так часто встречались в протоколах допросов Александра Ульянова, что царь со злостью сделал пометку на одном из листков: «От него, я думаю, больше ничего не добьешься».

Самые страшные строки мать прочитала в протоколе последнего допроса: «... мне, одному из первых, принадлежит мысль организовать террористическую группу, и я принимал самое деятельное участие в ее организации, в смысле доставания денег, подыскивания людей, квартир и прочего. Что же касается до моего нравственного

и интеллектуального участия в этом деле, то оно было полное, т.е. все то, которое дозволяли мне мои способности и сила моих знаний и убеждений»[50]. Эти слова вызывали у матери потрясающее чувство ясности и одновременно понимание и глубокой убежденности Александра в справедливости борьбы с деспотизмом, и самоотверженной решимости, с которой он отдал себя всего этой борьбе, и беспредельного мужества, с каким он отрезает себе все пути к помилованию...

Подавляя страшные мысли, она с нетерпением ожидала дня, когда сможет увидеть сына. Долгожданное свидание произошло 1 апреля (в день ее именин) с 10 до 12 часов в присутствии представителя Петропавловской крепости. Анна Ильинична, со слов Марии Александровны, рассказывала об этой встрече: когда мать пришла к нему на первое свидание, «он плакал и обнимал ее колени», прося простить его за причиненное им горе. Он говорил ей, что у него есть долг не только перед семьей и, рисуя ей «бесправное, задавленное положение родины... указывал, что долг каждого честного человека бороться за освобождение ее...

- Да, но эти средства так ужасны, - возразила мать.

- Что же делать, если других нет, мама, - ответил он»[51].

Саша очень старался примирить мать с ожидавшей его участью, напоминал, что Володя и Оля кончают гимназии с золотыми медалями и будут опорой и утешением ей...

Убедившись, что Александр Ульянов и не думает о раскаянии, даже после этой встречи, власти не разрешили Марии Александровне новых свиданий. Потрясенная горем, она в начале апреля едет на несколько дней в Симбирск, где уже почти месяц без нее жили четверо детей.

Неизвестно, что именно она рассказывала Владимиру и Ольге, другим близким о своих переживаниях и мытарствах в солице, о свиданиях с Сашей и Аней, как реагировали домашние и какие давали ей советы. Народной учительнице В.В.Кашкадамовой запомнились лишь слова Марии Александровны, что она хлопочет о смягчении наказания Саше и как величайшее счастье сочла бы пожизненную каторгу. И ее намерение: «Я тогда уехала бы к нему, старшие дети уже большие, а младших я возьму с собой»[52].

Побыв несколько дней дома, Мария Александровна 10 апреля, в день 17-летия Владимира или на следующее утро, отправляется на лошадях в Сызрань, а оттуда - в Петербург, чтобы поспеть к страшному дню 15 апреля - началу заседаний Особого присутствия правительствующего сената.

Поистине непостижимо, где брались силы у хрупкой женщины. За две недели она сумела обернуться из Петербурга в Симбирск и назад, проведя в общей сложности около десяти дней в дороге, а с 15 по 19 апреля - уже присутствовала на закрытых заседаниях высшего суда империи (в зал допускались только ближайшие родственники подсудимых). Сердце матери разрывалось от боли за судьбу сына, но как же смело и благородно он вел себя на суде! Не сказав ни слова, компрометирующего товарищей перед властями, и отказавшись от адвоката, он сам произнес свою защитительную речь, которая была по сути дела обвинением существующему строю, ясно сознавая, что за этим последует высшая мера наказания! Особое присутствие правительствующего сената (подобранное окружением царя) единогласно приговорило Александра и его товарищей к смертной казни через повешение...

Потрясенная, Мария Александровна на первом же после окончания судилища свидании, происходившем в Доме предварительного заключения, как только могла, убеждала и просила сына подать прошение о помиловании. Тот не соглашался, говоря, что «это было бы неискренне с его стороны, после того, что он делал, после того, что он говорил на суде».

Видя, как тяжело ему слушать ее доводы о необходимости подать просьбу о помиловании, Мария Александровна перестала настаивать... Рушились последние надежды. М.Л.Песковскому*, боявшемуся за ее рассудок, с большим трудом удалось побудить Александра обратиться к царю с прошением о замене смертной казни «каким-либо иным наказанием». Однако в прошении не было ни одной нотки раскаяния, а выражалась лишь просьба сохранить жизнь ради матери, «здоровье которой сильно пошатнулось в последние дни», и «малолетних братьев и сестер, которые, не имея отца, находят в ней единственную опору»[53].

---

* М.Л.Песковский - муж Е.И.Веретенниковой, племянницы М.А.Ульяновой, либеральный публицист.

Это был «не тот язык», который требовался раболепствующим клевретам самодержавия», - писала впоследствии Анна Ильинична. И «прошение» не было даже показано царю.

А Мария Александровна еще надеялась на лучшее. По городу ходили слухи, что казни не будет. Сказать об этом сыну при последнем свидании в Петропавловской крепости она не могла, но, говоря словами Анны Ильиничны, желая перелить Саше «часть своей надежды и бодрости на все предстоящие ему еще испытания, она раза два повторила ему на прощание: «Мужайся!»[54].

Массу волнений доставляли Марии Александровне и хлопоты об Анне, продолжавшей томиться в заключении. Еще 16 марта директор департамента полиции в ответ на ее просьбу о выдаче дочери на поруки заявил, что та непричастна к делу о покушении и будет освобождена по окончании следствия. Увы, эти слова оказались ложью. 8 апреля стало известно, что по «высочайшему повелению» Анна Ульянова наказана пятилетней ссылкой в Восточную Сибирь. «Государственное преступление» ее состояло, по мнению прокурора, в том, что она укрывала в своей квартире Анну Лейбович, находившуюся в сношениях с некоторыми участниками «замысла» на жизнь императора.

Вначале Мария Александровна просила о перенесении места ссылки Анны в Западную Сибирь и, как в свое время жены декабристов, сама была готова отправиться туда же. «Как ни разорительно распродать трудом нажитое имущество, - писала она в прошении, - но я не могу не отправиться с остальными моими детьми в Сибирь же, с единственной целью, чтобы дочь жила при мне». Когда же выяснилось, что власти согласились пересмотреть место ссылки, Мария Александровна хлопочет, чтобы дочери назначили Верхнее или Среднее Поволжье. Об этом же просил в телеграмме на имя директора департамента полиции и М.Т.Елизаров: «Умоляю выслать мою невесту Анну Ульянову в Симбирскую или Самарскую губернию. Спасите». Наконец, об определении для себя «более благоприятной местности» ссылки ходатайствовала и сама Анна.

30 апреля министр юстиции Н.А.Манасеин (наверное, не без влияния профессора-юриста Н.С.Таганцева, к которому за помощью обращалась Мария Александровна)

счел возможным подчинить А.И.Ульянову гласному надзору полиции на пять лет «в доме ее матери в г. Симбирске». Департамент полиции не согласился с этим, и мать в начале мая ходатайствует перед Манасеиным об определении местом ссылки дочери Казани или Нижнего Новгорода. Жандармы опять воспротивились и по их рекомендации царь разрешил Анне Ульяновой отбывать пятилетнюю ссылку в Кокушкине, но только в том случае, если будет получено письменное поручительство Л.А.Пономаревой или А.А.Веретенниковой - родных сестер Марии Александровны. Переписка шла, но Анна попрежнему находилась под стражей.

Тем временем Матвей Песковский подает новое прошение в департамент полиции, в котором заявляет, что жизнь М.А.Ульяновой «исполнением приговора над сыном... висит на волоске», и поэтому настаивает хотя бы на временном освобождении ее дочери ему на поруки.

Об исполнении 8 мая страшного приговора над Сашей и четверыми его товарищами Мария Александровна узнала на следующий день из листка с правительственным сообщением, раздаваемого прохожим на улице...

Жгучий страх за жизнь сына уже месяц, как дамоклов меч, висел над ее головой; с каждым днем этот меч опускался все ниже и ниже. Теперь он сорвался и с дикой болью пронзил ее насквозь. Но в тот момент, когда все ее существо, не сопротивляясь, готово было расстаться со своей собственной жизнью, какая-то другая, неведомая сила возвратила матери память и ее неотъемлемое чувство ответственности: перед глазами всплыли любимые образы всех остальных детей, милое личико десятилетней Маняши. Она не помнила, как добралась до дома, как собралась с мыслями. Надо было так укрепить свою волю, чтобы всю огромную, как мир, скорбь заковать накрепко в своем сердце и пойти на свидание с Аней, пойти и поддержать ее, ослабевшую в тюрьме и совершенно измученную страданиями за судьбу любимого брата. Остается загадкой, сколько могло взять на себя сердце матери в стремлении оградить от немилосердного удара судьбы свою дочь. Об этом несказанного самообладания поступке матери Маняша впоследствии напишет: «И как ни тяжела была ее рана, которая не зажила до последних дней ее жизни, она нашла в себе силы скрыть от находившейся в заключении Анны Ильинич-

ны смерть Александра Ильича, прося и других не проговориться ей об этом, так как боялась, что известие это совсем сломит Анну»[55].

О казни Александра Анне сообщил М.Л.Песковский. Он предупредил при этом, чтобы она сдерживалась при матери, старалась отвлекать от тяжелых мыслей, ибо замечал, что Мария Александровна иногда «заговаривается». Анна пыталась взять себя в руки, но, по собственному признанию, «и при этом несчастии, как и при первом, потере отца, мать явилась опорой» ей, а не она матери. «Я убеждена, - подчеркивала она, - что только благодаря ее близости и поддержке перенесла я гибель брата».

Наконец 11 мая власти выдали Анну на поруки М.Л.Песковскому, но только «до приведения в исполнение высочайшего повеления о высылке». К этому времени поступило официальное поручительство Л.А.Пономаревой, и 15 числа царь согласился назначить Кокушкино местом ссылки Анны Ульяновой. Но хлопоты и заботы Марии Александровны на этом не кончились. Она просила департамент полиции о выдаче ей хотя бы некоторых вещей, фотографий и бумаг сына, о разрешении дочери побыть в Симбирске до отъезда всей семьи в Казань и Кокушкино. Ходила и в канцелярию столичного градоначальника за документами, по которым Анна должна была следовать в ссылку.

Понадобилось несколько томительных дней, чтобы оформить все необходимые бумаги. И только 18 мая Мария Александровна и Анна выехали наконец поездом из Петербурга в Москву. Там предстояло сделать пересадку на Нижний Новгород, а оттуда, уже на пароходе, добираться до Симбирска.

Как там чувствуют себя Маняша и Митя? Как проходят выпускные экзамены у Володи и Оли? Удастся ли в установленный властями срок продать дом? Эти и десятки других вопросов теперь вставали перед убитой горем матерью.

Вконец измученные несказанными переживаниями, мытарствами и бессонницей, Мария Александровна и Анна прибыли в Симбирск вечером 22 мая. Владимир и Ольга избегали расспросов об ужасном недавнем прошлом, но мать, так долго скованная своим несчастьем, невольно сама стала рассказывать. «Я удивилась, - с болью и вместе с тем с гордостью вспоминала она о за-

5*

щитительной речи сына, - как хорошо говорил Саша: так убедительно, так красноречиво. Я не думала, что он может говорить так. Но мне было так безумно тяжело слушать его, что я не могла досидеть до конца его речи и должна была выйти из зала»[56]. Навсегда остались в памяти последние просьбы Саши - принести ему томик стихов Г.Гейне, найти у товарищей журнал «Немецко-французский ежегодник» со статьями К.Маркса и возвратить его владельцу.

Но о чем бы она ни говорила - о хождениях по приемным сановников в связи с определением места ссылки Анне или с прошением о выдаче ей тюремных фотокарточек Саши, - все поражались той твердости, которую она проявляла в такое тяжкое время. Анна Ильинична вспоминала: «Несчастье с потерей старшего брата было из ряда вон выходящим, и все же оно не подавило ее, она выказала так много силы воли, что, скрывая по возможности свои слезы и тоску, заботилась, как прежде, - еще больше, чем прежде, о детях...

Эти заботы были так удивительны, пример, который она показывала детям, был так прекрасен, что и им хотелось еще больше, чем прежде, скрасить ей жизнь, облегчить ее горе».

И они сделали все, что было в их силах.

В конце мая Ольга закончила сдачу экзаменов. Она одна из 54 выпускниц Мариинской гимназии получила на них только высшие баллы и решением педагогической конференции была награждена золотой медалью.

6 июня сдал последний выпускной экзамен Владимир и тоже - один из класса - был удостоен золотой медали, шестой в семейной коллекции.

Сразу же по возвращении Марии Александровны домой было окончательно решено, что Владимир будет поступать в университет в Казани, куда переедет и вся семья. Тогда и Анна будет находиться от родных лишь в сорока верстах. Объявление о продаже дома и имущества трижды публиковалось в «Симбирских губернских ведомостях», по 10 июня, и только после этого нашелся покупатель.

Нелегко было Марии Александровне решиться сняться с места и разорить родное гнездо. Но ее ободряло, что в такую трудную пору жизненных испытаний она может во всем положиться на Владимира, который в свои 17 лет уже стал настоящим мужчиной. Он был очень

внимателен к ней и брал на себя все заботы - от оформления отметки полицейским управлением в «Проходном свидетельстве» Анны и дачи объявлений в газету до помощи в распродаже и упаковке вещей.

Прослышав о скором отъезде Ульяновых, к ним зачастили любопытные обыватели.

- Вот ведь у вас горе-то какое, - начинала какая-нибудь из пришедших кумушек. Но Мария Александровна строго прерывала разглагольствования сплетниц:

- Вам что угодно? Вы пришли что-нибудь купить?

Эти слова расхолаживали кумушек, и они уходили из дома Ульяновых, как говорится, несолоно хлебавши. Но такие посещения с заглядыванием в глаза, по словам учительницы В.В.Кашкадамовой, очень мучили Марию Александровну[57].

Постепенно удалось распродать кое-что из имущества, а рояль остался.

20 числа истек разрешенный департаментом полиции срок пребывания Анны в Симбирске, а всех дел, связанных с переездом семьи, завершить не удалось. И Мария Александровна, скрепя сердце, вынуждена была отправить дочь, далеко еще не оправившуюся от потери Саши, в назначенное место ссылки - Кокушкино. Ее очень тревожило душевное состояние Ани, и, чтобы не оставлять ее одну, она отпустила вместе с ней Митю и Маняшу. Проводили их вечерним рейсом парохода общества «Кавказ и Меркурий».

Одним из затянувшихся дел оказалось получение сбережений семьи, положенных Ильей Николаевичем несколько лет назад в симбирский городской общественный банк.

Мария Александровна, являвшаяся по закону попечительницей и опекуншей своих несовершеннолетних детей, подала 18 июня заявление в местную дворянскую опеку с просьбой разрешить ей получить всю сумму вклада - 2000 рублей. Опека признала ее пояснения о значительных расходах, предстоящих в связи с переездом в Казань, экипировкой и учебой Владимира и других детей, достаточным основанием для удовлетворения прошения. Однако губернское правление, куда тоже поступило заявление М.А.Ульяновой, предложило снова обосновать необходимость выдачи ей всего капитала. Мария Александровна повторила перечень предстоящих основных расходов и в конце добавила: «Кроме того, из полу-

чаемой пенсии на малолетних будет удерживаться казне долг в 60 руб. за полученный покойным мужем орден Св. Станислава I степени». Об ордене она вспомнила с горечью. Документы о награждении им по выслуге лет прибыли в Симбирск уже после кончины Ильи Николаевича. Мария Александровна, по словам симбирских властей, «не пожелала» получить орден. По этому поводу между Симбирском, Казанью и Петербургом шла многомесячная переписка, но капитул орденов все же настоял на взыскании из пенсии Ульяновых полагавшихся за орден Станислава 150 рублей...

Никакие доводы Марии Александровны не ускорили окончания дела: она так и не получила в Симбирске трудовых сбережений мужа.

Конечно, и в этих хлопотах матери помогал Владимир, и 24 июня по ее поручению он получил в канцелярии классической гимназии «Свидетельство» об успехах и поведении Мити за третий класс и его метрическое свидетельство о рождении и крещении.

Через два дня Ульяновы выехали в Казань тем же вечерним рейсом, «по уменьшенной таксе», что и Аня с младшими. Тягостным было состояние Марии Александровны, когда пароход стал удаляться от города, где она прожила почти 18 лет, где родились четверо ее детей, где покоится прах Ильи Николаевича, где остались ее уютный дом и любимый сад...

КАЗАНЬ
(1887-1889)

1

Путешествие по Волге в прекрасную июньскую пору теперь не вызывало прежнего чувства умиротворения: так свежа была рана от потери Саши и так много тяжелых дум теснилось в голове. И поскорее хотелось в деревню, где ждали Аня, Митя и Маняша.

В Казань Ульяновы прибыли в шесть вечера и сразу отправились к Веретенниковым. Утром выехали на лошадях в Кокушкино и уже к обеду были вместе с Анной, о чем не замедлил рапортовать своему начальству местный пристав. Через день пристав снова появился в Кокушкине, отобрал у Анны Ильиничны все документы, удостоверявшие ее личность, и ознакомил с правилами поведения ссыльной. 3 июля неугомонный страж

взял у сестры Марии Александровны Любови Александровны Пономаревой подписку о том, что ее племянница Анна Ульянова неотлучно будет проживать в ее имении[58].

Точнее, деревянный дом с флигелем и земля, оставшиеся после смерти доктора Бланка, теперь принадлежали его пятерым дочерям, которые почти все уже были вдовами, имея по шесть-восемь детей. Трое из сестер постоянно проживали вдалеке от Кокушкина: Мария Александровна - в Симбирске, Софья - в Ставрополе (на Волге), Екатерина - в Перми. Свои доли (каждая стоимостью около трех тысяч рублей) они передали в распоряжение сестер Анны Веретенниковой и Любови Пономаревой, которые и считались владелицами имения. Фактически же больше всех в Кокушкине жила и вела хозяйство вместе с сыновьями Любовь Александровна, от которой и потребовали поручительство за ссыльную.

В урожайные годы кокушкинское хозяйство давало кое-какой доход, и тогда часть его получали остальные сестры. В периоды засух, а они бывали часто, имение приносило убытки. И неудивительно, что оно давно было заложено и перезаложено в банке.

Погода в июле стояла жаркая, и младшие часами резвились на воздухе, купались в речке, ходили в лес за ягодами и грибами. Делали вылазки на природу и старшие, и мать, но это не заглушало тяжелых воспоминаний. 20 июля Мария Александровна письмом в департамент полиции напомнила: «... было обещано... выдать некоторые вещи сына моего, Александра Ульянова, главным образом портрет его отца, серебряные часы и плед...»[59]. Она должна была вызволить из рук жандармов эти бесценные для нее реликвии - тот минимальный набор самых необходимых вещей, которыми пользовался Саша, те последние предметы, к которым прикасались его руки, последнюю вещественную память о нем... А духовной памятью теперь останутся его письма. Оказалось, что одно из последних писем, написанных Сашей за три месяца до трагических дней ее племяннице Марии Веретенниковой, теперь приехавшей в Кокушкино, явилось выражением его жизненного кредо, по существу, его духовным завещанием.

С этой двоюродной сестрой Сашу связывало глубокое чувство дружбы (которая, по наблюдению Анны Ильиничны, носила «оттенок первой любви», представляла «что-то вроде поэтической дружбы Герцена к его кузи-

не»). Читая исполненные благородством строки этого письма, нельзя было не восхищаться кристальной чистотой его помыслов, огромной его нравственной силой, не испытывать чувства гордости за сына. «Оценивая человека, - писал он Марии, - я держусь всегда такой мерки: насколько он выработал в себе определенные общественные идеалы, идеал иного, лучшего порядка вещей, насколько основательны и прогрессивны его убеждения и насколько энергично и самоотверженно он идет к их осуществлению»[60].

Это послание еще раз подтверждало, что Саша не мог жить только своей личной жизнью и, не в силах наблюдать страдания массы обездоленных, пошел на крайний поступок, чтобы попытаться улучшить их участь, ясно понимая, какой цены стоят такие попытки.

Между тем жизнь настойчиво требовала устройства самых различных дел, и на первое место среди них выдвигалась необходимость переезда в Казань, где Владимиру предстояло поступление в университет, Ольге - в частную музыкальную школу А.А.Орлова-Соколовского, а Мите - в четвертый класс гимназии. На семейном совете было решено, что с ними будет жить мать, а чтобы Анне не так тягостно было одной отбывать ссылку в глуши, с ней останутся Маняша и няня Варвара Григорьевна. Первым, в конце июля, в город уехал Владимир. 29 числа он подал на имя ректора прошение о своем желании поступить на юридический факультет и в середине августа был принят в число студентов - после того как из Симбирской гимназии поступила положительная характеристика. Переезжают в город и Мария Александровна с Олей и Митей.

Вначале Мария Александровна сняла квартиру на Первой горе, в доме Ростовой (ныне ул. Ульянова, 24), в котором жила сестра Любовь Александровна Пономарева, а в конце сентября переехала с семьей на Ново-Комиссариатскую улицу, в дом Соловьевой (ул. Комлева, 15). И эта квартира находилась довольно далеко от университета, но зато тоже стоила значительно дешевле, чем жилье в центре города. Новая квартира была удобнее первой, но оказалась еще не подготовленной к холодам, и Ольга жаловалась в письме к своей подруге Щербо в Симбирск об их бытовых неурядицах: «Здесь ужасно холодно, а хозяйка только сегодня дала вставлять зимние рамы, мы мерзнем», - с горечью констатируя: «Уехав

из Симбирска, мы превратились в каких-то кочевников: нигде не найдем себе места, и все время проходит в том, что мы укладываемся и раскладываемся»[61].

Бытовые неурядицы усугублялись моральными невзгодами. 10 сентября департамент полиции, словно издеваясь над горем матери, ответил ей, что оставшиеся после казни ее сына часы и плед проданы для покрытия судебных расходов. Возвращена была лишь фотография...[62]

Как ни горько было Марии Александровне, она не могла позволить себе расслабиться. Она думала о том, как помочь Анне. Здоровье дочери оставляло желать много лучшего, особенно вызывало тревогу ее душевное состояние. Сама Анна Ильинична писала 16 октября своей подруге-бестужевке Надежде Дьяконовой в Петербург: «Чтоб я ни делала, я все думаю об одном, я часто вижу его во сне и во сне, мне кажется, живу больше, чем наяву. Я прежде не понимала ненависти, а теперь ненавижу так, что иногда мне кажется, будто я никого уже не люблю. На маму, я боюсь, не нагоняю ли большой тоски - не под силу иногда бывает крепиться и говорить, и заставлять себя думать о постороннем, а также видеть, как это несчастье на нее действует, как она, по обыкновению, ни крепится»[63]. Мария Александровна понимала, как тяжело действует на Анну, в ее состоянии, вынужденное заточение на хуторе, где не к чему было приложить способности. При первой же оказии она слала Анне ободряющие письма, передавала свежие газеты, журналы и необходимые книги. И конечно, не считаясь с дорожными трудностями, как только появлялась возможность, спешила проведать дочерей в Кокушкине. В то же время мать пыталась вызволить Анну оттуда. Она настояла, чтобы дочь возбудила ходатайство о разрешении лечиться у казанских врачей. Сама же подала аргументированное прошение об этом министру внутренних дел. И хотя Петербург отказал ссыльной в ее просьбе, губернатор благодаря настойчивым хлопотам матери все-таки разрешил Анне изредка приезжать в Казань.

Чувствуя постоянную поддержку матери, зная, что она так же самозабвенно заботится о каждом из детей, видя, как стойко переносит она все невзгоды, постоянно неся нелегкое бремя сложных хозяйственных забот, понимая, какими колоссальными усилиями воли дается ей выдержка, Анна Ильинична в письме той же петербургской подруге самокритично и не без гордости за мать

призналась: «Вообще у мамы гораздо больше характера, чем у меня»[64]. Да, характера хватает, но боль за старшую дочь постоянно сжимает и без того растерзанное сердце.

Вот за Ольгу, казалось бы, Мария Александровна должна быть спокойна. Если смотреть со стороны, дела у средней дочки как будто благополучны: способная девушка поступает в частную музыкальную школу известного специалиста Орлова-Соколовского для дальнейшего совершенствования своего мастерства. Конечно, для кого-то это - предел мечтаний, но не для Оли. Мать прекрасно знала, что, несмотря на большую любовь к музыке, дочь в душе считает, что только гениальные музыканты могут позволить себе посвятить музыке всю жизнь. А заветная мечта Оли - стать врачом. Именно к этому благородному служению науке и людям влекут ее и способности, и долг. Но увы... В России путь к высшему образованию девушкам вообще закрыт, даже на Бестужевские курсы сейчас прием отменен. Вот и остается пока только музыкальная школа. Для поступления в нее требуется «Свидетельство» об окончании гимназии, а его должны выдать только 26 ноября, в день основания гимназии. И Мария Александровна в сентябре провожает Ольгу в Симбирск: пусть попытается досрочно получить свой документ, а также золотую медаль Владимира, которую тоже еще не выдали, наведет порядок на могиле отца, а заодно и повидается со своими подругами, по которым общительная Олина натура, конечно, уже очень соскучилась.

Ольга привезла только медаль Володи. Вот наконец можно и подержать в руках дорогую, заслуженную награду сына. Вместе с радостью и гордостью за него у матери снова всплыли тяжкие воспоминания и думы. По окружности знакомая надпись: «Преуспевающему», ниже - римская богиня мудрости Минерва с лампадой и лавровым венком в руках, у ног ее - сова, глобус, ящик со свитками, шлем. Да, точно такая, как у Саши была... Он заложил ее в ломбарде, чтобы купить азотной кислоты для приготовления бомб... И университетскую золотую медаль тоже заложил - чтобы спасти товарища от жандармов, отдал ему вырученные 100 рублей для побега за границу... А какая судьба ждет эту, Володину?..»*.

* Эту медаль Мария Александровна хранила до последних дней своей жизни. В 1921 году Владимир Ильич пожертвовал ее в пользу голодающих Поволжья, но ее сохранили.

«Свидетельство» Ольге сразу не выдали. Его прислал в конце сентября секретарь педагогической конференции женской гимназии А.В.Констансов. Этот многолетний помощник Ильи Николаевича был так любезен, что прислал и Олину золотую медаль, о чем та и не решалась его просить. А вот иные симбиряне совсем изменили свое отношение к семейству Ульяновых после мартовских событий, и Марии Александровне горько было слушать рассказ Ольги, которая с обидой поведала о встрече в Симбирске с бывшими своими учителями А.В.Годневым и Н.М.Егоровым. Когда она шла на почту с подругой Ниной Супротивной, эти хамелеоны раскланялись с Ниной, а Ольгу, лучшую свою ученицу, намеренно «не заметили».

С понятным вниманием приглядывалась Мария Александровна, как занимается в университете и проводит внеучебные часы Владимир. На обязательные курсы лекций он записался и посещает их аккуратно. Штудирует дома необходимую литературу, находит время для внепрограммного чтения. Не было явных причин беспокоиться о круге его товарищей-студентов, многие из которых были знакомыми, земляками-симбирянами. И тем не менее Мария Александровна тревожилась за сына: с конца ноября, под влиянием студенческих волнений в Москве, стремительно накалялась обстановка и среди казанской учащейся молодежи, которая тоже готовилась выступить с протестом против нового, реакционного университетского устава. Мать понимала, что Владимир может оказаться в центре опасной борьбы.

Так оно и случилось. Несмотря на вынужденно данное при поступлении в университет обязательство «не состоять членом и не принимать участия в каких-либо обществах», Владимир вступил в симбирское землячество. Студенты-симбиряне избрали его своим представителем в университетский совет землячеств. Вошел он и в революционный кружок Л.Богораза - А.Скворцова.

Непосредственным поводом к выступлению казанской молодежи стало известие о жестокой расправе правительства с участниками студенческих волнений в Москве 24-30 ноября 1887 года. На совещании руководителей землячеств, при активном участии Владимира Ульянова, было решено провести сходку, чтобы выразить правительству протест против «разыгравшейся во всю ширь реакции»[65].

На сходку днем 4 декабря в актовом зале университета собралось более трехсот студентов. Вместе с прибывшими сюда студентами ветеринарного института они одобрили текст петиции и вручили ее ректору. Заявив о невозможности всех условий, в которые поставлена русская жизнь вообще и студенческая в частности, а также желая обратить внимание общества на эти условия, молодежь требовала: уничтожения сословности, всякого рода препятствий для поступления в учебные заведения, расширения университетской автономии, свободы деятельности студенческих организаций, права на сходки, возвращения исключенных студентов и наказания виновников расправы с московскими учащимися.

Только угроза губернатора применить стоявшие у стен университета войска вынудила студентов окончить четырехчасовую сходку. В знак протеста против насилия Владимир Ульянов в числе 99 человек бросил на стол свой входной студенческий билет, а вечером написал на имя ректора прошение, в котором заявил, что «при настоящих условиях университетской жизни» не признает возможным продолжать образование и просит исключить его из числа студентов[66].

В ночь с 4 на 5 декабря полицейский пристав нагрянул в квартиру Ульяновых, арестовал Владимира и увез его в полицейскую часть. Тягостным было расставание матери с сыном. Умудренная жизненным опытом, она знала, что участие юноши даже в студенческих волнениях чревато высылкой из университетского города и может на долгие годы преградить ему путь к получению высшего образования.

Этой ночью в городе было арестовано около ста студентов. Сначала их держали в полицейской части, а затем в общей камере пересыльной тюрьмы, находившейся невдалеке от кремля. Родным разрешили навещать арестованных, обсуждать с ними предстоящую высылку, передавать съестные припасы и теплую одежду. Приходила на свидания с сыном и Мария Александровна. На следующий день после ареста она уже ходатайствовала о его освобождении. Не ведая во всей полноте о его деятельности в революционных кружках, мать считала, что власти относятся к Владимиру чересчур строго только потому, что он - брат казненного революционера. На это один из сановников ответил ей: «Нет, ваш сын был сам очень активен: инспектор Потапов видел его в пер-

вых рядах, очень возбужденного, чуть ли не с сжатыми кулаками»[67].

После такого объяснения не пришлось особенно удивляться тому, что Владимира держали в заключении на сутки больше, чем основную массу арестованных, а выпустив 7 декабря, предписали тем же вечером отправиться к родственникам в Кокушкино. Немногие часы, что Владимир пробыл дома, были посвящены невеселым сборам. Взял он с собой в основном зимнюю одежду да книги. Мороз на улице стоял лютый, и мать, наверное, впервые отдала сыну заветную отцовскую дорожную шубу на теплом меху. Вместе с Владимиром в Кокушкино она отправляла и Маняшу, гостившую в это время в Казани.

Выдворение Владимира из Казани не оговаривалось сроком, и было совершенно неизвестно, когда ему будет позволено покинуть Кокушкино. Только одно с определенностью знала Мария Александровна - что расстанется с сыном сейчас ненадолго: с наступлением рождественских каникул она вместе с Олей, Митей и Варварой Григорьевной поспешит к своим дорогим ссыльным...

В Кокушкине после смерти ее отца остались два деревянных дома. На берегу Ушни стоял «большой», через дорогу - флигель, а в полусотне саженей от него начинались первые крестьянские избушки деревеньки с мельницей. В «большом» доме все было ветхо, испорченные печи не топились, крыша протекала, поэтому устраивались во флигеле. После того, как были законопачены щели, утеплены окна и двери, наладилась регулярная топка печей, и особенно - когда ослабли морозы, обстановка в доме стала более или менее сносной.

После новогоднего праздника Мария Александровна отвезла в Казань Ольгу и Дмитрия для продолжения учения в музыкальной школе и гимназии. Устроив их у сестры Анны Александровны Веретенниковой, она возвращается в Кокушкино: беспокойство вызывало здоровье Маняши, да и старших не хотелось оставлять одних.

2

Зиму провели Ульяновы на хуторе почти в полном уединении, нарушаемом ежемесячными контрольными посещениями полицейского чиновника. Жить в глуши, когда все вокруг на многие версты покрыто глубоким снегом, а постоянные метели прерывают и без того зыбкую связь с Казанью, было невесело.

Самыми радостными событиями для семьи были оказии из города, когда доставлялся пещер (корзинка местной работы), заполненный книгами, газетами (московские «Русские ведомости», петербургская «Неделя», казанский «Волжский вестник») и письмами. Мария Александровна, памятуя о любви старшей дочери к творчеству С.Я.Надсона, подарила ей в январе томик его стихов. Анна Ильнична через несколько дней писала петербургской подруге Надежде Дьяконовой: «Мама порадовала меня недавно, привезла из Казани посмертное издание Надсона. Я его так люблю! Я нахожу в нем так много своих мыслей и чувств, а это так приятно! Одно из посмертных четверостиший особенно поразило меня:

Надо жить! Вот они, роковые слова!
Вот она, роковая задача!
Кто над ней не трудился, тоскуя и плача,
Чья над ней не ломалась от дум голова?»[65]

Надсоновское «Надо жить!» Ульяновыми воспринималось как призыв готовить себя к тому, чтобы приносить общественную пользу. Этот жизнеутверждающий принцип способствовал и тому, что в Кокушкине, к радости матери, снова заработал «домашний университет».

Анна Ильнична, кроме чтения периодики и беллетристики, училась стенографии, много занималась итальянским языком, втайне надеясь, что сможет делать переводы итальянских авторов для печати. Продолжала она пробовать силы и в собственном литературном творчестве; некоторые сказки и стихотворения, после одобрения домашних, послала в редакцию детского журнала.

Мать и сестер с каждым месяцем все больше и больше тревожило будущее Владимира, хотя и в Кокушкине он не терял времени даром. Перечитал почти все комплекты «Современника», «Русского слова», «Отечественных записок», «Вестника Европы» за 1860-1880 годы, хранившиеся во флигеле, следил за периодикой, штудировал некоторые учебники университетского курса. Часы досуга он посвящал прогулкам по окрестностям, спортивным занятиям, игре в шахматы. Однако было видно, что он тяготится неопределенностью, нуждается в общении с близкой себе по духу студенческой молодежью. Анна Ильнична писала в связи с этим 20 апреля 1888 года Надежде Дьяконовой: «Очень беспокоит нас судьба

Володи... Как быть, если его никуда не примут или примут, выгонят через полгода... Разумнее бы, конечно, подождать года два, но это ему совсем не по характеру - скучает он без дела...»[69].

Вскоре этим колебаниям был положен конец. 9 мая Владимир Ильич подает прошение на имя министра народного просвещения о желании вновь поступить в Казанский университет[70]. Мария Александровна, понимая, что решение вопроса зависит и от директора департамента полиции, в тот же день послала ему прошение, в котором ходатайствовала оказать «содействие», то есть не препятствовать возвращению ее сына в университет[71].

В этот день, 9 мая, исполнился ровно год с того трагического дня, когда Мария Александровна узнала о казни старшего сына в Шлиссельбургской крепости. И сколько новых невзгод, связанных уже с делами Анны и Владимира, пришлось ей пережить за это время.

С надеждой на лучшее будущее в мае вся семья Ульяновых вновь собралась в Кокушкине. Уже здесь, через два месяца, полиция вручила Владимиру Ильичу ответ из министерства народного просвещения на его прошение: «Г.Министр изволил изложенное ходатайство просителя отклонить»[72]. Департамент полиции молчал, и 15 июля Мария Александровна направила его директору более краткое, но настойчивое прошение: «Желая по различным семейным обстоятельствам, чтобы сын мой Владимир имел возможность окончить свое образование, находясь при мне, имею честь просить Ваше Высокопревосходительство разрешить ему поступление в Казанский университет»[73].

На этот раз довольно быстро - 12 августа директор департамента полиции П.Н.Дурново через казанского губернатора сообщил Марии Александровне, что принятие сына ее «обратно в Казанский университет представляется ... преждевременным»[74]. Но и этот отказ не обескуражил Марию Александровну. 31 августа, воспользовавшись кратковременным пребыванием в Казани министра просвещения И.Д.Делянова, она добивается аудиенции и вручает ему новое прошение, в котором с болью пишет: «... сын единственная опора моей старости и трех меньших детей, оставшихся сиротами после смерти их отца, прослужившего 30 лет по М-тву народного образования... Если найдете неудобным позволить сыну моему Владимиру поступить в Казанский университет, то раз-

решите ему поступление в один из Российских университетов: Московский, Киевский, Харьковский или Дерптский»[75].

Да, она была готова отпустить сына в один из далеких и незнакомых городов, согласна жить на три дома и метаться из одного края империи в другой. Но Делянов уже 1 сентября наложил на прошении Марии Александровны резолюцию: «Ничего не может быть сделано в пользу Ульянова»[76]. Министр явно мстил Марии Александровне и ее сыну за то, что в их прошениях не было ни одной нотки раскаяния или хотя бы сожаления об участии Владимира Ильича в студенческих волнениях. Но от Ульяновых власть предержащие раскаяния так и не дождались. Владимир Ильич, отчаявшись получить право на возвращение в какой-нибудь российский университет, конечно с согласия матери, 6 сентября послал принципиально новое по содержанию прошение министру внутренних дел: «Для добывания средств к существованию и поддержания своей семьи я имею настоятельнейшую надобность в получении высшего образования, а потому, не имея возможности получить его в России, имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство разрешить мне отъезд за границу для поступления в заграничный университет»[77]. Это прошение имело оттенок обвинения правительства в жестокости по отношению к участникам мирной сходки и, разумеется, было отклонено. Но усилия Ульяновых и других жертв реакции сыграли немалую роль в том, что к осени 1888 года департамент полиции издал циркуляр, разрешавший исключенным студентам вернуться в университетские города, если там живут их родственники.

В августе, к началу занятий у Ольги и Дмитрия, Мария Александровна была уже в Казани. Снова начались мучительные поиски квартиры. 2 сентября 1888 года Ольга поведала в письме своей подруге Александре Щербо в Симбирск: «Пишу тебе это письмо «на досуге», сидя в пустой квартире, где нет никого и ничего, кроме стола и стульев, принесенных дворником. Мы с мамой обошли всю Казань, остановились было на этой квартире, да оказалось, что она сырая, и мы на ней не останемся. Беда с этими квартирами!..

... Сейчас вернулась мама - наняла квартиру: Первая гора, д. Орлова. Пришли мне письмо на новоселье...»[78].

Через неделю вернулся из ссылки, продлившейся 10

месяцев, Владимир, а в октябре, по ходатайству матери, и Анна получила разрешение жить в Казани целых четыре месяца для лечения «от нервной болезни»[79]. Вот и опять все вместе в Казани. Это радовало Марию Александровну и вселяло надежды.

С понятным подъемом устраивались на новом месте. Владимир выбрал себе одну из двух кухонь, находившихся на первом этаже (заметим, имевшую черный ход). Она была уединеннее и удобнее для занятий, чем комнаты верхнего этажа, где разместились остальные члены семьи. Мать стремилась, чтобы жизнь семьи вошла в обычную колею. Трижды в день, как когда-то в Симбирске, все собирались в гостиной. Здесь младшие готовили уроки или играли, взрослые читали вслух журнальные новинки. Вновь зазвучал рояль. Даже в письмах Анны Ильиничны к подруге в Петербург появились мажорные нотки. Поведав, что в казанской квартире наслаждается «теплом, чистотой и уютностью» после кокушкинского помещения, она продолжала: «Я чувствую себя гораздо бодрее и здоровее, но, несмотря на свои старания, я и в семье мало успеваю сделать, чтобы слить и ободрить всех»[80]. Но это удавалось Марии Александровне.

Наряду с радостью освобождения из ссылки Владимира продолжала угнетать невозможность продолжения учебы в университете, и это болью отзывалось в сердце матери. А Анна Ильинична писала Дьяконовой: «Брат (Владимир. - Ж.Т.) тоскует как-то вследствие своих неудач (его и за границу не пустили и вообще косятся очень на бедняжку, раздувают всех страх как). Не знаю, что будет, - но я, впрочем, отучаю себя смотреть в будущее: довольно настоящих забот»[81].

Мать понимала, что переживания Владимира усугубляются и тем, что уже многие участники прошлогодней сходки с началом учебного года вернулись в университет. Но сын не сдавался и стал просить разрешения на экстернат в знаменитом Демидовском юридическом лицее в Ярославле. Мария Александровна одобрила это намерение. По этому поводу Анна Ильинична делилась в письме с Дьяконовой 28 декабря: «Мы бы этого по некоторым причинам желали даже больше допуска его в университет»[82].

Конечно, надежды на получение разрешения от властей лицея были призрачными, тем не менее Владимир Ильич вновь усиленно штудировал источники и учеб-

ные пособия по программе юридического факультета. Параллельно с этим шло чтение, уже по своему плану, социально-экономической литературы, и главное - марксова «Капитала». Когда старшая сестра спускалась к нему в кухоньку, Владимир Ильич с большим жаром и воодушевлением рассказывал ей об основах теории Маркса и тех новых горизонтах, которые она открывала. «Помню его, как сейчас, - рассказывала в своих мемуарах Анна Ильинична, - сидящим на устланной газетами плитке его комнаты и усиленно жестикулирующим. От него так и веяло бодрой верой, которая передавалась и собеседникам. Он и тогда уже умел убеждать и увлекать своим словом. И тогда не умел он, изучая что-нибудь, находя новые пути, не делиться этим с другими, не завербовать себе сторонников. Таких сторонников, молодых людей, также изучавших марксизм и революционно настроенных, он скоро нашел себе в Казани»[83].

За «благонадежность» их поднадзорной квартиры Мария Александровна могла особенно не беспокоиться, так как к Владимиру посторонние обычно не приходили. Он обыкновенно сам уходил на квартиры, где собирались члены местного подполья. Поясняя причины столь осторожного поведения брата в эти месяцы, Анна Ильинична подчеркнула главную: «из внимания к матери»[84].

Внимание к матери - это то, самое необходимое и самое большое, что он мог ей дать и в чем сам чувствовал потребность. Он чутко прислушивался к ее словам. Както этой осенью Мария Александровна заметила, что Владимир начал покуривать. Опасаясь за его здоровье, она стала убеждать сына бросить курение. «Исчерпав доводы относительно вреда для здоровья, обычно на молодежь мало действующие, - писала Анна Ильинична, - она указала ему, что и лишних затрат - хотя бы копеечных (мы жили в то время все на пенсию матери) - он себе, не имея своего заработка, позволять бы, собственно, не должен. Этот довод оказался решающим, и Володя тут же - и навсегда - бросил курить»[85]. Довод о расходах, как потом призналась сама Мария Александровна, она вынуждена была использовать в качестве «последней зацепки». Но мать не жалела денег, когда Владимиру требовалось приобрести нужную книгу, и радовалась, когда он шел с Олей и Митей в театр на оперу или драматическое представление, либо посещал городской шахматный клуб, чтобы сразиться там с каким-нибудь сильным партнером.

Однако мать беспокоили участившиеся отлучки сына по вечерам, как она догадывалась, не связанные с развлечениями. Как он ни конспирировал, она чувствовала, что Владимир вращается в среде революционной молодежи, была почти уверена, что за ним ведется слежка и боялась, что он «влетит опять...»[86].

Какой емкой и выносливой должна быть душа матери, чтобы всегда быть до предела заполненной самыми различными чувствами и переживаниями, связывающими ее со всеми детьми вместе и с каждым в отдельности. Вот и теперь: вечная боль безвозвратной утраты Александра и ощущение тревоги за Владимира уживаются в ней с нежностью к детским забавам младших и с радостной удовлетворенностью сердечными делами Анны.

В жизнь старшей дочери, кажется, прочно входит друг, знакомый еще по Петербургу. Можно только одобрять выбор Анны, настолько обаятелен этот 25-летний молодой человек: очень умен, скромен, прост, с мягким, веселым и открытым характером, необыкновенно честен, отзывчив и добр. Это - Марк Тимофеевич Елизаров. Мария Александровна не могла не отметить для себя, что при всей массивности и даже некоторой грузности фигуры, что отличало его от небольшого ростом, подвижного Ильи Николаевича, он своими благородными человеческими качествами очень напоминал отца Анны, да и судьбой - тоже. Способный и трудолюбивый юноша, выходец из бедной крестьянской семьи, преодолевая большие трудности своего положения, Марк (тоже при поддержке старшего брата) сумел получить гимназическое, а затем и высшее физико-математическое образование, что также не могло не вызывать уважения.

Однако при всей распахнутости своей натуры Марк Тимофеевич вынужден был скрывать кое-что от постороннего глаза. С ранней юности под влиянием революционно-демократической литературы он, как и дети Марии Александровны, настойчиво занимался самообразованием и самовоспитанием с тем, чтобы посвятить свою жизнь освободительной борьбе. Рассудительный и уравновешенный, Елизаров своей безукоризненной честностью и преданностью общественным делам уже в стенах Петербургского университета завоевал любовь и уважение своих товарищей. В эти годы он был близок и с Александром Ульяновым. Вместе с ним и Анной Ильиничной принимал активное участие в деятельности за-

6*

прещенного симбирско-самарского землячества, в знаменитой Добролюбовской демонстрации 17 ноября 1886 года. При аресте Александра Ильича в его записной книжке жандармы нашли фамилию и М.Т.Елизарова. Он попал за решетку, но вскоре был выпущен с обязательством выехать на родину, в Самарскую губернию. Как жених Анны Ульяновой он в апреле 1887 года просил директора департамента полиции о высылке невесты не в Сибирь, а в Симбирскую или Самарскую губернии. Этого же добивалась тогда и Мария Александровна, ссылаясь на местожительство жениха дочери.

Марк Тимофеевич, служивший в 1887 году в Самаре, навещал Анну Ильиничну в Кокушкине и Казани. Он сыграл немаловажную роль и в том, что Ульяновы решили приобрести в деревне Алакаевке, находившейся в 50 верстах от Самары, земельный участок, дом и мельницу. Мария Александровна подписала доверенность, по которой Марк Тимофеевич и оформил эту покупку в конце января 1889 года.

28 февраля Мария Александровна возбудила перед департаментом полиции ходатайство о разрешении дочери Анне ввиду ее расстроенного здоровья провести наступающее лето в Алакаевке, где она будет лечиться кумысом. Сравнительно быстро, 11 марта, Петербург предписал казанскому и самарскому губернаторам удовлетворить просьбу М.А.Ульяновой. Но только через месяц всей семьей наметили дату отъезда - 5 мая. Приходилось ждать открытия навигации на Волге. Оттягивали время отъезда и занятия младших детей. Дмитрий заканчивал четвертый класс гимназии, и было необходимо, чтобы старшие подольше позанимались с ним в связи с предстоящими экзаменами. Кроме того, и Маняше, которая осень и зиму под руководством Ольги готовилась к гимназии, лучше было сдать вступительные экзамены весной, чтобы летом спокойно отдыхать.

В конце апреля Мария Александровна могла радоваться: самая младшая ее дочка стала гимназисткой, да притом - сразу второго класса, настолько успешно она смогла выдержать испытания по русскому языку, арифметике, географии и закону божьему. Вот с Дмитрием дела обстояли сложнее, но в конце апреля Владимир заверил мать, что можно не сомневаться за благополучный исход экзаменов.

До переезда в Самару была предпринята еще одна

попытка решить вопрос об учебе Владимира в высшем учебном заведении, ведь на новом месте власти откажутся выдать свидетельство о его политической благонадежности. А без него нельзя поступить в университет или выехать за границу. Но так как и казанские власти отказались сделать это, Владимир проходит освидетельствование врачей и 29 апреля получает медицинское заключение, удостоверяющее болезнь желудка и рекомендующее лечение «щелочными водами и всего лучше Vichy (Франция)»[87]. С этим документом он обращается к казанскому губернатору и просит выдать ему паспорт на выезд за границу для лечения. Губернатор разгадал замысел Ульяновых и наложил на прошении отрицательную резолюцию: «Я полагал бы отклонить, так как может ехать на Кавказ (Ессентуки, N 17)»[88]. В донесении же министру внутренних дел он пояснил мотив отказа в выдаче просителю заграничного паспорта: «Ульянов есть родной брат состоящей под гласным надзором полиции Анны Ульяновой, за время проживания в Казани хотя к делам политического характера не привлекался, но аттестуется личностью вредного направления в политическом отношении»[89].

В разгар этой переписки, в конце апреля, все приготовления к отъезду были закончены. Квартиру Мария Александровна сдала хозяйке, а рояль и вещи оставила в Кокушкине и у родных в Казани.

2 мая 1889 года Ульяновы, кроме Дмитрия, оставшегося у Веретенниковых до окончания экзаменов, отплыли вниз по Волге на товарно-пассажирском пароходе общества «Кавказ и Меркурий». Этот тихоходный пароход был выбран по двум причинам. Во-первых, билеты на него продавались по «уменьшенной таксе», что давало Марии Александровне существенную экономию на путевых издержках. А во-вторых, появлялась возможность заехать в Симбирск, навестить могилу Ильи Николаевича. Ведь если скорые пароходы стояли у симбирской пристани всего лишь полтора часа, то товарно-пассажирские - от трех до пяти часов. Этого времени хватало, чтобы на извозчике съездить на кладбище и даже навестить кое-кого из знакомых (что и сделала Ольга, заехав к подруге Александре Щербо).

Поздним вечером того же дня Ульяновы отправились от симбирской пристани в Самару, где их с нетерпением ждал Марк Тимофеевич Елизаров.

САМАРА
(1889-1893)

4 мая 1889 года Мария Александровна со своей семьей приехала в Алакаевку. Это была небольшая деревня, расположенная в полусотне верст восточнее Самары, в степной местности. Все имевшиеся здесь 44 крестьянских двора с населением в 229 душ обоего пола примостились на западной и восточной сторонах большого оврага. Протекавшая по его дну речушка Запрудная, вбиравшая Елховый и Гремячий ручьи, была мелкой, но, перегороженная плотиной, образовывала пруд, на котором действовала мельница. Невдалеке от пруда, на правой (западной) стороне оврага, и находилась усадьба Ульяновых: ветхий одноэтажный деревянный дом и примыкавший к нему густой, запущенный сад, спускавшийся к ручью с обрывистыми берегами, за которым сразу же начиналось поле. Дом был довольно просторный. Помимо кухни имелся коридор, деливший дом пополам. В первой левой комнате разместились мать с Маняшей, в смежной - Аня и Оля; самую большую отвели под столовую-гостиную; справа была Митина комната, а в угловой, с окнами на юг и восток, поселился Володя.

Мать была довольна, что детям здесь удобно и привольно. Каждый облюбовал себе местечно в саду для занятий и чтения. Ольга обычно устраивалась около высокого старого клена. Анна предпочитала березовую аллейку. Владимира тоже всегда можно было найти на своем месте. «В северо-западном углу сада был «Володин уголок», - вспоминал потом Дмитрий Ильич, - деревянный столик и скамья, укрепленные в земле; этот уголок был весь в зелени, и солнце почти не заглядывало туда. Около столика Володя очень скоро протоптал дорожку в 10-15 шагов, по которой часто ходил, обдумывая прочитанное. Обычно около девяти часов он приходил сюда с книгами и тетрадями и работал до двух часов без перерыва»[90].

В часы же досуга ходили купаться на пруд, находившийся в десяти минутах ходьбы, в лес за малиной и грибами. Но, пожалуй, главными достоинствами алакаевского хутора были чудесный степной воздух и тишина.

По вечерам Мария Александровна устраивалась вместе со всеми на крытом крыльце, у большой лампы. У Анны

на эту тему даже родилось стихотворение, настолько обычную картину представляли эти их вечерние собрания:

Ночь давно уж, все-то дремлет,
Все кругом молчит.
Мрак ночной поля объемлет,
И деревня спит.
Под покровом темной тучки
Спряталась луна.
Нет и звездочек, порой лишь
Чуть блеснет одна.
В хуторке лишь, на крылечке,
Светит огонек,
И за чтением серьезный
Собрался кружок.
Все сидят, уткнувшись в книги,
Строго все молчат,
Хоть Манюшины глазенки
Больно спать хотят...[91]

Да, Алакаевка была хороша и для отдыха, и для самообразования. Но надежда Марии Александровны на то, что здесь старший сын заинтересуется сельским хозяйством, не сбылась. Впоследствии Владимир Ильич говорил Надежде Константиновне: «Мать хотела, чтобы я хозяйством в деревне занимался. Я начал было, да вижу, нельзя, отношения с крестьянами ненормальные становятся»[92].

Было ясно и то, что если даже Марку Тимофеевичу, с детства знакомому с хлебопашеством, удастся наладить хозяйство, оно все равно не обеспечит прожиточного минимума для большой семьи.

В создавшихся условиях Владимир Ильич мог оставить родных на попечение Елизарова, а сам был готов отправиться в любую глухомань, чтобы пополнить семейный бюджет репетиторством. Уже 18 мая в «Самарской газете» он дал объявление: «Бывший студент желает иметь урок. Согласен в отъезд. Адрес: Вознесенская ул., д. Саушкиной, Елизарову, для передачи В.У. письменно».

В середине июня, когда из Казани приехал Митя - уже пятиклассник, Владимир Ильич получил отказ на поездку за границу, а бракосочетание Анны Ильиничны

и Марка Тимофеевича было намечено на следующий месяц, Ульяновы принимают решение окончательно расстаться с Казанью и обосноваться в Самаре. Хлопоты начались с перевода Дмитрия в Самарскую классическую гимназию.

Однако директор гимназии А.И.Соколов, получив прошение Марии Александровны о приеме сына, в письме к попечителю Казанского учебного округа с верноподданническим рвением высказался против удовлетворения ее законной просьбы: «Зная частию по слухам, частию из достоверных источников о превратном и предосудительном образе мыслей и жизни некоторых членов семейства покойного Ульянова (Ильи Николаевича. - Ж.Т.) и весьма печальной, хотя и вполне заслуженной участи одного из них (Александра Ильича. - Ж.Т.), я со своей стороны, даже в случае надежной благонамеренности Дмитрия Ульянова, крайне затрудняюсь удовлетворить просьбу матери...»[93].

Попечителю П.Н.Масленникову рассуждения Соколова показались правильными, и он, отлично понимая, какое горе это причинит М.А.Ульяновой, 30 июня письмом к самарскому директору одобрил намерение отказать ей в приеме сына в гимназию. Марии Александровне стало ясно, что без аудиенции у попечителя вряд ли дело решится благополучно.

В сложившейся обстановке, вопреки народной традиции играть свадьбы после уборочной страды, пришлось ускорить оформление брачного союза Анны и Марка, так как только после выхода дочери замуж власти могут разрешить ей отбывать оставшийся срок ссылки не в Кокушкине, а в Самаре и Алакаевке, то есть там, где будет находиться муж. В этом случае можно было надеяться, что и перевод Мити облегчится. Тогда, с началом учебного года у младших, можно будет жить всем вместе в Самаре.

28 июля в Тростянке - ближайшем селе, где имелась церковь, состоялось венчание молодых. А через несколько дней мать сняла в Самаре для двух семей четырехкомнатную квартиру в доме Шоринова, на Дворянской улице (ныне - ул. Куйбышева, 7), близ реки Самарки.

В конце первой декады августа Мария Александровна едет вместе с Владимиром Ильичем в Казань, чтобы перевезти оттуда рояль и другое имущество, а главное - добиться приема у попечителя учебного округа. 12 чис-

ла П.Н.Масленников соизволил принять вдову хорошо известного ему И.Н.Ульянова, но вместо того, чтобы сразу решить дело о переводе Дмитрия в Самарскую гимназию, предложил Марии Александровне прийти за окончательным ответом во вторник 15 августа.

Сначала Мария Александровна не поняла подвоха сановника, но, вернувшись в квартиру сестры, вспомнила, что вторник является «табельным праздником» и никакого приема посетителей у попечителя быть не может. Нетрудно представить, с каким возмущением и волнением она в этот день принялась за новое прошение на имя Масленникова. Упомянув в нем о злополучном «табельном празднике», Мария Александровна вынуждена была заявить: «...между тем я оставила дома, в деревне близ Самары, двоих меньших детей (Дмитрия и Маняшу. - Ж.Т.) больными, что меня чрезвычайно беспокоит. Присутствие мое при них необходимо, что и заставляет меня спешить с приездом»[94]. Обосновывая далее настоятельную необходимость перевода сына Дмитрия в Самарскую гимназию, мать подчеркнула очевидную для каждого человека невозможность оставить мальчика одного для продолжения учебы в Казани, а затем умоляюще попросила Масленникова ускорить возможность «иметь сына при себе, следить за его уроками и поведением», так как «учебное время близко».

Действительно, до начала занятий в гимназии оставалось всего лишь четыре дня. Но и они прошли, а твердолобый Соколов все еще не принимал Дмитрия. 19 августа Мария Александровна шлет попечителю учебного округа телеграмму с оплаченным ответом: «Покорнейше прошу телеграфировать результаты просьбы»[95]. А тот, продолжая наслаждаться властью, еще два дня выжидал, прежде чем, наконец, сообщил о своем согласии.

Насколько грязной игрой было со стороны попечителя и директора это глумление над Марией Александровной, видно из письма Масленникова Соколову: «... в данном мною в настоящее время разрешении ученику Ульянову перейти из Казанской в вверенную вам гимназию, сверх секретных причин, имело большое значение то обстоятельство, что в Самаре надзор за поведением Ульянова и за отношением его к товарищам гораздо легче устроить, чем в Казани, большом университетском городе, имеющем много учебных заведений. Поэтому, - продолжал Масленников, - **не имея никаких законных до-**

статочных оснований (выделено мною. - Ж.Т.) преградить молодому Ульянову вовсе путь к получению образования в учебных заведениях, я покорнейше прошу вас, приняв его в Самарскую гимназию, устроить над поведением его и над отношением его к товарищам возможно бдительное негласное наблюдение»[96].

Даже с оформлением Маняши в Самарскую женскую гимназию не обошлось без заминки: соответствующие документы о принятии ее во второй класс пришли из Казани только в конце августа, и то лишь после запроса из Самары. Итак, в конце концов проблемы младших детей были решены. Куда сложнее обстояли дела у старших.

Окончилась неудачей попытка Ольги устроиться преподавательницей народного училища. Рассказывая об этом в письме подруге в Симбирск, она с горечью заключила, что для кандидаток в учителя «нужно нечто посущественнее золотой медали, а именно - протекция»[97].

Затягивался вопрос и с разрешением Анне переехать в Самару к мужу. На прошение Марка Тимофеевича об этом ответ задерживался, а Анну уже дважды оштрафовывали за самовольные выезды из деревни. Теперь же кончился и дозволенный четырехмесячный срок отбывания ссылки в Алакаевке... 11 сентября мать обратилась к самарскому губернатору с письмом, в котором с болью писала: «Дочь моя, Анна Ильинична Елизарова, бывшая Ульянова, провела лето, по разрешению г-на министра, в деревне Алакаевке для лечения кумысом. Курс лечения давно кончился, а помещение наше в д. Алакаевке пригодно только для летнего жилья и с наступлением осенних холодов и дождей становится совершенно невозможным даже для здорового, не только для больного грудью, как моя дочь.

Ввиду всего этого имею честь убедительнейше просить Ваше Превосходительство позволить дочери моей приехать на время в Самару. Дочь моя будет помещаться в одном доме со мной, и я ручаюсь, что она не только не выедет за пределы города, но будет вести самую замкнутую семейную жизнь. В тревожном состоянии, в котором я нахожусь теперь, меня ободряет несколько мысль, что, Ваше Превосходительство, по человеческому чувству не откажете в просьбе матери»[98].

Губернатор А.Д. Свербеев вправе был без промедления выполнить эту просьбу, но не захотел. Эта сановная

бессердечность, наверное, и стала последней каплей, переполнившей чашу терпения Ульяновых. Они решают вообще расстаться со своим «недвижимым имением» в Алакаевке и стать горожанами. Уже 20 сентября их извещение о продаже появляется в «Самарском вестнике объявлений». По случайному совпадению в этот же день губернатор уведомил Марка Тимофеевича о поступившем из Петербурга разрешении жене его «остаться на жительстве под надзором полиции в Самаре»[99].

Как только Мария Александровна узнала об этом, она, не мешкая, 21 сентября сняла другую, более удобную квартиру в одноэтажном деревянном доме Кулагина (ныне - ул. С.Разина, 10). Трудно устраиваться с большим семейством в чужих домах. Ведь Ульяновых и Елизаровых было, включая няню и Евгения - племянника Марка Тимофеевича, учившегося в гимназии, - девять человек. Новое жилье находилось тоже близ реки Самарки, на Полицейской площади, и стоило 40 рублей в месяц - чуть ли не половину пенсии. Старшие дети вместе с Марком Тимофеевичем тут же занялись, через «Самарскую газету», поиском репетиторских мест «по всем предметам средних учебных заведений».

В это время Владимир Ильич в одиночестве терпеливо поджидал в Алакаевке клиентов - покупателей «недвижимого имения», но, так и не дождавшись, приехал в Самару 10 октября, когда семейству снова пришлось переезжать. Третья самарская квартира была в доме Каткова на Воскресенской улице (ныне - ул. Пионерская, 6), около Волжской набережной, рядом с редакцией «Самарской газеты».

Бытовые условия на новом месте оказались наконецто подходящими. Но, избавившись от сырости прежнего жилья и переехав в более благоустроенный район города, Ульяновы и Елизаровы не избавились от постоянного своего неудобства - тайной слежки и открытого надзора. Даже за Дмитрием велось неприкрытое наблюдение; особенно здесь усердствовал и.о. инспектора классической гимназии П.П.Кочкин.

Этот 40-летний чиновник, некогда служивший в Симбирской губернии и знавший директора народных училищ И.Н.Ульянова, успел «забыть» о заслугах выдающегося просветителя и относился к его семье только как к политически «неблагонадежной». Конечно, Кочкин сам был лицом подневольным, но он мог бы «опекать» под-

надзорное семейство не так уж назойливо и пристрастно, как он это делал. Трижды в месяц, в вечерние часы, он появлялся в квартире Ульяновых и самым тщательным образом осматривал комнату пятиклассников Дмитрия и Евгения Елизарова. Если кого-то из них не оказывалось дома, Кочкин допытывался, в том числе и у соседей, когда и куда именно ушел его подопечный, посещают ли гимназисты церковь; особенно интересовался кругом внеклассного чтения подростков, их знакомыми.

Мария Александровна презирала этого чиновника, исполнявшего функции сыщика, и директор гимназии вынужден был отметить в отчете за октябрь 1889 года, направленном в Казанский учебный округ: «В истекщем месяце г. и. о. инспектора не пришлось видеться и беседовать с матерью: сама она не считала нужным при его посещении выходить из своих покоев в ту комнату, где помещаются воспитанники, а г. Кочкин находил неудобным назойливо беспокоить мать, не имея ничего сообщить о сыне.

С старшим сыном (Владимиром Ильичем. - Ж.Т.) г. Кочкин имел случай видеться в приемной, но они ничего друг другу не сказали, а обменялись одними поклонами и взглядами»[100].

Однако в следующем месяце Марии Александровне все же не удалось избежать объяснений с Кочкиным. Результат его очередного посещения квартиры Ульяновых был немедленно отражен в ноябрьском отчете директора гимназии казанскому начальству. Отметив в рапорте, что старший сын М.А.Ульяновой «принял на себя труд» проверять познания своего брата Дмитрия «по некоторым предметам», директор верноподданнически доложил, что Кочкин «усмотрел на столе Ульянова один том сочинений Помяловского, признанных вредными для юношеского возраста и запрещенных», и что «это сочинение было взято воспитанником из домашней библиотеки. Но вина в этом прискорбном обстоятельстве всецело падает на старших членов семьи, которые так неосторожно, не подозревая, может быть, вред от чтения книг подобного характера, раскрывают полки своих библиотек для младших членов семьи. На эту тему проведена беседа с матерью»[101].

И все-таки как ни тяготили, ни раздражали. ни унижали Марию Александровну официальный полицейский надзор за ссыльной старшей дочерью и неутомимая «опе-

ка» над младшим сыном со стороны гимназической ищейки Кочкина, сердце матери больше тревожила безопасность Владимира. Хотя внешне как будто все было благополучно, можно ли быть уверенной, что за «политически неблагонадежным» сыном не следят тайно? А дела-то у него могут быть посерьезнее Митиных...

Сам же Владимир Ильич в первый период проживания в Самаре был очень осторожен, особенно после того, как с огорчением узнал, что в июле жандармы Казани напали на след марксистских кружков и арестовали их организатора Н.Е.Федосеева. Он признался сестре Анне, что, если бы вовремя не уехал из Казани, сам «влетел бы, вероятно, так же», ибо состоял в одном из федосеевских кружков[102]. В дознании по этому делу участвовала и охранка Самары.

С осени 1889 года Мария Александровна вновь настойчиво добивается для Владимира права на продолжение высшего образования. Она обращается к казанскому профессору Н.И.Ильминскому, который хорошо знал ее покойного мужа, с просьбой оказать помощь в поступлении Владимира в университет или в получении разрешения на сдачу экзаменов экстерном. Ходатайство профессора, имевшего влиятельных знакомых в Петербурге, не дало результатов. Тогда Ульяновы предпринимают следующую попытку: 28 октября Владимир Ильич направляет министру народного просвещения прошение о разрешении «держать экзамен на кандидата юридических наук экстерном при каком-либо высшем учебном заведении»[103]. Министерство запросило мнение департамента полиции, а тот ответил, что «во время жительства в Казани Ульянов замечался в сношениях с лицами политически неблагонадежными, из коих некоторые привлечены ныне к дознанию по обвинению в государственном преступлении»[104]. В декабре прошение отклонили. Было отчего отчаяться. Владимир Ильич, по его словам, «имел полную возможность убедиться в громадной трудности, если не в невозможности, найти занятие человеку, не получившему специального образования»[105]. Попытка через объявления в «Самарской газете»[106] найти частные уроки не увенчалась успехом: ведь и репетитору требовалось иметь репутацию политически благонадежного человека. Мать чувствовала, как эти неудачи угнетающе действовали на сына, ведь он считал своим долгом материально поддерживать семью.

С наступлением весеннего тепла близость дома Каткова к Волге могла снова стать причиной вспышки малярии у детей, и Мария Александровна в начале мая 1890 года сняла новую, уже четвертую, квартиру. На этот раз - подальше от рек, на восточной окраине города, в верхнем этаже деревянного двухэтажного дома купца И.А.Рытикова, на углу Почтовой и Сокольничьей улиц (ныне - Ленинская, 135). Эта квартира станет для Ульяновых и Елизаровых на три с лишним года постоянным местом жительства*.

Самую большую комнату отвели под столовую-гостиную. Мария Александровна разместилась с Ольгой и Маняшей справа от прихожей, в светлой комнате с двумя окнами во двор. В двух соседних - Анна с зятем; за ними в комнатке с одним окном, выходившим на Почтовую улицу, - Владимир; в последней по коридору устроили Митю с Женей.

Едва обосновавшись на новом месте, Мария Александровна решает отправиться в Петербург, чтобы добиться встречи с министром народного просвещения по делу о предоставлении сыну возможности закончить высшее образование. 6 или 7 числа Мария Александровна выехала с Владимиром на пароходе по Волге до Нижнего Новгорода, а оттуда - поездом в Москву и Петербург.
Документы свидетельствуют, что мать действовала очень энергично. 12 мая она обращается к директору департамента полиции с просьбой разрешить сыну Владимиру поступить в один из университетов или держать экстерном государственные экзамены[107], а 17 числа она лично вручает министру народного просвещения графу Делянову прошение, в котором говорится: «Мучительно больно смотреть на сына, как бесплодно уходят самые лучшие его годы для высшего образования. Не будучи в состоянии переносить этой нравственной боли, я и утруждаю Ваше Сиятельство покорнейшею просьбой разрешить сыну моему поступить в какой-либо из русских университетов или, в крайнем случае, допустить его держать выпускной университетский экзамен по юридическому факультету, т.е. на степень кандидата. Я тем настойчивее прошу Ваше Сиятельство снять с моего сына так долго лежащую на нем кару, что кара эта, вообще,

* Теперь в этом здании Дом-музей В.И.Ленина.

не позволяет ему, как человеку, принадлежащему к кругу исключительно интеллектуальных работников, найти какое бы то ни было даже частное занятие, не позволяет, значит, ни к чему приложить сил. Такое бесцельное существование, без всякого дела, не может не оказывать самого пагубного нравственного влияния на молодого человека, - почти неизбежно должно наталкивать его на мысль о самоубийстве»[108]. Драматический тон, которым было окрашено прошение, возымел действие. Министерство, словно устыдившись трехлетнего преследования студента В.Ульянова, пообещало удовлетворить ходатайство матери.

Во время пребывания в Петербурге Мария Александровна заботилась и об Олиной судьбе. Дочь мечтала стать врачом, и, так как в российские университеты девушек не принимали, она наметила медицинский факультет Гельсингфорсского. Мать беспокоило, что лекции ей придется слушать на шведском языке, жить - в незнакомой Финляндии, в отрыве от родных. Но Ольга все-таки надеялась, что ее отпустят, и в письме к подруге Александре Щербо писала: «Я говорила уже об этом с мамой, и хотя она приводила многие возражения, но я знаю, что она так добра, что ни в чем мне не откажет...»[109]. Да, мать поняла дочь, но в Петербурге выяснилось, что кроме шведского, который она уже освоила, необходим еще и финский. Поэтому Ольге остается физико-математический факультет Бестужевских курсов. Уточнив детали оформления документов и условия проживания на курсах, Мария Александровна с Владимиром возвращаются в двадцатых числах в Самару.

2

Возвращаясь домой, Мария Александровна полагала, что Анна, подавшая еще в начале мая прошение губернатору о разрешении выехать на лето в Алакаевку для лечения кумысом, находится уже там вместе с Маняшей. Оказалось, что дело затянулось. Губернатор, куда-то уезжавший, переадресовал решение этого вопроса департаменту полиции.

Наступил июнь, а ответа из Петербурга все не было. Анна Ильинична пошла на прием к вице-губернатору. Тот заявил, что с его стороны нет препятствий к ее выезду, но потребуется некоторое время для выполнения не-

обходимых формальностей. Подождав до 6 июня, она решила, что письменные указания, наверное, пересланы уездному исправнику, и выехала в Алакаевку. Но власти не замедлили расценить и этот выезд как самовольную отлучку, и земский начальник 6-го участка Самарского уезда оштрафовал Анну Ильиничну на 25 рублей. Третий штраф за неполный год...

В разгар этой досадной истории мать обрадовало уведомление, что министр Делянов разрешил Владимиру держать экстерном экзамены в одном из университетов России. Наконец-то брешь была пробита. Мария Александровна согласилась с намерением сына сдавать экзамены при Петербургском университете, тем более, что Ольга готовилась поступать на Бестужевские курсы, и какое-то время дети будут рядом. Владимир Ильич пишет официальное прошение министру просвещения, в котором заявляет о своем желании «держать в качестве экстерна окончательные по предметам юридического факультета экзамены» в испытательной комиссии при Петербургском университете[110]. На этом прошении в середине июля появились две резолюции. Первая гласила: «Пусть лучше держит в Казани». Вторая предлагала заявителю обратиться со своей просьбой в испытательную комиссию Петербургского университета[111]. Вскоре Мария Александровна получила извещение и из департамента полиции, что он не возражает против продолжения ее сыном Владимиром «прерванного образования в одном из университетов Империи»[112]. Теперь, пожалуй, вопрос можно было считать решенным.

Оставшуюся часть лета Мария Александровна с семьей провела в Алакаевке, где молодежь не столько отдыхала, сколько занималась напряженной умственной работой. Мать с удовольствием замечала, как общий деловой настрой благотворно действует на Анну - она стала спокойнее и работоспособнее, в поисках заработка принялась за перевод романа итальянской писательницы Неры (псевдоним Анны Цукари) «Завтра». Было приятно, что этот труд увенчался успехом: 22 июня 1890 года в «Самарской газете» появились, правда, без подписи, первые главы перевода. Продолжение романа в переводе Анны публиковалось в двух десятках номеров газеты[113].

Этим же летом улучшилось и положение зятя. В течение трех лет он безуспешно пытался устроиться на службу, и только теперь ему удалось получить место

помощника делопроизводителя Самарского правления государственных имуществ.

Марию Александровну радовало и то, что Митя, несмотря на болезнь, перемену места учебы и предвзятое к нему отношение гимназического начальства, благополучно перешел в шестой класс, а Маняша стала уже третьеклассницей. Словом, жизнь как будто налаживалась и ничто не предвещало новых невзгод. Только грустно было матери расставаться со средней парой детей, отправлявшейся в Петербург. В конце июля на волжской пристани Самары проводили Ольгу - впервые так далеко и надолго. С ней можно не увидеться до весны... Ведь у нее был такой же твердый характер, как и у Александра, который не считал себя вправе обременять семейный бюджет дорожными расходами ради нескольких дней свидания на зимних каникулах. Владимир уплыл на пароходе в конце августа, но только на два-три месяца - переговорить в испытательной комисси, познакомиться с предметными программами, запастись недостающими учебниками и пособиями, позаниматься в библиотеках.

Из писем Ольги, да и из рассказов Владимира, вернувшегося в Самару в конце октября, мать видела, что программой курсов дочь овладевает без особых затруднений, находит время для чтения и перевода с английского и шведского, занятий музыкой. Ольга аккуратно выполняла просьбы родных о покупке книг, ходила по редакциям с рукописями Анны и в библиотеки с реестриками Владимира. Почти все ее письма - оптимистичны. И лишь изредка в ответ на те или иные беспокойные вопросы матери Ольга сообщала о наболевшем: ученье на курсах и проживание в интернате курсов «так дорого обходится»* или: «целую зиму не видишься с вами», признается, что хочется видеть своих родных «не только в праздники, но и в будни»[114]. И какой любовью и нежностью наполнен каждый вопрос о новостях в их жизни. «Как вы поживаете, дорогая мамурочка? - интересовалась Ольга в письме от 10 февраля 1891 года. - Читает ли тебе кто-нибудь вслух по вечерам? Что делает в свободное время моя дорогая Марусенечка?..»[115]

В последних числах марта Мария Александровна проводила Владимира в Петербург, где он должен был сда-

* О.Ульянова жила в интернате. За это полагалось платить 300 рублей в учебный год. Кроме того, она вносила 100 рублей за слушание лекций.

вать экзамены за два курса университета. Ольга навещает брата в квартире на Тучковой набережной, где он остановился, а тот, в свою очередь, не раз заходил в ее общежитие. Стараясь рассеять опасения матери, что организм Владимира может не выдержать напряженной экзаменационной сессии, Ольга в полушутливой форме, но с нескрываемой гордостью за брата сообщает ей в письме от 8 апреля: «Мне кажется, дорогая мамочка, что ты напрасно беспокоишься, что он надорвет здоровье. Во-первых, Володя олицетворение благоразумия, а, во-вторых, экзамены оказываются очень легкими. Он уже сдал 2 предмета и из обоих получил по 5. В субботу (экзамен у него был в пятницу) он отдыхал: утром ходил на Невский, а после обеда пришел ко мне, и мы ходили с ним гулять по набережной Невы - смотрели на ледоход; затем он отправился к П-ским (Песковским. - Ж.Т.).

Ночей не спать он не будет, так как это совершенно лишнее: все равно голова не может работать в течение 24 часов, так что отдых необходим. Обедать он ходит каждый день, - следовательно, прогуливается»[116].

Мать также с радостью узнала, что дочь ровно через месяц выедет в Самару[117].

Но, увы, Ольга вскоре заболела. Когда выяснилось, что это брюшной тиф, Владимир поместил сестру в Александровскую больницу, часто навещал ее. Но болезнь оказалась серьезной, и он вынужден был дать матери телеграмму: «Олей брюшной тиф, лежит в больнице, уход хорош, доктор надеется на благополучный исход»[118].

К несчастью, тиф осложнился рожистым воспалением, и в начале мая от Владимира пришла совсем тревожная телеграмма: «Оле хуже. Не лучше ли маме ехать завтра»[119]. Мария Александровна немедленно выехала, но спасти дочь не удалось: переутомленный организм не выдержал, и Оля скончалась на ее руках. Новое горе обрушилось на мать 8 мая - в день четырехлетней годовщины казни Александра... Через два дня Мария Александровна и Владимир Ильич похоронили на Волковом кладбище бесконечно дорогого им человека. Подруга Ольги З.П.Невзорова-Кржижановская вспоминала: «Я осторожно вела под руку мать Оли, Марию Александровну Ульянову, с другой стороны ее поддерживал Владимир Ильич. Она шла молча, прямая, тонкая, хрупкая, с слегка закинутой назад головой и лишь изредка из-под

полуопущенных глаз скатывались скупые слезинки. У меня сердце разрывалось от жалости. Невыносимо было хоронить Олю, чудесную 19-летнюю девушку, умницу, только что развернувшую свои блестящие способности, милого товарища, так нелепо погибшего. Невыносимо было видеть ее мать, молчаливо идущую за ее гробом... А она шла тихая, молчаливая, натянутая как струна, крепко сжав губы»[120].

Беспредельно горестными были и дни возвращения домой. Новая страшная, безвозвратная потеря подкосила мать, но она крепилась, как могла, думая об ответственности перед оставшимися детьми. В эти самые тяжелые первые дни опорой ей был Владимир. Она чувствовала его душевное тепло, предельное внимание и чуткость, понимая, какой силой воли он заглушает собственную боль от потери любимой сестры и близкого своего товарища.

Стремясь облегчить страдания матери, обеспечить ей помощь и поддержку в заботах о семье, старший сын отказался от появившейся теперь возможности осуществить свою давнюю мечту - переехать в Петербург - центр освободительного движения... Ради матери он будет жить дома, в Самаре, еще два года[121].

Печальным было это лето в Алакаевке. С трудом, постепенно налаживался необходимый деловой ритм жизни. Только Оля больше никогда не сядет под своим любимым старым кленом, теперь тоже осиротевшим...

Незадолго до нового учебного года у младших детей Ульяновы возвратились в город. В начале сентября мать проводила Владимира в Петербург для сдачи экзаменов за третий и четвертый курсы университета. Как и весной, он получил по всем предметам «весьма удовлетворительно», то есть отличные оценки, завоевав право на диплом первой степени. Из 33 экзаменовавшихся вместе с ним 27 получили диплом, из них первой степени - девять. Но только Владимир Ульянов имел по всем предметам высшие баллы[122].

Мать с нетерпением ждала Владимира, и он вернулся сразу же после экзаменов, не дожидаясь официального присуждения диплома. Она имела все основания гордиться выдающимся успехом сына. «Тогда многие удивлялись, - вспоминала потом Анна Ильинична, - что, будучи исключенным из университета, он в какой-нибудь год без всякой посторонней помощи, не сдавая никаких

курсовых и полукурсовых испытаний, подготовился так хорошо, что сдал вместе со своим курсом (имеется в виду курс, на котором он учился в 1887 году в Казанском университете. - Ж.Т.). Кроме прекрасных способностей Владимиру Ильичу помогла в этом большая трудоспособность»[123].

Однако и родные не в полной мере представляли громадность той умственной работы, которую проделал Владимир Ильич. Глубоко изучив «Капитал» К.Маркса и другие труды основоположников научного социализма, он овладел и богатейшим материалом по приложению марксизма к российской действительности - статистическими исследованиями развития промышленности и земледелия в пореформенной России. На основе этих первоисточников он самостоятельно пришел к выводу об утопичности народнической и народовольческой теорий, к убеждению о неизбежности развития социал-демократического движения в стране.

«Но в самарский период, - подчеркивала Анна Ильинична, - Владимир Ильич прошел не только теоретическую школу»[124]. Как в Алакаевке, так и вдругих селах, где довелось бывать с М.Т. Елизаровым, он, в буквальном смысле, своими глазами убедился в развитии капиталистических отношений в сельском хозяйстве, разложении крестьянской общины, росте армии сельских пролетариев. В Самаре Владимир Ильич, умевший «брать отовсюду лучшее», во время общения с А.И.Ливановым и другими народовольцами «впитывал от них революционные навыки, с интересом выслушивал и запоминал рассказы о приемах революционной борьбы, о методах конспирации, об условиях тюремного сидения, о сношениях оттуда; слушал рассказы о процессах народников и народовольцев»[125]. Вместе с тем он резко критиковал Н.М.Михайловского, других столпов народничества. Словом, как по уровню теоретической подготовки, так и по опыту нелегальной деятельности Владимир Ульянов был уже признанным лидером самарских марксистов.

В начале 1892 года Владимир Ильич обратился к присяжному поверенному Самарского окружного суда А.Н.Хардину, высказав желание работать у него помощником, то есть адвокатом. Хардин, видный юрист и прогрессивный общественный деятель, знал его как партнера по шахматам и аккуратного читателя своей библиотеки, ценил его честность, видел в нем способного юрис-

та и поэтому подал рапорт в окружной суд с просьбой зачислить Ульянова своим помощником. Общее собрание суда 30 января определило Владимира Ульянова помощником А.Н.Хардина, а через месяц выдало «свидетельство» на право быть поверенным.

Вот и свершилась долгожданная мечта матери: сын встал на ноги. Уже 5 марта он успешно защищает в суде крестьянина Муленкова, обвинявшегося в «богохульстве» и оскорблении «государя императора и его наследника»[126]. Всего же ему довелось защищать в окружном суде 20 подсудимых, главным образом крестьян-бедняков и ремесленников.

Насколько высоко ценил А.Н.Хардин своего помощника, видно из приписки, которую он адресовал Владимиру Ильичу при передаче одного из судебных дел: «Все, что Вы по сей доверенности законно учините, я Вам верю, спорить и прекословить не буду»[127].

Летом Мария Александровна еще раз убедилась, как принципиален ее сын в борьбе против любых проявлений произвола. Как-то ему и Марку Тимофеевичу понадобилось переехать через Волгу у села Батраки, под Сызранью. Они наняли частную лодку и поплыли с правого берега на левый, но содержатель перевоза купец А.Н.Арефьев, претендовавший на монополию переправы, послал за ними паровичок, который задержал лодку и пригнал ее назад к берегу. Владимир Ильич, глубоко возмущенный этим самоуправством, обратился к земскому начальнику 2-го участка Сызранского уезда А.Д.Ребровскому с жалобой, требуя привлечь купца к ответственности.

Дело быстро получило широкую огласку. Уже 4 июня казанский «Волжский вестник» осудил действия Арефьева. А 5 июня в камере Ребровского состоялось первое заседание. Купец-самодур не явился, а его интересы представлял адвокат, который «всяческими способами и изворотами старался выгородить своего клиента»[128]. Ему удалось добиться отсрочки разбора дела до 25 сентября. И Владимиру Ильичу в этот день надо было снова ехать из Самары в Сызрань. Дмитрий Ильич вспоминал в связи с этим: «Поезд отходил что-то очень рано утром или даже ночью; предстояли бессонная ночь, скучнейшие ожидания в камере земского начальника, на вокзалах и т.д. Хорошо помню, как мать всячески уговаривала брата не ехать.

- Брось ты этого купца, они опять отложат дело, и ты напрасно проездишь, только мучить себя будешь. Кроме того, имей в виду, они там злы на тебя.

- Нет, раз я уж начал дело, должен довести его до конца. На этот раз им не удастся еще оттягивать.

И он стал успокаивать мать»[129].

Владимир Ильич поехал за сто верст. Арефьев и его адвокат, поняв, что дело проиграно, не явились. Тогда Ребровский, в соответствии с требованиями потерпевшего обвинителя, закончил разбирательство, постановив «выдержать самарского купца Александра Николаевича Арефьева под арестом один месяц...»[130]. Значимость трудной победы Владимира Ильича станет яснее, если учесть, что Арефьев долгие годы самоуправничал на перевозе и его не смогли серьезно наказать власти Симбирской и Самарской губерний.

Многое свидетельствовало о том, что Владимир Ильич юриспруденцией овладел вполне успешно. Но адвокатская практика не стала делом его жизни. Как справедливо подчеркивала Анна Ильинична, его «главная энергия и силы были направлены на изучение марксизма, русской действительности и на подготовку к революционной работе»[131]. В Самаре он перевел с немецкого на русский язык «Манифест Коммунистической партии» К.Маркса и Ф.Энгельса, написал реферат о книге К.Маркса «Нищета философии» и статью «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни». В 1892 году Владимир Ильич создает первый в Самаре кружок марксистов. Через Марка Тимофеевича устанавливает связи с жившими в Сызрани В.А.Ионовым и А.И.Ерамасовым. Завязал он переписку и с находившимся во Владимире Н.Е.Федосеевым. К началу 1893 года Владимир Ильич был подготовлен для выхода на широкую арену революционной борьбы и твердо решил, что осенью, после поступления Дмитрия в Московский университет, поселится в Петербурге.

Мария Александровна, старавшаяся, по словам старшей дочери, «по мере возможности, не омрачать их (детей. - Ж.Т.) молодую жизнь, давать им строить свое будущее, свое счастье»[132], согласилась отпустить старшего сына в Петербург. Потеряв там двоих детей, она всетаки смогла пересилить свой страх, понять его желание жить самостоятельно, чтобы не компрометировать своей революционной деятельностью семью, его стремление

быть в центре умственной и политической жизни страны. Сама же она со всеми остальными детьми и зятем перебиралась на жительство в Москву.

20 августа Ульяновы отплыли на волжском пароходе из Самары в Нижний Новгород. Оттуда Мария Александровна с Анной, Дмитрием и Марией выехала на поезде в первопрестольную столицу, а Владимир остался в Нижнем по своим делам...

МОСКВА
(1893-1898)

1

Мария Александровна не успела еще найти постоянное жилье, как приехал из Нижнего Новгорода Владимир. В Москве он пробыл несколько дней, большую часть времени просидев в читальном зале библиотеки Румянцевского музея, а 30 августа отправился в Петербург. Вот и ушел сын в самостоятельную жизнь...

Сколько дум теснилось в голове матери: как получится у Владимира с жильем, какими окажутся хозяева комнаты, сможет ли он найти диетическое питание со своим гастритом, как устроится со стиркой белья и сумеет ли свести концы с концами на те скромные деньги, что она смогла выделить ему из своей пенсии, пока не появится заработок. А главное - только бы не попал в руки жандармов...

Отвечая на все вопросы матери и предвосхищая новые, Владимир Ильич подробно и откровенно писал ей о своих житейских делах. Из письма от 5 октября она узнала, что он наконец-таки, кажется, нашел чистую, светлую и сравнительно тихую комнату, в 15 минутах ходьбы от библиотеки, и место обещают «в одном юрисконсульстве», Олину могилу навестил - « там все в сохранности»[133]. Пишет, что в первый месяц своей самостоятельной жизни вел приходо-расходную книгу, чтобы увидеть, куда уходят деньги, и быть еще экономнее. Прислал подробный отчет: «Оказалось, что за месяц с 28/VIII по 27/IX израсходовал всего 54 р.30 коп., не считая платы за вещи (около 10 р.) и расходов по одному судебному делу (тоже около 10 р.), которое, может быть, буду вести. Правда, из этих 54 р. часть расхода такого, который не каждый месяц повторится (калоши, платье, книги, счеты и т.п.), но и за вычетом его (16 р.)

все-таки получается расход чрезмерный - 38 р. в месяц. Видимое дело, нерасчетливо жил: на одну конку, например, истратил в месяц 1 р. 36 к. Вероятно, пообживусь, меньше расходовать буду»[134].

Вскоре после того, как Дмитрий стал студентом медицинского факультета университета и освоились на квартире в доме Фролова на Покровке, Мария Александровна со старшей дочерью спешит навестить Владимира - как он там устроился в Петербурге. Была у нее и специальная цель: приближалась зима, и она хотела сама купить сыну пальто потеплее. Анна Ильинична вспоминала в связи с этим: «Володя был всегда очень непрактичен в житейских обыденных вещах, - он не умел и не любил покупать себе что-нибудь, и обычно позже эту задачу брали на себя мать или я. В этом он напоминал всецело отца, которому мать заказывала всегда костюмы, выбирала материал для них и который, как и Володя, был чрезвычайно безразличен к тому, что надеть, привыкал к вещам и по своей инициативе никогда, кажется, не сменил бы их. Володя и в этом, как и в другом, был весь в отца».

В январе 1894 года, во время рождественских праздников, Владимир Ильич сам приехал в Москву. Беспокоясь о его здоровье, мать убедила его провести лето вместе с ней под Москвой, в Кузьминках, неподалеку от станции Люблино. Казалось бы, университет позади, но ничего как будто не изменилось: сын и в это лето, как и раньше, много и сосредоточенно занимался. А в качестве отдыха учился ездить на велосипеде и гулял с Митей и Маняшей по окрестностям.

Но теперь, когда брату было двадцать лет, а сестре шестнадцать, общение Владимира Ильича с младшими уже носило совсем серьезный характер. Он не просто гулял, он много беседовал с ними на самые разные экономические и политические темы, направлял их чтение. По словам старшей сестры, он «заложил в них основы социал-демократического учения»[135]. Так постепенно все дети Марии Александровны становились единомышленниками, устремившись к одной главной цели...

Не без влияния детей изменялось и мировоззрение Марии Александровны, в частности отношение к религии. Правда, истовой верующей она не была никогда. Еще в Симбирске ходила в православную церковь или в немецкую кирху скорее «ради приличия», чем по зову

сердца. В Москве уже посещала церковь совсем редко. Заглянув как-то раз в Иверскую часовню, она поделилась с Дмитрием свежими впечатлениями: «Какие они жадные, толстые, наглые, - говорила она о монахах, - как они нахально выпрашивают деньги. Один их вид может побудить людей перестать верить»[136].

С осени 1894 года, по возвращении из Кузьминок, Мария Александровна снимает квартиру недалеко от Казанского вокзала, в Яковлевском переулке, в доме Баженова. (Уезжая на лето, Ульяновы и впредь обычно освобождали жилье, а возвращаясь, снимали новое, так как оплачивать одновременно и городскую квартиру им было не по средствам). А Владимир обосновался в Петербурге на зиму в небольшой квартирке на третьем этаже в доме N 7/4 по Большому Казачьему переулку.

В начале марта 1895 года Мария Александровна вдруг получила тревожное сообщение о болезни Владимира воспалением легких. Писал, по просьбе сына, его товарищ М.А.Сильвин. Она немедленно поехала в Петербург. Увидев, как серьезно болен Владимир, она не рискнула доверитья незнакомому врачу-ординатору Мариинской больницы доктору Кноху, которого пригласил Сильвин, а с облегчением и надеждой обратилась к помощи профессора Кадьяна, много лет лечившего ее семью в Симбирске, проживавшему, к счастью, теперь в Петербурге[137]. Она всегда верила этому опытному врачу, идейному работнику, мягкому и деликатному человеку, и очень жалела, что он был в отъезде во время смертельной болезни Ильи Николаевича[138].

Доктор Кадьян оправдал доверие Марии Александровны - Владимир выздоровел и в конце апреля выехал в Женеву для переговоров с членами плехановской группы «Освобождение труда». Официальной же целью его поездки были отдых и лечение после болезни. Определенную роль в получении разрешения на эту поездку сыграл А.А.Кадьян, причем бескорыстно, что для Марии Александровны тоже имело немаловажное значение.

Лето 1895 года Мария Александровна провела со всей семьей на даче около станции Бутово, в 29 верстах от Москвы. В начале сентября сюда приехал и Владимир. Он много рассказывал о своей поездке, встречах с Г.В.Плехановым, другими марксистами, а также о том, что таможенники не обнаружили нелегальной литературы, которую он спрятал в чемодан с двойным дном.

Владимир Ильич знал, что охранка за ним сильно следит. И когда Анна Ильинична поздней осенью приехала в Петербург, сказал ей об этом. В своих воспоминаниях сестра Ильича писала: «Он говорил, чтобы, в случае его ареста, не пускать в Питер мать, для которой хождение в разные учреждения с хлопотами о нем было особенно тягостно, так как было связано с воспоминаниями о таком же хождении для старшего сына»[139].

В ночь с 8 на 9 декабря Владимир Ильич и его соратники по руководимому им «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» были арестованы и отправлены в печально известный Дом предварительного заключения - огромную тюрьму на Шпалерной улице.

Через некоторое время в Москве, в квартире Ульяновых, появилась прибывшая из Петербурга близкая знакомая Владимира Ильича - учительница вечерне-воскресной школы Надежда Константиновна Крупская. Мария Александровна уже познакомилась с этой умной и приятной девушкой во время болезни сына и была рада видеть ее. Но Надежда Константиновна приехала с плохой вестью: Владимир арестован и на свидании просил ее поехать в Москву и предупредить, чтобы в случае допроса родные сказали, что чемодан, с которым он возвратился из-за границы, находится у них, и просил срочно купить такой чемодан. Похожий чемодан, конечно, был сразу же куплен.

Свидания с заключенными разрешались через месяц после ареста, и, как только приблизился желанный день, в Петербург поехала Анна Ильинична (прихватив с собой и злополучный чемодан, чтобы он, на всякий случай, пообтерся в дороге). Надо было наладить передачу брату продуктов и книг, условиться с ним о шифре для переписки. Она пыталась взять Владимира на поруки через известного адвоката М.Ф.Волкенштейна, у которого он числился помощником присяжного поверенного, но безрезультатно.

Мария Александровна и Марк Тимофеевич в это время болели в Москве. Владимир Ильич беспокоился об их здоровье. Уверяя Анну, что сам-то «вполне здоров» и ни в чем, кроме книг, не нуждается, он тем самым старался успокоить всю семью. В письме к старшей сестре от 14 января 1896 года, когда стало известно, что дорогие родные выздоровели, он с облегчением написал: «Очень рад, что мама и Марк поправились»[140].

К сожалению, состояние здоровья матери снова ухудшилось, и Анна Ильинична возвращается в Москву. Через месяц она вновь едет в Петербург и подыскивает для брата «невесту», которая навещала бы его в тюрьме во время ее отсутствия. На эту роль предложила себя Н.К.Крупская, но Владимир Ильич, зная, что за ней может быть слежка, из конспиративных соображений восстал против того, чтобы она лишний раз попадалась на глаза шпикам[141].

Оправившись от болезни, Мария Александровна с обеими дочерьми 31 мая приехала в Петербург. Устроились они на даче возле поселка Белоостров, в Финляндии. Свидания с арестованным в «предварилке» разрешались два раза в неделю: одно личное, другое общее, за решеткой. Личные происходили в присутствии надзирателя по понедельникам в течение получаса, общие - по четвергам, целый час. «При этом надзиратели ходили взад и вперед - один сзади клетки с железной решеткой, в которую вводились заключенные, другой - за спинами посетителей. Ввиду большого галдежа, который стоял в эти дни, и общего утомления, которое он должен был вызывать в надзирателях, а также низкого умственного развития их, можно было при некоторых ухищрениях говорить на этих свиданиях почти обо всем»[142].

На личные свидания теперь ходили Мария Александровна с младшей дочерью. Надо ли говорить, как мать переживала заключение Владимира! Но она ни разу ни в чем не упрекнула его, ни на что не жаловалась. Попрежнему всегда внешне тихая, ровная и вместе с тем деятельная, она взяла на себя все заботы по поддержанию здоровья сына: приготовляла и приносила ему диетические продукты, предписанные специалистом по желудочным болезням, вносила деньги за ежедневную порцию молока. Перед тюремщиками она держалась с достоинством, и кто бы в те дни ни видел ее, поражался, как эта в высшей степени изящная, хрупкая и нежная на вид шестидесятилетняя женщина мужественно переносит все невзгоды.

Многое делала Анна Ильинична по выполнению поручений брата. Согласно составленному им списку литературы и источников, необходимых для работы над книгой «Развитие капитализма в России», она доставала эту печатную продукцию в библиотеках, у букинистов и знакомых и передавала ее через тюремную администрацию.

Периодически книги и журналы заменялись новыми, и в каждой порции на заранее установленных страницах велась тайная переписка точками. Но шифровка и расшифровка текста при таком способе занимала много времени. Тогда Владимир Ильич, по словам Анны Ильиничны, использовал «одну детскую игру, показанную матерью: писать молоком, чтобы проявлять на свечке или лампе... Он стал делать миниатюрные чернильницы из хлебного мякиша и, налив в них несколько капель молока, писать ими меж строк жертвуемой для этого книги»[143]. Услышав шаги надзирателя, «чернильницу» можно было съесть. Таким, более скорым способом, он передавал на волю тексты листовок, советы по злободневным вопросам революционной работы, получал информацию от единомышленников и продолжал оставаться руководителем петербургских марксистов. Этому в немалой степени способствовала и Надежда Константиновна, которая с успехом выполняла роли поставщика литературы для Владимира Ильича и его связной с внешним миром. Но 12 августа 1896 года она тоже была арестована по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Осенью в Петербург на несколько дней приехал Дмитрий Ильич и виделся с Владимиром Ильичем в Доме предварительного заключения. «Свидание было за двойной решеткой, - вспоминал он, - между решетками стоял или ходил надзиратель, который запрещал говорить на иностранных языках и следил, чтобы никаких передач не было. На меня это произвело сильное впечатление, и я в первый раз нюхнул тюрьмы, и первое впечатление, конечно, было очень тяжелое»[144]. А сколько раз испытывала эти тягостные чувства Мария Александровна за время четырнадцатимесячного заключения сына в одиночной камере N 193 мрачного здания на Шпалерной! Сам-то Владимир ни на что не жаловался, был по-прежнему поразительно ровен, выдержан и шуткой старался разогнать беспокойство матери, видевшей, как он похудел и пожелтел. Но она знала о тяжких последствиях, которые вызвало у товарищей сына сидение в одиночке уже к концу первого года заключения: у Петра Запорожца началось психическое расстройство, Анатолий Ванеев заболел туберкулезом, Глеб Кржижановский да и остальные товарищи заметно нервничали.

В начале февраля был объявлен приговор, согласно

которому Владимир Ульянов, как и большинство других обвиняемых по делу о «Союзе борьбы», подлежал ссылке на три года в Восточную Сибирь. Знакомые настойчиво советовали Марии Александровне добиваться для Владимира разрешения следовать туда не по тюремному этапу, а за свой счет, чтобы не подорвать здоровье и сберечь его силы. «А.М.Калмыкова* предлагала даже средства для этого, - вспоминала Анна Ильинична. - Мать отказалась от помощи, передав через меня А.М.Калмыковой, что пусть те деньги пойдут для более нуждающегося, например Кржижановского, а она сможет отправить Владимира Ильича на свои средства...»[145].

Более того, взвесив все «за» и «против», Мария Александровна принимает важное решение, суть которого она изложила в прошении, поданном директору департамента полиции 10 февраля: «Вследствие того, что высылаемый в Восточную Сибирь сын мой Владимир Ульянов слабого здоровья, почему я не решаюсь отпустить его одного и **вознамерилась сопутствовать ему в ссылку** (выделено мною. - Ж.Т.), то имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство разрешить ему проследовать на место ссылки за свой счет с проходным свидетельством»[146]. Департамент удовлетворил эту просьбу.

14 февраля мать и Анна обнимали только что вышедшего из «предварилки» Владимира - бледного, похудевшего, но сияющего. Сыну отпустили три дня для свидания с родными, совета с врачом и сборов в дорогу, и он провел их на квартире, где остановились мать с Анной (ул.Сергиевская, 15, кв.16). Мария Александровна, видя Владимира рядом, в свободной обстановке, без решеток и стражников, больше года нетерпимо довлевших над ними, теперь испытывала сложное и трудно передаваемое чувство: и радость, и печаль одновременно. Но, по обыкновению, тщательно скрывая грусть, она проявляла только душевное тепло и заботу, собирая сына в дальний путь.

А он, по-прежнему решительный и деятельный, успел не только встретиться с товарищами, сфотографироваться с ними и один навестить семью И.Н. и А.К.Чеботаревых, у которых столовался до ареста, но провести совещания членов «Союза борьбы» - того самого союза,

---

* А.М.Калмыкова - владелица книжного склада. Была тесно связана с Петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса».

за принадлежность к которому только что отсидел 14 месяцев в одиночке.

Однако мать знала, что Владимира беспокоят не только его общественные дела: его подруга Надежда Крупская после короткого пребывания на воле снова оказалась в «предварилке», и его думы неотступно были прикованы к разделяющей их решетке...

И тем не менее именно в эти трудные для него и Надежды Константиновны дни Владимир Ильич, полный оптимизма, поддерживал ее силы и веру и сделал шаг, решивший их личную судьбу. Он имел встречу с ее матерью Елизаветой Васильевной, а самой Надежде Константиновне написал в тюрьму письмо «химией», в котором признавался в любви[147].

18 февраля Мария Александровна с Владимиром и Анной приехала в Москву, где за отпущенные властями два дня надо было упаковать все необходимое для жизни в далекой Сибири. Треволнения последних дней так расшатали здоровье матери, что она была вынуждена, по настоянию детей, отказаться от сопровождения Владимира в ссылку...

Дальнейший ход событий виден из прошения, с которым 22 февраля обратился Владимир Ильич в Московское охранное отделение: «Найдя, что сопровождать меня в Иркутск ей (матери. - Ж.Т.) крайне обременительно по слабому состоянию ее здоровья и что остальные ссыльные по тому же делу отправлены по железной дороге на казенный счет, моя мать подала уже из Москвы прошение г-ну директору департамента полиции о разрешении мне пробыть у нее несколько дольше и о том, чтобы присоединить меня к партии»[148].

Следовательно, Мария Александровна (хорошо помнившая слова одного из бывалых ссыльных: «Ссылку мог бы повторить, этап - никогда») все-таки пошла навстречу Владимиру, которому не хотелось, в отличие от товарищей, пользоваться льготой, и согласилась с тем, чтобы он, как и все, следовал с партией по этапу.

Но московская охранка, не дожидаясь ответа из Петербурга, вызвала к себе Владимира Ульянова и поставила перед ним ультиматум: или получение проходного свидетельства для самостоятельного проезда на завтра, или немедленный арест. Идти за решетку, даже не простившись с родными, и ждать неопределенное время в тюрьме прибытия из Петербурга остальных ссыльных и

подготовки партии к отправке в Сибирь было бы бесплодной тратой сил.

Мать, разумеется, согласилась с решением Владимира и в последние часы его пребывания в Москве написала прошение, на этот раз генерал-губернатору Восточной Сибири, о назначении сыну ввиду его слабого здоровья, местом ссылки Красноярск или один из южных городов Енисейской губернии[149].

На следующий день, 23 февраля 1897 года, Мария Александровна со всей семьей, за исключением Дмитрия, поехала провожать Владимира до Тулы (младший сын не мог ехать и расстался с братом на Курском вокзале). Прощаясь с ним, она сказала: «Если здоровье позволит, приеду я к тебе летом с Маняшей. Только бы не отправили тебя на Север...»[150].

2

При расставании в Туле Владимир дал обещание писать регулярно и подробно и выполнял его неукоснительно: только за шесть дней пути, включая станцию Обь, он послал матери два письма.

Стараясь рассеять волнения за его здоровье, сын уверял, что в дороге прекрасно спал и поэтому «почти не утомлен»; степным воздухом дышится легко, а 20-градусные морозы, благодаря «мягкости» воздуха, переносятся «несравнимо легче, чем в России»; обнадеживающе сообщил о реальной возможности попасть туда, куда она хотела, - на юг Енисейской губернии. Заверяя, что вообще чувствует себя спокойно («свою нервность оставил в Москве»), Владимир пояснял, что это оттого, что теперь стало гораздо менее неопределенности в его положении[151].

Спокойными и деловыми пошли письма из Красноярска, где надолго он задержался до выяснения окончательного места ссылки. Уже 9 марта Владимир попал в знаменитую библиотеку купца Г.В.Юдина, познакомился с его собранием редких книг, журналов, рукописей и получил разрешение хозяина заниматься в его читальном зале. Текущую периодику, которая приходила в Красноярск на одиннадцатый день, он мог просматривать в общественной библиотеке.

В письме от 5 апреля мать особенно обрадовало сообщение, что Владимиру, Г.Кржижановскому и В.Старко-

ву иркутский генерал-губернатор назначил Минусинский округ - лучший «в этой местности и по превосходному климату и по дешевизне жизни»[152]. Через несколько дней Владимир называет и окончательное место ссылки - Шушенское, большое село, находящееся на правом берегу Енисея, в 56 верстах к югу от Минусинска. Почта туда ходит три раза в неделю, и корреспонденция попадает к адресату через 30-35 дней после отправления в Москве. Успокаивая мать, Владимир даже хвалит место своего поселения: «Лето я проведу, следовательно, в «Сибирской Италии», как зовут здесь юг Минусинского округа«[153].

В письме от 7 мая Владимир сообщал, что вчера вместе с Г.Кржижановским и В.Старковым, которым назначено село Тесинское, они приехали в Минусинск. Путь от Красноярска оказался очень дорогим и неудобным, и Владимир дал понять матери, что «ехать сюда совсем уже не резон». А ей очень хотелось повидаться с ним, самой посмотреть на Шу-шу-шу (как уже по-свойски называл село сын) и заодно добиться его перевода в Тесинское, к Кржижановскому и Старкову. Владимир же заявил, что если понадобится, то сам сможет избавиться от своего одиночества, а сестрам настойчиво советовал вывезти мать в настоящую Швейцарию для лечения (вопрос о поездке туда решался уже несколько месяцев).

У Владимира Ильича были особые виды на поездку Анны на Запад: она должна была укрепить связи с группой «Овобождение труда», передать его брошюру «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах»[154] Г.В.Плеханову для издания, а также приобрести оригиналы трудов классиков по политической экономии и философии и популярную литературу. О присылке «всяких каталогов, особенно букинистов и особенно заграничных» Владимир Ильич просил и Маняшу[155].

В конце концов Владимиру удалось убедить мать, что он вполне здоров, работоспособен, и только тогда, в конце мая, Мария Александровна с дочерьми впервые в своей жизни отправились на лечение за границу. Обязанности поставщиков книг, журналов и газет для Владимира Ильича взяли на себя Дмитрий Ильич и Марк Тимофеевич, оставшиеся этим летом в Москве.

Письма из Шушенского в Швейцарию шли так долго и с перерывами, что Марии Александровне порой каза-

лось, что в этом бывает повинен и сын. Но в письме от 17 августа он рассеял всякие сомнения: «Удивляюсь, почему это ты пишешь всегда, что я пишу редко: вот уже очень давно, насколько я помню, я пишу еженедельно, а иногда случается и 2 раза в неделю, т.е. с каждой почтой»[156].

Владимир Ильич не исключал возможности пропажи некоторых писем и поэтому придерживался правила сообщать всегда о том, что получает от родных. Когда же ему стало известно, что одно из писем провалялось месяца два в Минусинской почтовой конторе, он обжаловал эту халатность, чтобы, как он выразился, научить «сибирских «Иван Андреевичей» быть аккуратными»[157]. Владимир Ильич подразумевал здесь потомков почтмейстера Шпекина из гоголевскго «Ревизора», заметив, что они к тому же любят читать чужие письма... Его же собственные письма являлись образцами того, как можно говорить о многом осторожными намеками, умело подобранными аллегориями.

Мария Александровна видела, что и остальные ее дети, включая младшую дочь, поступившую после гимназии на физико-математическое отделение двухгодичных женских курсов профессора В.И.Герье, участвуют в нелегальной работе. Но она не предполагала, что и их деятельность настолько серьезна, что грозит лишением свободы. Первым ею поплатился Дмитрий, который 7 ноября 1897 года был арестован по делу московского «Рабочего союза», помещен в одиночную камеру Тверской полицейской части, затем - в «Бутырку», и, наконец, - в одиночку Таганской тюрьмы. Тяжелым был для матери новый удар. Не миновал тюрьмы и третий сын...

При обыске у Дмитрия нашли «Эрфуртскую программу» К.Каутского, «Нищету философии» и «Капитал» К.Маркса - книги, принадлежавшие не ему, а старшей сестре и зятю, за хранение которых в тюрьму не сажали. Всякие попытки матери узнать у жандармов, за что же они забрали Митю, и просьбы отдать его ей на поруки ничего не дали. О случившемся несчастье Мария Александровна сразу сообщила Владимиру, а он, успокаивая, высказал надежду, что Дмитрия «долго держать не станут»[158].

По прошествии месяца со времени заключения младшего сына в тюрьму мать обратилась к директору департамента полиции с прошением, в котором заявила: «Глу-

8 2585

боко убежденная в совершенной невиновности сына, я смотрю на арест его как на роковую ошибку или роковое недоразумение, губящее его и падающее тяжелым ударом на меня»[159]. В заключение она попросила отдать Дмитрия на поруки и предоставить ему, студенту выпускного 5-го курса, возможность окончить обучение в университете. В ответ на это прошение жандармы лишь пообещали ускорить окончание следствия.

Задержка с решением дела брата волновала Владимира Ильича, но из своего далека он мог только подбодрить добрым словом, дать совет. «Досадно ужасно, - писал он 24 января 1898 года, - что Митино дело несколько затягивается; неприятно ему будет терять год. Вероятно, все-таки разрешат ему поступить в другой университет или держать экзамен экстерном»[160]. А через две недели, когда узнал, что у Мити за два с половиной месяца сидения «одутловатость какая-то успела появиться», он, на основании собственного опыта, рекомендует брату соблюдать диету, ежедневно заниматься гимнастикой, а перед сном - делать 50 земных поклонов. И, полушутя, попросил мать: «Но только чтобы не меньше 50-ти подряд и чтобы не сгибая ног доставать рукой каждый раз об пол - так ему и написать. А то ведь эти врачи большей частью рассуждать только умеют о гигиене»[161].

Владимир Ильич тревожился и за мать. И надо же было так случиться, что в газетах появилось сообщение о смерти в Москве Марии Александровны Ульяновой... Газета дошла до Шушенского. Путиловский рабочий, по национальности финн, Оскар Энберг, находившийся там тоже в ссылке, рассказывал: «Пришел к Владимиру Ильичу, а он бледный, как полотно, - говорит: мать у меня умерла»[162]. И сколько же он пережил, пока не пришла от родных безмерно радостная телеграмма, поясняющая, что в газетах говорилось об Ульяновой-однофамилице!..

Еще в начале года появилась надежда, что Зинаиде Павловне Невзоровой и Надежде Константиновне Крупской разрешат отбывать трехлетнюю ссылку, к которой их приговорили за революционную деятельность, по месту ссылки их женихов Глеба Кржижановского и Владимира Ульянова.

Мария Александровна, уже и раньше видевшая, выражаясь словами Анны Ильиничны, «к чему шло дело»[163], была чрезвычайно рада, что сын связывает свою

судьбу с этой чудесной девушкой и в Шушенском рядом с ним будет верная подруга и умная помощница. Впрочем, она уже давно помогает Владимиру в приобретении необходимой литературы и поддержании деловых контактов с редакциями журналов, а с февраля - и в поисках в Петербурге издателя сборника «Экономические этюды и статьи»[164].

Мария Александровна пригласила Надежду Константиновну и ее мать Елизавету Васильевну по дороге в Шушенское заехать к ней в гости. Но проходили недели, а разрешения на отъезд невесты к Владимиру все не давали. Только 17 апреля Надежда Константиновна вместе со своей матерью наконец прибыла в Москву. Мария Александровна радушно встретила дорогих гостей у себя на квартире, которую снимала на Арбате (в доме Романовского, на Собачьей площадке). Она передала предназначенные Надежде письма Владимира. Для сына же в Шушенское уже были приготовлены кое-какие вещи и, главное, то что он просил, - нужная ему литература и одна из партий шахмат[165]. Мария Александровна сожалела, что Надежде разрешено пробыть в Москве только одни сутки, сокрушалась, что сама сейчас не может отправиться с нею и Елизаветой Васильевной к Владимиру в Сибирь и хотела непременно приехать в Шушенское этим же летом.

Только через месяц после отъезда Крупских пришло письмо Владимира, подтверждающее приезд дорогих путешественников. «Я нашел, - писал он в приподнято-шутливом тоне, - что Надежда Константиновна высмотрит неудовлетворительно - придется ей здесь заняться получше своим здоровьем. Про меня же Елизавета Васильевна сказала: «Эк Вас разнесло!» - отзыв, как видишь, такой, что лучше и не надо!

Ужасно грустно только, что ничего хорошего о Мите не привезено!»

Затем лаконично, но четко он рассказал о трудностях, с которыми встретились Надежда Константиновна и Елизавета Васильевна на пути от Красноярска до Шуши, а также описал картину движения пароходов: с наступлением половодья они, хотя и не имеют расписания, ходят более или менее правильно. Этот рассказ он закончил горячим обращением к матери: «Очень и очень бы хотелось, чтобы тебе удалось сюда приехать, - только бы поскорее выпустили Митю.

Да, Анюта спрашивала меня, кого я приглашаю на свадьбу: приглашаю всех вас, только не знаю уж, не по телеграфу ли лучше послать приглашение!! Н.К., как ты знаешь, поставили трагикомическое условие: если не вступит немедленно (sic!) в брак, то назад в Уфу. Я вовсе не расположен допускать сие, и потому мы уже начинаем «хлопоты» (главным образом прошения о выдаче документов, без которых нельзя венчать), чтобы успеть обвенчаться до поста (до петровок): позволительно же все-таки надеяться, что строгое начальство найдет это достаточно «немедленным» вступлением в брак. Приглашаю тесинцев (они уже пишут, что ведь свидетелей-то мне надо) - надеюсь, что их пустят.

Привет всем нашим.

Целую тебя крепко. Твой В.У.»[166].

В этом же конверте было и Надино письмо. Как и обещала, она пишет, как выглядит Владимир: «По-моему, он ужасно поздоровел, и вид у него блестящий сравнительно с тем, какой был в Питере. Одна здешняя обитательница-полька говорит: «Пан Ульянов всегда весел»[167]. Дорога в Шушу Надежде показалась неутомительной, хотя только в Красноярске пришлось неделю ждать парохода на Минусинск. Природа Сибири понравилась. Благодарит за провизию, которой хватило на целых три дня пути. Оптимистичной была и концовка письма: «Володя остался очень неудовлетворен моими рассказами о всех вас, нашел, что этого очень мало, а я рассказала все, что знала»[168].

«До петровского поста» - это значит, что свадьба должна состояться не позднее первых чисел июня, думала Мария Александровна. В доброе-то время не успеть добраться до Шушенского. Но теперь она вообще не может позволить себе уехать из Москвы, пока Митю держат в тюрьме... «Мать мою, не отдохнувшую еще от предыдущего несчастья, - вспоминала Анна Ильинична, - заключение брата Дмитрия измучило особенно, так как, здоровый и жизнерадостный юноша, он страшно томился от отсутствия воздуха и движения, и мать перед глазами которой все время стоял пример сошедшего безнадежно с ума Запорожца в московской тюрьме, трепетала за такую же участь для брата»[169].

Хорошо, что от Владимира Ильича и Надежды Константиновны регулярно приходили письма, успокаива-

ющие и ободряющие. Сын, как всегда, советовал хотя бы на лето выехать из Москвы, поближе к природе. Конечно, надо было выехать, но подыскать такое место, которое бы подходило для более длительного проживания, чтобы Мите было удобно поселиться там после выхода из тюрьмы - ведь ему теперь не разрешат жить в университетских городах.

В результате поисков подхощящего места остановились на подмосковном Подольске, где за более или менее сходную плату можно было снять дачу. Сообщение с Москвой облегчалось тем, что Марк Тимофеевич, как служащий Курской железной дороги, имел право на служебные билеты для бесплатного проезда как жены, так и тещи. И в начале мая 1898 года Мария Александровна с семьей переселяется в Подольск.

ПОДОЛЬСК
(1898-1901)

Городок был маленьким - в нем тогда не имелось крупных заводов и фабрик, а население не достигало и четырех тысяч человек. Поэтому Мария Александровна надеялась, что после выхода из тюрьмы младшему сыну разрешат жить в таком захолустье. Ожидая его освобождения, она, по давней привычке делать приятное близким, берегла богатый в то лето урожай орехов на кустах орешника. Дмитрия выпустили в августе, и орехи собирали вместе с ним[170]. Но радость была недолгой: он вскоре уехал в Тулу - там ему предписали отбывать годичный гласный надзор. Мать не могла смириться с этим, и благодаря ее хлопотам уже через месяц Дмитрию разрешили отбывать ссылку в Подольске.

Мария Александровна теперь стала спокойнее - сын рядом, старшая дочь недалеко, в Москве. С нею она виделась часто. Однако с затаенной грустью мать готовилась к новой разлуке - на этот раз с младшей дочерью. Двадцатилетняя Мария, окончившая этим летом курсы Герье, уезжала для продолжения образования в Бельгию. Владимир Ильич, горячо поддержавший из Шушенского это намерение сестры[171], одновременно надеялся с ее помощью быть в курсе дел русской эмиграции.

Из Бельгии Мария написала, что химико-физический факультет Нового брюссельского университета, куда она поступила, ей понравился. Омрачало лишь то, что не

все было понятно на лекциях, читавшихся профессорами на французском языке, да еще с особым акцентом. Мария Александровна старается всячески приободрить дочь. В письме из Подольска от 18 сентября она пишет: «Я вполне надеюсь, что чем дальше, тем более ты будешь привыкать и понимать лекции - упражняйся и говори больше, ведь только начало трудно - и тем больше интереса будешь находить. Мой совет - не разбрасываться, а держаться той специальности, которую ты выбрала первоначально...»[172].

Сердечное участие близких помогло Марии Ильиничне освоиться в чужой стране, втянуться в учебу и наладить быт. В свою очередь, она аккуратно высылала Владимиру Ильичу в Шушенское социально-экономическую литературу на немецком, французском и английском языках. Матери и сестре она шлет свои первые переводы художественных рассказов с немецкого и французского. Мария Александровна, обладавшая тонким литературным вкусом, а также опытом такой работы, была довольна успехами дочери и поддерживала ее творчество: «Перевод твой получили... и читали вместе за чаем...всем понравился. Прекрасно делаешь, что практикуешься в переводе, хвалю за это и советую продолжать. Эту статейку надеются пристроить где-нибудь. Присылай еще. Я переводила бы с удовольствием тоже, но не найду ничего здесь...»[173].

Из другого письма Марии Александровны видно, что после того, как они с Анной перевели для печати несколько английских рассказов, она сама взялась за перевод рассказа с немецкого. Работа эта ей нравилась. «Занялась бы этим с удовольствием, если бы был интересный материал!»[174] - снова повторяет она.

Мария Ильинична беспокоилась о здоровье матери и просила сестру как можно подробнее писать о ней. 22 февраля 1899 года Анна Ильинична выполняет это пожелание: «В общем же она, конечно, гораздо спокойнее и довольнее, чем не только прошлый год, но и с начала осени, перед твоим отъездом. По-моему, подольская - почти что деревенская жизнь - хорошо действует на ее нервы, хотя, конечно, есть и обратная сторона - иногда чересчур скучно станет. Это тоже на нервы действует, а она вообще за последние годы стала гораздо нервнее. Она любит, когда мы по вечерам сидим с Митей с нею, что-нибудь читаем, хоть даже корректуры Володины, ибо

по утрам все по своим углам, а ей, конечно, за работой и хозяйством особенно это может надоесть. Она все так же гуляет много, ходит сама на базар и всюду по хозяйству и так же балует нас. Она стала играть теперь больше на рояле и вообще всем, чем может, старается, чтобы «подольское сидение» было приятнее нам»[175].

«Корректуры Володины» или «Володины «Рынки», - так родные называли между собой главы фундаментального труда Владимира Ильича «Развитие капитализма в России». Все они проходили через руки Марии Александровны, так как из Шушенского в Подольск бандероли поступали на ее имя. Мать передавала их Анне, а Марии сообщала в Бельгию о ходе окончательной подготовки рукописи к изданию. И каким счастливым стал тот майский день 1899 года, когда из типографии был получен сигнальный экземпляр этой первой легальной книги старшего сына!

Этой весной, в результате ее упорных хлопот, появилась надежда, что Дмитрию разрешат возобновить учебу в университете. Радовало и то, что Маняша успешно закончила первый курс и скоро приедет домой. Сама же мать строила планы летней поездки в Шушенское. Казалось, все идет благополучно. Мария приехала, погостила в Подольске и тоже готовилась ехать в Сибирь, но поездка сорвалась: Мария Алексaндровна захворала почти на два месяца. К осени она оправилась от болезни, и Анна повезла ее ненадолго подлечиться за границу, а заодно и выполнить ряд партийных поручений. А в это время в Москве прокатилась волна обысков и арестов среди членов комитета РСДРП. Но если Анна на этот раз осталась на свободе, то Мария, занимавшаяся в Москве партийной работой, 30 сентября оказалась за решеткой: в руки охранки попало одно из ее писем, свидетельствовавших о связи с членами революционной организации. Не имея достаточных сведений, власти освободили ее, но выслали под особый надзор полиции в Нижний Новгород. И только благодаря Марии Александровне, которая по возвращении домой вела настойчивую борьбу за освобождение дочери, той разрешили отбывать ссылку в Подольске.

О выдержке и силе воли М.А.Ульяновой свидетельствует эпизод, о котором рассказал в своих воспоминаниях М.Б.Смирнов. Ему довелось увидеть Марию Александровну в приемной главы жандармов и полиции в

1899 году: «Вышедший из кабинета директор департамента, забывший, что перед ним стоит мать, с цинизмом царского опричника, громко, на всю залу, обратился к матери Владимира Ильича со следуюими словами:

- Можете гордиться своими детками - одного повесили и о другом также плачет веревка.

Трудно передать (для этого надо быть художником) фигуру и выражение лица матери Ильича в тот момент, когда, поднявшись, полная достоинства, она произнесла в ответ на это.

- Да, я горжусь своими детьми!»[176].

В этих словах, брошенных в лицо всесильному сановнику, ярко проявились ее благородство и громадная сила воли, горячая любовь к погибшему Александру и стойко переносившему сибирскую ссылку Владимиру. Уже и дочери Марии Александровны - Анна и Мария, и сын Дмитрий, и зять Марк Тимофеевич побывали в тюрьмах и ссылках, и борьба против ига деспотизма за счастье трудового народа стала целью жизни всех ее детей. Поэтому ее гордое заявление царедворцу было в то же время клятвой матери в любую минуту прийти на помощь своим детям, признанием, что и она с ними.

Никакие невзгоды не могли сломить ее духа. Она подбадривает Дмитрия, все еще лишенного возможности окончить университет и где-либо работать, поддерживая в нем веру в пользу и необходимость самостоятельных занятий, по примеру старшего брата; радуется тому, что в конце 1899 года Марии удалось устроиться на скромную должность счетовода в управлении Московско-Казанской железной дороги.

С наступлением нового 1900 года Мария Александровна с волнением подсчитывает дни до окончания ссылки Владимира. Радость предстоящей встречи после трехлетней разлуки с ним омрачалась тревожными думами о том, чтобы, как выразился Дмитрий Ильич, «не вышло бы какой-нибудь зацепки... Какое-нибудь столкновение с начальством, какая-нибудь мелкая месть местного сатрапа и срок ссылки мог быть продлен»[177].

К счастью, это опасение не сбылось, и 30 января Мария Александровна получила долгожданную телеграмму из Минусинска о выезде Владимира Ильича с Надеждой Константиновной и ее матерью из Сибири. Мария Алексcандровна знала, что им предстоит трехсоткилометровый путь вдоль Енисея на лошадях до Ачинска, а

затем четырехдневный переезд до Уфы, где Надежда Константиновна должна была остаться и отбывать еще год ссылки. И пока продолжалось это длительное путешествие, Мария Александровна поспешила подать прошение директору департамента полиции о разрешении сыну и его жене неделю побыть у нее в Москве, а также о разрешении Надежде Константиновне отбыть оставшийся срок ссылки в Пскове, по месту жительства, избранному ее мужем[178].

Трудно допустить, что Мария Александровна не знала, почему сын, которому по возвращении из Сибири было запрещено жить в столицах и крупных промышленных городах, остановился пока на Пскове. Отсюда было недалеко до Петербурга - революционного центра страны, а также до Подольска и Москвы, где находились родные. Департамент полиции согласился на пребывание Владимира Ильича в Пскове, но Надежде Константиновне покинуть Уфу не позволил. Это решение департамента огорчило Ульяновых, но не изменило намерения Владимира Ильича ради интересов дела жить в Пскове, хотя и одному. Ему, по словам Надежды Константиновны, как и ей самой, «даже и в голову не приходило», что можно остаться в Уфе, «когда была возможность перебраться поближе к Питеру» и совершать туда наезды с тем, чтобы начать «настоящую работу»[179].

Побыв два дня в Уфе, Владимир Ильич спешит к матери, которая в этот момент находилась у сестер в Москве. В Подольске его встретил Дмитрий Ильич и проехал вместе с ним оставшиеся 50 верст до Москвы. «Мы жили в то время на окраине Москвы у Камер-Коллежского вала, по Бахметьевской улице, - вспоминала Анна Ильинична. - Увидев подъехавшего извозчика, мы выбежали все на лестницу встречать Владимира Ильича. Первым раздалось горестное восклицание матери:

- Как же ты писал, что поправился? Какой ты худой!

- Я действительно поправился. Я только за последнее время, перед отъездом, сдал»[180].

И все-таки Владимир Ильич выглядел значительно лучше, чем три года назад после выхода из «предварилки». Конечно, изменился - стал старше. Главное же - был бодр, проявлял живейший интерес к жизни, делам и заботам семьи. Родные забрасывали его своими вопросами о подробностях сибирского житья-бытья, взглядах на будущее. А он с оптимизмом говорил о планах объ-

единения партии и создания за границей общерусской газеты. В минуты досуга он с увлечением пел «Беснуйтесь, тираны», «Вихри враждебные» и другие революционные песни и был рад, когда родные подхватывали их, особенно когда в хор вливался по-прежнему красивый голос матери. «И, несмотря на свои седые волосы и глубокие морщины на лице, - вспоминала Мария Ильинична, - она казалась тогда такой молодой, не старше той молодежи, в кругу которой эти песни пелись»[181].

Не успела Мария Александровна порадоваться возвращению сына из Сибири, как он умчался в Нижний и Питер для переговоров с товарищами, а затем - в Псков. Устроившись там, Владимир Ильич направляет в департамент полиции прошение о разрешении жене отбывать ссылку вместе с ним. 15 марта он просит мать, в случае отказа, ходатайствовать о Надежде Константиновне в Петербург лично[182]. Однако все предпринятые Ульяновыми хлопоты не дали результата.

Через полтора месяца департамент полиции, по просьбе матери, разрешил поездку Владимира Ильича к ней в Подольск, а 5 мая он получает и заграничный паспорт для поездки в Германию. В середине же месяца Мария Александровна обрадовала сына еще одним приятным известием: ему вместе с нею разрешена поездка в Уфу сроком на полтора месяца.

Перед встречей с матерью и женой Владимир Ильич 19 мая нелегально останавливается в Петербурге, где через сутки его арестовывают за незаконное пребывание в столице... Трудно было предугадать, как обернется дело, ибо при аресте у него отобрали «химическое» письмо к Г.В.Плеханову с изложением плана будущей газеты «Искра». Владимир Ильич сообщил родным о причине своей задержки, но, успокаивая их, выразил надежду на скорое освобождение.

Известие об аресте Владимира особенно поразило мать. Она, по словам Анны, «была прямо-таки в отчаянии...»[183]. К счастью, письмо «химией» не привлекло внимания жандармов, 31 мая сына освободили из-под ареста, и в сопровождении полицейского чиновника он приехал в Подольск. Она была очень рада благополучному исходу этой истории, тем более что заграничный паспорт не был отобран.

Этой весной Мария Александровна снимала квартиру - четвертую в Подольске - в доме Кедровой, на окраине

города, на берегу реки Пахры. Владимир пробыл у матери неделю, а 7 июня она с ним и Анной выехала из Подольска в Уфу. До Нижнего Новгорода ехали поездом, а оттуда на пароходе по Волге, Каме и Белой.

Погода стояла теплая, и все они были в самом жизнерадостном настроении, с наслаждением вдыхали чудный воздух реки и окрестных лесов. Пассажиров было мало, и за неделю путешествия, без свидетелей, часами говорили о самом сокровенном.

В Уфе Мария Александровна и Анна Ильинична окончально сблизились с Надеждой Константиновной и ее матерью и навсегда стали действительно родными по духу. Через три быстротечных дня, оставив здесь Владимира Ильича, они двинулись в обратный путь по рекам. Он же, побыв с женой и тещей три недели, возвращался по железной дороге, сделав остановки в Самаре и Сызрани для встреч с будущим активом «Искры».

Мария Александроовна выхлопотала в департаменте полиции разрешение на трехдневное пребывание Владимира Ильича у нее в Подольске. 10 июля он приехал. Провожая сына за границу, мать испытывала и грусть, ибо разлука предстояла надолго, и радость: чувствовала, что «в России с его революционным темпераментом ему несдобровать»[184]. Успокаивало, что через две недели к нему за границу выезжает Анна, а весной будущего года после окончания уфимской ссылки - и жена.

Этой осенью министерство народного просвещения наконец соизволило дать согласие на поступление Дмитрия Ульянова в Юрьевский (ныне - Тартуский) университет. Мария Александровна спешит поделиться доброй вестью с Владимиром, а он в ответном письме с радостью припоминает и о скором окончании срока гласного надзора за Марией. Словом, 1901 год наступал для матери в сравнительно спокойной обстановке. А в январе, когда Мария прочитала доставленный подпольными путями в Москву первый номер «Искры», можно было торжествовать: Владимир начал великое дело.

Но спокойствие для Марии Александровны продолжалось недолго: 1 марта московская охранка схватила более двадцати сторонников «Искры». И среди них - Марию Ильиничну и Марка Тимофеевича. Дмитрий Ильич занимался в Юрьевском университете, Анна Ильинична находилась у Владимира Ильича в Мюнхене. Мария Александровна снова осталась одна...

Шли мучительно томительные недели заключения родных в одиночках Таганской тюрьмы, а матери не сообщали даже сути конкретных обвинений, предъявленных младшей дочери и зятю, и не давали свиданий с ними. В очередном прошении Мария Александровна, добиваясь встречи с Марией, писала: «После ареста ея, я осталась, в преклонных летах моих 67 лет, совершенно одна, совершенно убитая горем, и нравственное состояние мое страшно угнетено. Свидание с дочерью успокоит и ободрит меня...»[185].

Родные, как кто мог, старались поддержать душевные силы Марии Александровны. Марк Тимофеевич в первом же письме от 6 марта, рассказав с юмором и иронией об условиях тюремной жизни, попросил ее: «Не унывай, наша дорогая, и мужественно переноси незаслуженные лишения»[186]. В следующем письме, выражая благодарность Марии Александровне за хлопоты о нем, Марк Тимофеевич писал: «Много и трудно тебе приходится. От души желаю тебе укрепиться и с более легкою скорбью нести свой тяжелый крест. Очень жалею, что твои последние 2 письма потерпели большой урон: от 10 числа зачеркнуто 18 строк, а от 14 - 30 строк!.. Не пиши ничего о знакомых, так как это все зачеркивается»[187].

В середине марта, сразу после окончания уфимской ссылки, в московскую квартиру Елизаровых, где тогда жила Мария Александровна, приехала с матерью Надежда Константиновна. О многом они переговорили в те дни. Уезжая за границу, невестка обещала писать так же часто, как и из Шушенского, беречь здоровье Владимира Ильича.

Вскоре же, по получении от матери известия об аресте Марии Ильиничны и Марка Тимофеевича, приехал на помощь Дмитрий Ильич. Но в свиданиях с сестрой ему отказали: он сам недавно привлекался к делам политического характера.

Огромной нравственной поддержкой для Марии Александровны были письма Владимира Ильича из Мюнхена. Он горячо советовал ей жить на даче в Подольске, не волноваться, так как надеется, что Маняше и Марку скоро удастся быть вместе с нею[188]. Когда же стало ясно, что их заключение в тюрьме задерживается, он в письме от 1 сентября вновь успокаивает мать: «Крепко, крепко обнимаю тебя, моя дорогая, и желаю быть бодрой и здоровой. Помнишь, когда меня держали, ты тоже пред-

ставляла себе дело гораздо более серьезным и опасным, чем оно оказалось, а ведь по отношению к Маняше и Марку не может быть и сравнения никакого с моим делом! Что держат их столько, - это отчасти зависит, вероятно, от того, что арестованных масса и в деле все еще не могут хорошенько разобраться...»[189].

В это время из-за границы приехала в Подольск Анна Ильинична. Узнав от нее, что следствие закончено и дело родных передано прокурору, Владимир Ильич 21 сентября пишет матери: «Это хорошо: теперь, вероятно, и наши спокойнее будут да и времени уже им сидеть осталось меньше. Может быть, и твое прошение о выдаче на поруки уважат»[190].

Владимир Ильич оказался прав: в начале октября Мария Александровна узнала, что дочь и зятя на днях выпустят из тюрьмы, но отправят в ссылку. Мария Ильинична избрала себе Самару. Мать спешно упаковывает вещи, отправляет багаж и после того, как 6 октября Мария наконец выходит на свободу, уже через сутки следует с ней в ссылку. До Сызрани, где жили его родные, с ними ехал под гласный надзор полиции и Марк Тимофеевич. Неотложные дела в заграничных группах содействия «Искре» требовали возвращения Анны Ильиничны за границу, и, проводив близких на Волгу, она снова едет в Германию, помогать брату.

СНОВА В САМАРЕ
(1901-1903)

9 октября Ульяновы прибыли поездом в Самару и остановились в гостинице «Россия», где и жили до 20 числа, пока Мария Александровна не подыскала частную квартиру. Но та оказалась неудачной, и за последующие две недели пришлось еще раз сменить жилье; только 6 ноября устроились более или менее сносно в двухэтажном каменном доме И.В.Урванцева на Сокольнической улице - на той самой, где жили в 1890-1893 годах[191].

К большой радости Марии Александровны, этим летом Дмитрий успешно закончил Юрьевский университет. К тому же наметилась вакансия санитарного врача в Самаре, и в январе он был уже у матери. В конце месяца и Марии удалось наконец-то найти работу конторщицы дорожно-строительного управления губернской земской управы.

Но и для младшей пары Ульяновых официальные должности не являлись главным делом - все их помыслы были сосредоточены на претворении в жизнь разработанного Владимиром Ильичем плана создания партии. В конце января в Самаре была созвана первая общероссийская конференция сторонников «Искры», которая избрала ЦК, известный в истории как Самарское бюро русской организации «Искры». В него вошли Мария Ильинична и Дмитрий Ильич.

Дмитрию Ильичу поручили организовать работу в Одесском комитете. И ехать туда надо было как можно скорее. Это вытекало из письма Владимира Ильича, который, узнав о решениях своих самарских сторонников, писал им в феврале: «Ваш почин нас страшно обрадовал. Ура! Именно так! шире забирайте!»[192].

Перед переездом в Томск повидаться с родными заехал в Самару М.Т.Елизаров. Накануне разлуки Мария Александровна, Мария Ильинична, Дмитрий Ильич и Марк Тимофеевич сфотографировались вместе. Один из снимков был отправлен в Мюнхен Владимиру Ильичу, и он ему очень понравился[193].

В начале марта Мария Александровна, конечно не без сожаления, проводила сына в Одессу и тут же обратилась к самарскому губернатору с прошением о разрешении дочери «сопровождать ее за границу на Мариенбадские Минеральные Воды на срок от 2 до 3 месяцев»[194]. Действительной причиной этой поездки было не столько лечение водами, сколько страстное желание повидаться с Владимиром, Анной и невесткой, которых мать долго не видела и по которым сильно соскучилась. Турне Марии Ильиничны устраивало и руководителей Самарского бюро, так как сестра могла передать Владимиру Ильичу наиболее полную информацию о работе искровцев и привезти от него новые конкретные указания.

Как только Владимир Ильич узнал о наметившейся поездке, он по-сыновнему тепло выразил свою большую радость в письме к матери из Мюнхена от 2 апреля 1902 года: «Как твое здоровье теперь, моя дорогая? Продолжаешь ли думать насчет поездки за границу летом? Если только не чересчур утомит это тебя, то было бы отлично»[195]. В письме от 8 мая, уже из Лондона, куда он переехал по делам «Искры», с характерной для него заботливостью сын продолжал трепетную тему: «Надеюсь скоро увидаться с тобой, моя дорогая. Только не слишком

бы утомило тебя путешествие. Непременно надо выбирать дневные поезда и останавливаться на ночевки в гостиницах... Без отдыха же, при быстроте здешних поездов и малых остановках, ездить по нескольку дней совершенно невозможно.

Буду ждать вестей о твоем выезде с нетерпением. Может быть, дашь телеграмму из России или из-за границы, когда сядешь на прямой поезд сюда? Это было бы гораздо удобнее»[196].

Мария Александровна давно бы выехала, если бы не задержка с решением вопроса о младшей дочери: самарская полиция препятствий к ее выезду не чинила, но департамент полиции, которому принадлежало решающее слово о выдаче заграничного паспорта, молчал уже целых два месяца. «Хоть бы ехать скорей, ужасная вещь эта неопределенность, - с горечью писала Мария Александровна Анне Ильиничне 13 мая в Дрезден. - Не знаю, как и поступить: ехать разве, не дождавшись ответа? А вдруг да на другой же день отъезда он придет! Подожду еще несколько дней»[197].

Ответ из департамента полиции пришел через две недели, и был он отрицательным... А в конце мая пришло письмо Владимира Ильича из Лондона, в котором он, обращаясь к матери, писал: «Мы все поджидаем тебя, моя дорогая, и я переписываюсь с Анютой насчет ее планов: как и где с тобой устроиться...

А Манин рассказ о том, как она на лодке каталась - меня раздразнил... Хорошо бы летом на Волгу! Как мы великолепно прокатились с тобой и Анютой весною 1900 года! Ну, если мне не удается на Волгу, - надо поволжанам сюда. И здесь есть хорошие места, хотя и в другом роде.

До свидания, моя дорогая.

Крепко тебя обнимает твой В.

P.S. Горького, Скитальца получил и читал с очень большим интересом. И сам читал и другим давал»[198].

Мать так рвалась к сыну, а его письма были пронизаны таким страстным желанием поскорее увидеться с нею и такой щемящей тоской по родимой стороне, что, невзирая на возраст и болезни, она отправилась в дальний путь одна.

В июне, в Берлине, наконец состоялась долгожданная встреча со старшей дочерью, с которой Мария Алек-

сандровна не виделась с осени прошлого года. Анна устроила ей консультацию с доктором, который прописал курс лечения. Вскоре выяснилось, что Владимиру Ильичу опасно показываться в Германии, а Надежде Константиновне неотложные дела в редакции «Искры» вообще не позволяют покинуть Лондон. Встреча матери с сыном была перенесена во Францию.

Во второй половине июня Мария Александровна с Анной приехали в небольшой французский портовый городок Логиви, на северном берегу Бретани, где их с нетерпением ожидал Владимир. Это была бесконечно радостная и трогательная встреча. Жилье было уже приготовлено - Владимир снял комнаты у жены рыбака матушки Леган. И какое чудесное место для встречи и отдыха подыскал сын: и сам Логиви, и побережье около него, изрезанное извечным морским прибоем, поражали своей первозданной красотой. Впечатлениями о пребывании в Логиви Мария Александровна делилась в письмах к Марии в Самару. «Мы проводим тоже большую часть дня на воздухе: утром, сидя на скале у моря, - прекрасные тут места в скалах, все море перед глазами, и воздух такой свежий, приятный. Берем с собой книгу и работу, в 12 Аня спускается купаться, большей частью и я с нею... От часу до двух обедаем, - готовим себе сами, я купила в Париже керосинку... После обеда отдыхаем немного, а там гуляем или же сидим опять у моря»[199]

Быстро пролетели те три с небольшим недели, которые сын смог выкроить для пребывания с нею в Логиви. Здесь, как везде и всегда, он тоже много читал и писал, но все-таки стал здоровее, чем до приезда на отдых. 12 июля срочные дела по редактированию «Искры» вынудили его, к великому огорчению матери и сестры, выехать в Лондон. «Жаль мне очень, - писала Мария Александровна младшей дочери в Самару, - что Володя не мог долее погостить здесь, это было бы очень здорово для него! Воздух здесь у моря очень хорош, а также морское купанье нравилось ему, и, как я, кажется, уже писала тебе, он выглядел очень хорошо и сильно загорел, потому что проводил целые дни на воздухе»[200].

Мария Александровна и Анна Ильинична отдыхали и лечились в Логиви после отъезда Владимира Ильича еще больше месяца и возвращались в Россию вместе. На границе российские жандармы тщательно просмотрели все вещи Анны Ильиничны. Но она предусмотрительно

отправила из Берлина Владимиру Ильичу в Лондон фотографии брата Александра, и обыск сошел вполне благополучно.

28 августа Мария Александровна с Анной была уже в Самаре, о чем тут же телеграфировала Владимиру. Он чрезвычайно обрадовался благополучному завершению ее длительного путешествия. Но его особо интересовало, как оно протекало от границы до берегов Волги, и в письме к матери от 2 сентября сын расспрашивал: «Хорошо ли вы ехали дальше? Не слишком ли утомила дорога? Напиши мне, пожалуйста, об этом пару слов, когда отдохнешь и устроишься несколько.

Анютины карточки (т.е. посланные ею) получил вовремя и в полной сохранности»[201].

Не прошло и двух недель, как он снова обращается к матери: «все нет известия, как вы доехали до Самары, как устроились. Вероятно, Маняша не живет уже на старой квартире, но я пишу по ее адресу, ибо не знаю другого и думаю, что письмо принесут и по новому адресу. Где Анюта? Какие вести от Мити и от Марка? Как думаете устроиться на зиму?

Здорова ли ты, дорогая мая, не слишком ли утомила дорога?»[202].

Беспокойство Владимира Ильича имело основания. К моменту прибытия его письма в Самару родные действительно уже перебрались на другую квартиру - на этот раз на второй этаж дома Д.И.Петровой по Самарской улице. Не успели они здесь устроиться, как мать с ужасом узнала об аресте Дмитрия и заключении его в едесскую тюрьму. Анна Ильинична отложила поездку к мужу в Томск и тотчас же отправилась в Одессу, чтобы чем-нибудь помочь брату.

О случившейся беде Мария Александровна с тревогой сообщила в Лондон Владимиру. Он немедленно откликнулся и, успокаивая мать, выразил уверенность, что произошло какое-то недоразумение и Дмитрий в скором времени выйдет на свободу. К счастью, так оно и вышло: через три недели после ареста Дмитрия и его невесту фельдшерицу Антонину Ивановну Нещеретову, за недостатком улик, выпустили из тюрьмы. Узнав об этом, Владимир Ильич 25 октября с облегчением пишет матери, «Митино освобождение, о котором я прошлый раз писал, что в нем уверен, - оказалось, произошло даже скорее, чем я ожидал. Особенно я рад за Анюту, что ей

9 2585

не пришлось долго мыкаться по разным «присутственным» местам (дело зачастую сугубо неприятное, более неприятное, чем сидение!) и удалось поехать-таки к Марку. А то уж очень она долго не имела, так сказать, приюта и «странствовала» с места на место.

Какие вести теперь от нее? Доволен ли Марк службой? Имеет ли Митя заработок и не думает ли навестить вас? Ты здорова, я надеюсь, моя дорогая?»[203].

Письма Владимира Ильича к матери читались всеми родными, и все они понимали, что его расспросы, кто и где находится и чем занимается, имеют и скрытый, конспиративный смысл. Впрочем, Мария Александровна тоже давно научилась читать между строк. Общение со старшими детьми за границей помогло матери яснее представить цели и методы их революционной деятельности. Она была в курсе многих дел, которыми занималась в Самаре и Мария. Помогала ей хранить нелегальную литературу и документы, наблюдала, как она наносит «химией» шифрованный текст между строками письма или какой-нибудь вполне легальной книги, журнала. А когда эта весьма кропотливая и опасная работа заканчивалась, то прятала пузырьки с реактивами среди хозяйственных припасов и кухонной утвари [204].

Случалось, что дочь задерживалась вечером у товарищей-искровцев, и тогда Мария Александровна не могла усидеть в комнате и выходила на улицу, поджидая ее возле дома. «Помню, - вспоминала Мария Ильинична, - как, возвращаясь откуда-то поздно вечером в Самаре в сопровождении кого-то из товарищей, я была поражена, увидя мать у подъезда нашей квартиры. «Я беспокоилась, почему тебя долго нет, проводит ли тебя кто-нибудь», - сказала она» [205].

Когда в доме все было более или менее спокойно, Мария Александровна вместе с дочерью читала, музицировала. 20 ноября 1902 года мать писала Анне Ильиничне в Томск: «Читала в IX книге «Русского богатства» «Черные кабинеты» и повесть «На скалах».* Мне понравилось. Теперь у нас «Мир Божий», X книга. Просматриваю прежде всего в ней «На родине», была ли у

---

* В журнале «Русское богатство» N 9, сентябрь 1902 года, были опубликованы рассказ В.И.Дмитриевой, «На скале» и статья за подписью А.Г.Черные кабинеты в Западной Европе» (о правительственной цензуре частной почтовой переписки).

тебя эта книга? Если нет, то возьми. Хороши тут некоторые мысли Толстого («У Л.Н.Толстого»), и весь отдел интересен.

Иногда отправляемся с Маней в библиотеку. Интересно, конечно, просмотреть газеты, но читать долго не могу, утомляюсь, все не то, что дома, да и далеко туда»[206].

О многом говорят эти скупые строчки. Ведь в рассказе «На скале» В.И.Дмитриевой, народнически настроенной писательницы, общавшейся в 80-х годах в Петербурге с Александром Ульяновым, убедительно показывалось, что ученый, пытавшийся жить отшельником в доме на высокой приморской скале, рано или поздно придет к пониманию безнравственности самоустранения от борьбы со злом в окружающей действительности.

Если в этом рассказе Марии Александровне пришлась по душе благородная идея о непременной обязанности интеллигентного человека возвратить народу все, что получил благодаря ему, то в статье «Черные кабинеты в Западной Европе» импонировала обличительная направленность против «европейских Шпекиных», стремившихся с помощью полиции проникнуть в тайны частной переписки. Впрочем, все Ульяновы не сомневались, что российская охранка давно интересуется содержанием их корреспонденции.

Примечательно суждение Марии Александровны по поводу журнальной заметки «У Л.Н.Толстого». Дело в том, что в феврале 1901 года в российских газетах было опубликовано «определение Святейшего синода» об отлучении Л.Толстого от церкви. Эта акция совпала по времени с правительственными репрессиями в отношении участников волнений студенческой молодежи. В ленинской «Искре» (1901, апрель, N 3) в связи с этим говорилось: «На обе безумные выходки правительства - отдачу студентов в солдаты и торжественное отлучение Толстого - пролетариат громко ответил выражением своей солидарности и с «бунтующими» студентами, и с отлученным писателем».

На фоне злобной вакханалии, поднятой мракобесами и черносотенцами вокруг имени яснополянского мыслителя, заявление Марии Александровны, что ей понравились в журнале «некоторые мысли Толстого», нельзя расценить иначе, как проявление солидарности и с отлученным от церкви великим писателем, и с позицией газеты, руководимой ее сыном.

Проживая в Самаре, Мария Александровна с младшей дочерью оказались в центре своеобразного огромного треугольника, по углам которого, за многие тысячи верст друг от друга, жили их родные: Владимир и Надежда - в Лондоне, Дмитрий и Антонина - в Одессе, Анна с Марком - в Томске. Именно сюда, на Волгу, все они постоянно мечтали попасть, побыть хоть немного с матерью. Но она понимала, что дети ее не могут позволить себе роскоши подчиняться своим желаниям, обязав себя жить по другим законам - законам служения делу освобождения народа. И мать для них, постоянно переезжающих по своим подпольным делам, попадающих в тюрьмы и ссылки, была не только объектом трогательной любви, но и помощницей, своеобразным маяком, связующим звеном между ними, поставщиком необходимой информации о делах друг друга. Она всегда подробно писала им во все концы не только о своей жизни, но и о том, что ей стало известно из переписки с каждым из них.

Вот и теперь, 20 ноября, она в письме к Анне в Томск написала о новостях, сообщенных Надеждой о Владимире и их жизни в Лондоне, передала суть рассказов Дмитрия и Антонины о том, как они отпраздновали 10 ноября свое бракосочетание, сообщив приятную новость, что к новому году намерены приехать в Самару и попытаться обосноваться здесь.

1903 год Мария Александровна встречала уже вместе с Марией, Дмитрием и невесткой. Анна Ильнична с Марком Тимофеевичем к этому времени переехали в Порт-Артур, где, как и в Томске, Елизаров служил в управлении железной дороги. Письма от них теперь доходили в Самару только на 20-й день...

В марте, с приездом Анны Ильиничны, с матерью стало жить трое ее детей, и все находились под надзором полиции. Выполняя поручения Владимира Ильича, они вели активную подготовку ко II съезду партии. Дмитрий Ильич выезжал по этому делу в Тулу, Мария Ильинична - в Сызрань, Анна Ильинична была на месте, деятельно участвуя в работе самарских искровцев. Так что у трех жандармских унтер-офицеров, осуществлявших слежку за квартирой Ульяновых, хлопот было немало. Но опытные конспираторы не дали каких-либо прямых улик для их ареста.

Тогда жандармы решили действовать напрямик. Однажды они нагрянули к Ульяновым и нашли у Марии

Ильиничны тетрадь с адресами деятелей разных комитетов, записанными шифром в виде задач с арифметическими и алгебраическими знаками, до интегралов и дифференциалов включительно. Руководитель обыска спросил у Марии Ильиничны, что это такое. Она спокойно ответила, что занимается решением задач. Жандарм поверил. Благодаря изобретательности и самообладанию самой молодой революционерки семьи Ульяновых она и ее товарищи избежали репрессий[207]. Умело и находчиво вела себя и мать. 11 марта 1903 года Марию Александровну вызвали в Самарское губернское жандармское управление, но она не сказала о своих детях и их знакомых ничего такого, что могло бы пригодиться охранке, и ее оставили в покое[208].

В эти мартовские дни пришли очередные письма из Лондона. «Как бы охотно побывала я теперь у вас! - писала невестка. - В последнем письме Вы пишете о квартире, и я так живо представила себе, как Вы там живете, целую картину себе нарисовала, как на улице мороз, как в комнате печка топится, как Вы ждете Маню со службы, как Маня с морозу пришла. Наверное, самарская жизнь на уфимскую похожа. «Дайте крылья мне перелетные»... Иногда ужасно тянет в Россию...»[209]. Владимир, поблагодарив мать за письмо с подробными новостями, с характерной для него заботливостью писал, «Хорошо, что и у вас потеплее стало, а то очень холодные зимы чересчур утомляют. Хорошо ли ты чувствуешь себя теперь, моя дрогая?» Стараясь успокоить мать, что здоров и даже отдыхает, он для убедительности расписывает последнюю воскресную вылазку за город с женой и тещей.

С наступлением лета Мария Александровна неважно чувствовала себя в пыльной и душной Самаре. Впрочем, ее всегда тянуло летом из города, поближе к природе. Дети знали об этом и, несмотря на занятость партийной работой, в мае выехали с нею в село Моркваши Сызранского уезда Симбирской губернии, где сняли дачу на берегу Волги. Это место они использовали и в целях конспирации: сюда приезжали их товарищи, на лодках переправлялись на зеленый остров и под видом пикников проводили нелегальные собрания.

В конце июня Дмитрий Ильич, избранный делегатом на II съезд партии, поехал в Кишинев чтобы оттуда, нелегально прейдя границу, отправиться к Владимиру

Ильичу в Женеву. Родные знали, какие опасности его ждут на этом пути, и, конечно, волновались. Мария Ильинична, у которой 28 февраля 1902 года кончился срок ссылки, тоже рвалась в Швейцарию, чтобы заодно закончить там прерванное московским арестом высшее образование. Владимир Ильич поручил решение этого вопроса Г.М.Кржижановскому, как руководителю самарских искровцев, и тот высказался за то, чтобы Мария Ильинична осталась работать здесь.

В конце августа Дмитрий Ильич, вновь перейдя нелегально границу, благополучно вернулся в Россию. Побыв немного в Киеве, наконец приехал в Самару. Но, к сожалению матери, дома побыл недолго: ему необходимо было съездить в партийные организации Саратова, Нижнего Новгорода и Москвы. После этого, по решению ЦК, он с женой обосновывается в Киеве. Там же предстояло работать и Марии Ильиничне секретарем Русского бюро ЦК большевиков.

Марк Тимофеевич, у которого кончился срок гласного надзора, в сентябре отплыл из Порт-Артура в Японию, а оттуда на океанском пароходе - вокруг Китая и Индии в Европу на встречу с Владимиром Ильичем. После этого «кругосветного» путешествия он намерен был устроиться на службу в Петербурге и уже туда вызвать жену.

Мария Александровна могла бы теперь жить с Анной и зятем в столице, но она решила быть рядом с младшими в Киеве. Мария уехала туда раньше, 30 сентября, - так требовали партийные дела. А через неделю, закончив сборы, отправилась и мать вместе с Анной.

Покидая Самару, Мария Александровна чувствовала облегчение: наконец-то все ее дети перестали быть гласноподнадзорными и получили право менять местожительство. Дмитрий надеялся найти место врача. Марии и Антонине обещал помочь с работой Г.М.Кржижановский, служивший с июля в Киеве инженером в управлении железной дороги.

КИЕВ
(1903-1904)

Мария Александровна прибыла с Анной в Киев 12 октября. Дмитрий с Антониной снимали квартиру на Пушкинской улице, параллельной Крещатику; недале-

ко от них временно остановилась и Мария. Здесь, в центре города с населением в треть миллиона, за последние годы было воздвигнуто более тысячи многоэтажных зданий из знаменитого местного светло-желтого кирпича[211]. Но жилье тут было дорогим. Мария Александровна с дочерьми поселилась в более дешевом районе, во флигеле дома N 12 на Лабораторной улице.

Ее название произошло, видимо, от расположенных на ней «бесплатной больницы» и бактериологического института. Лабораторная входила в Лыбедский участок, по существу являвшийся южной окраиной города, его рабочим районом. Как и на других окраинах, здесь не все улицы имели каменное покрытие; освещались не электрическими лампочками, а газовыми или керосиновыми фонарями. В обычных для всех губернских городов домах, не отличавшихся изяществом архитектуры, обитали в основном мелкие чиновники, торговцы и рабочий люд. Словом, Лабораторная напоминала собою Сокольничью улицу Самары, где Ульяновы прожили не один год. Как и там, здесь хорошо были слышны гудки паровозов, сюда распространялся неприятный запах со скотных дворов и скотобоен, а также дым из труб газового, механического и нескольких кирпичных заводов.

Поскольку квартиры в Лыбедском участке стоили намного дешевле, чем в центре, Ульяновы смогли снять трехкомнатную, в расчете на возможность «деловых» приемов. В одной комнате поместились кровати матери и Анны, в другой - Марии, а третья стала играть роль гостиной-столовой. Расстояние от Лабораторной до Пушкинской чуть превышало версту, и большую часть этого пути можно было проехать на трамвае. Так что, живя в разных районах Киева, Ульяновы имели возможность повседневного общения. Для молодежи трамвай был и незаменимым подспорьем в подпольной работе, а летом связывал и с городским садом, и с пристанями и купальнями на Днепре.

Каждый из детей был занят каким-нибудь легальным делом. Дмитрий, как терапевт, вел частную практику и проводил консультации для студентов-медиков. Жена его, Антонина, училась на акушерских курсах, Мария зарабатывала частными уроками по русскому и французскому языкам. Анна по заказу книжного издательства «Посредник» переводила с английского на русский рассказ В.Лонга «Охота без ружья». Но все они, в том чис-

ле и приезжавший погостить из Петербурга Марк Тимофеевич, как могла отметить и Мария Александровна, вели активную конспиративную работу. Судя по всему, важными партийными делами, так обострившимися из-за раскольнических действий мартовцев, поглощены были и знакомые по Самаре Глеб Кржижановский и его жена Зинаида, Исаак Лалаянц, Александр Шлихтер. Время от времени Мария Алексанровна вместе с дочерьми принимала в своей квартире их товарищей и из других городов России, и даже из-за границы. Последние всегда радовали горячими приветами от Владимира...

Незадолго до Нового года Мария Александровна и Мария Ильнична отправили в Женеву поздравительные письма Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне. Одновременно мать написала теплое приветствие и Елизавете Васильевне Крупской, жившей вместе с дочерью на чужбине. Заключая свое послание, Мария Александровна просила передать сердечный привет дорогому сыну Владимиру - **«неугомонному искателю истины»**[212] (выделено мною. - Ж.Т.). Нельзя было не считаться с тем, что почти наверняка письмо попадет в руки жандармов, и мать вот так всего в трех словах, тонко, но емко и образно, в абсолютно легальной форме выразила свои чувства гордости и одобрения непрекращающейся уже полтора десятка лет борьбы Владимира Ильича против царского самодержавия за торжество свободы, равенства и братства, за счастье трудового народа. Неугомонными искателями истины были в ее глазах и другие дети.

Новый, 1904 год Мария Александровна встречала в приподнятом настроении - рядом были трое ее детей и невестка. А уже 1 января пришла большая беда. Под конец дня, возвращаясь с конспиративного заседания Киевского комитета партии, Дмитрий Ильич вместе с З.П.Кржижановской были схвачены агентами охранки прямо на оживленном Бибиковском бульваре. Через несколько часов, уже вечером, в квартиру Марии Александровны нагрянули полицейские и жандармы. Они остервенело рылись в шкафу, сундуках, белье, книгах. Но мать, теперь всегда готовая к обыску, с выдержкой переносила подобные нашествия и вслух выразила уверенность, что «гости» сами не знают, что ищут, и поэтому ничего не найдут.

Тщательный и долгий обыск, продолжавшийся до двух часов ночи, и в самом деле ничего не дал: жандармы так

и не догадались, что весь архив ЦК, избранного на II съезде партии, находился у них под носом - в двойной крышке шахматного столика, хитроумно изготовленного искусным столяром по чертежам М.Т.Елизарова. Несмотря на безрезультатность обыска, «голубые мундиры» увезли Марию и Антонину. В квартире, где еще вчера было так уютно, тепло и радостно от близости детей, пахло новогодним пирогом, а теперь - варварски разгромленной и сразу опустевшей, сиротливо сидела ошеломленная несчастьем маленькая седая мать. На глазах забрали обеих дочерей и невестку... Всех арестовали, никого не оставили...

Анну, Марию и Антонину заключили в тюремный замок, находившийся на западной окраине города, в Лукьяновском участке, около Лукьяновской площади, и называвшейся поэтому Лукьяновской тюрьмой, или «Лукьяновкой». А Дмитрия заточили в «Косой капонир» - часть Киево-Печерской крепости. Заложенная еще при Петре I, в последние десятилетия она была превращена в тюрьму для политических узников, с очень строгим режимом, дававшим полное основание для ее неофициального названия - «Киевский Шлиссельбург». До этой тюрьмы от дома Марии Александровны было версты полторы, а до «Лукьяновки» - вдвое дальше. Даже по прямой линии от одной тюрьмы до другой было около четырех верст. Одолеть пешком, в зимнюю стужу, такие расстояния надломленной невзгодами женщине, имеющей за плечами почти 69 лет, было невозможно. Трамвай тоже не годился для поездки в тюрьмы: надо было добираться вкруговую, к тому же с пересадками. Оставались извозчики, хотя это было намного дороже, да их приходилось еще и искать...

В первые два январских дня обыски прошли в 109 киевских квартирах. Более тридцати человек было арестовано, а около двухсот - подвергнуто допросам[213]. В застенки попали почти все товарищи детей Марии Александровны, и она оказалась одна в малознакомом городе. Нетрудно было пасть духом, растеряться, слечь, наконец. Но она не только выстояла, но и делала все, чтобы облегчить участь детей в неволе, помочь их товарищам. Много позже жена Дмитрия Ильича напишет об этих тяжелых днях: «Сидя в тюрьме, Анна Ильинична продолжала дело установления и укрепления связей между товарищами, находящимися на воле, информи-

ровала их о положении дел, часто нагружала свою мать тюремными поручениями, которые Мария Александровна выполняла с исключительной аккуратностью и быстротой. Ловкость Марии Александровны, когда она получала и прятала записки в присутствии жандарма, была изумительной»[214].

Дети понимали, какие переживания и лишения они невольно доставляют матери, и старались поддержать ее морально, хоть чем-нибудь облегчить ее страдания. Как только в Женеву дошло письмо Марии Александровны с печальным известием об аресте детей, Надежда Константиновна в письме от 15 января спешит успокоить ее: «Судя по тому, что забрали всех, дело будет пустяшное... Я просила одну знакомую зайти к Вам»[215]. Через пять дней, когда пришло новое письмо от матери, Владимир Ильич с облегчением пишет ей: «Хорошо, что ты чувствуешь себя немного спокойнее, лишь бы были здоровы наши арестанты. Ввиду массы арестов, - обнадеживающе заключает он, - их, быть может, забрали за компанию...»[216]. Марк Тимофеевич, устроившийся бухгалтером в управление Николаевской железной дороги, приобрел дачный дом под Петербургом, близ станции Саблино, и усиленно звал туда, хотя бы на время, Марию Александровну - приезжал для этого в Киев. Но она отклонила это предложение, ибо, как писал Марк Тимофеевич, «бесконечно любя своих детей и страдая из-за них, она не считала все-таки возможным оставить их в том положении, в каком они находились»[217].

В середине февраля, так ничего и не добившись от Дмитрия Ильича, жандармы вынуждены были перевести его из крепости в Лукьяновскую тюрьму. Но и здесь он категорически отказался отвечать следователю на любые вопросы, пока не получит свидания с матерью. Жандармы в конце концов разрешили ему ведение переписки с ней, а затем и свидания в тюрьме, но через двойную решетку. Тогда Дмитрий Ильич, добиваясь личных свиданий, в прошении к прокурору Киевской судебной палаты так обосновал это требование: «...полное одиночество, которое создано для моей матери после ареста меня с женой и обеих моих сестер, действует на нее, особенно в последнее время, когда у нее появились признаки старой болезни, прямо убийственным образом... Крайне затруднительны свидания за решеткой, как вследствие того, что среди шума и разговоров со всех сторон

она плохо слышит и сама не может говорить достаточно громко, так и потому что ей тяжело подолгу стоять»[218]. Жандармы не сразу, но удовлетворили-таки и это требование.

Правда такое «послабление» последовало и благодаря настойчивым хлопотам самой Марии Александровны, которая 22 марта лично вручила товарищу прокурора судебной палаты прошение об освобождении своих детей. «Хотя при обыске у них не оказалось ничего нелегального и их ни в чем не обвиняют, - писала мать, - они содержатся уже третий месяц в тюрьме. Между тем мое положение после ареста детей самое тяжелое... Я осталась в полном одиночестве в преклонные годы мои, 69 лет, при совершенно расстроенном здоровьи: болезнь сердца и грудная жаба (астма - Ж.Т.), когда мне особенно необходимы как присутствие, так и уход за мною близкого человека». В подтверждение сказанного Мария Александровна приложила свидетельство доктора С.В.Тартаковского о своей болезни с диагнозом: «хроническое воспаление сердечной мышцы и припадки грудной жабы»[219].

И все-таки мать вновь и вновь собиралась с силами и отправлялась к «Лукьяновке». М.М.Эссен, встречавшаяся тогда с Марией Александровной, вспоминала, как она целыми днями простаивала у ворот Лукьяновской тюрьмы с передачами». «Невозможно забыть, - продолжала большевичка, - ее измученного лица, печальных скорбных глаз, усталого вида, когда она возвращалась оттуда»[220].

А вот один из драгоценных штрихов, запечатленных в благодарной памяти Марии Ильиничны: «Мать приезжала к нам в тюрьму из другого конца города, обыкновенно нагруженная пакетами. Она знала, что передачи у нас делятся поровну между сидящими на одном коридоре, и старалась приготовить передачу в таком количестве, чтобы хотя бы на один-два дня достало всем. «Сколько вас теперь на коридоре?» - спрашивала она нас при свидании. И старалась, чтобы в следующую передачу котлет, пирожков и пр., что она нам приготовляла, было как раз по числу заключенных. Это число, однако, часто менялось, и Мария Александровна огорчалась, узнавая, что нас на коридоре уже значительно больше, чем было при последнем свидании, и ее расчеты, чтобы «всем достало», не удались»[221].

Жизнь последних лет научила Марию Александровну ловить каждое слово, произнесенное детьми во время кратких свиданий, обнаруживать скрытый смысл сказанного, следить за интонацией, мимикой, жестами, проявлять смекалку, чтобы выполнить любую просьбу или поручение. Благодаря своей наблюдательности и сообразительности она помогла Дмитрию избавиться от одной из серьезных улик. Жандармы изъяли у него при аресте купюру в 500 рублей, правильно полагая, что они являются партийными средствами. «Если бы брат не сумел опровергнуть это их предположение, - поясняла Мария Ильинична, - деньги были бы конфискованы, да, помимо того, это ухудшило бы его положение, так как явилось бы лишним доказательством его партийной работы... Между тем у Дмитрия Ильича создался план, как выпутаться из истории с деньгами, и он написал матери обычное письмо через жандармов, но в нем, конспиративно, путем отрыва букв, сообщил шифром свою просьбу сговориться с мужем Анны Ильиничны, что эти деньги (500 рублей и притом одной бумажкой) он получил от М.Т.Елизарова заимообразно, «на обзаведение». Мария Александровна разобрала это сообщение, хотя раньше ей никогда не приходилось иметь дело с шифром, и она только слышала о нем от нас, передала Марку Тимофеевичу просьбу брата, и тот, спрошенный жандармами по указанию Дмитрия Ильича, показал именно так, как было условлено»[222]. После этого обвинение в хранении партийных средств отпало.

Администрация Лукьяновской тюрьмы не раз провоцировала арестантов на выражение протеста с тем, чтобы потом еще более ужесточить режим. Встревоженная этим, Мария Александровна пишет дочерям: «Слышала, что у вас в тюрьме какие-то волнения, что очень беспокоит меня! Говорят, что многие отказываются от свиданья... (дальше два слова зачеркнуты жандармами. - Ж.Т.) не понимаю, кого же они наказывают этим? Только всех бедных родных, которым без того живется невесело... а для служащих в тюрьме, которые обращаются грубо с заключенными - только меньше хлопот, если не будет свиданья, они прямо довольны этим...»[223].

Убеждая детей и их товарищей не отказываться в знак протеста против тех или иных действий надзирателей от прогулок и свиданий с родными, Мария Александровна советовала подавать жалобы законным порядком, хотя,

конечно, понимала, что чувства заключенных иногда непроизвольно берут верх над рассудком.

Следствию не удалось найти веских доказательств для привлечения дочерей к широко задуманному, громкому процессу; тем не менее жандармы как будто и не собирались выпустить их на волю. Матери невыносимо больно было видеть, как губительно действует пятимесячное заключение на здоровье детей. Особенно ослабла Мария, которая из-за нервных потрясений стала страдать изнурительной бессонницей. Насколько тягостным было состояние самой Марии Александровны, говорит прошение Марка Тимофеевича к власть предержащим, где есть такие строки: «Киев может легко сделаться свидетелем трагической картины на улице, где, найдя свой вечный покой, упадет под гнетом своей судьбы многострадальная мать, и все это не только возможно, но и весьма вероятно, так как организм ее износился и она живет одними нервами»[224].

А мать продолжала еще и бороться за освобождение детей. В очередном прошении, которое она 4 июня подала властям, уже не надеясь на то, что ими будут приняты во внимание ее «тяжелое, отчаянное положение» и участившиеся «припадки грудной жабы и сердца», просит освободить дочерей на поруки под денежный залог, на который готова представить «все сбережения» семьи[225].

К счастью, резкое обострение политической обстановки в стране, вызванное неудачами в войне с Японией и подъем рабочего и студенческого движений, заставили власти хотя бы частично удовлетворить прошение Марии Александровны, и 5 июня она увидела на свободе младшую дочь.

Когда эта радостная весть достигла Лозанны, Надежда Константиновна в письме к Марии Александровне выразила надежду на скорое освобождение и Анны Ильиничны. «Только вот нехорошо, - с огорчением продолжала она, - что у обеих у вас здоровье плохо. Отдохнуть вам непременно надо - главное, отдышаться на свежем воздухе, Киев все же город». Владимир Ильич думал точно так же, но постарался придать концовке письма жены оптимистическую окраску: «Дорогая мамочка»! Приписываю наскоро пару слов. Большущий привет Маняше и поздравление с свободой. Тебе надо непременно отдохнуть летом. Пожалуйста, переберитесь куданибудь на лоно природы...»[226].

Письмо из Лозанны пришло через несколько дней после того, как из тюрьмы вышла и Анна Ильинична. Теперь можно было бы поехать в Саблино к Марку Тимофеевичу, но «дело» на сестер Ульяновых еще не было закрыто, и покинуть город они могли только с разрешения жандармов. Последнее было все-таки получено. Однако перед отъездом в Саблино Мария Александровна принимает еще одну попытку вырвать из заключения Дмитрия. В очередном прошении она пишет: «У сына при обыске отобрана писанная кем-то и данная ему на хранение программа занятий с рабочими. Полагаю, что семимесячным заключением, полтора месяца из них он был даже продержан в крепости, сын мой достаточно наказан за имение при себе этого листка... В Киевском жандармском управлении мне указали на старшего сына (Владимира Ильича - Ж.Т.), прибавив, что он сильно скомпрометирован.

Старший сын мой живет уже более 10 лет отдельно от семьи и несколько лет за границей, и если он и действительно скомпрометирован, то я не думаю, чтобы сестры и брат его должны были отвечать за его поступки»[227].

Мария Алексанровна была права: власти и не доверяли, и в определенной мере мстили ближайшим родственникам, как они сами выражались, «одного из главарей социал-демократической партии, эмигранта Владимира Ульянова...»[228]. Что касается Дмитрия Ульянова, то следствие все еще надеялось добыть доказательства его выдающейся роли в деятельности Центрального и Киевского комитетов и поэтому не хотело выпускать его из своих лап. На просьбы родных выдать на поруки Антонину Ивановну - жену Дмитрия Ильича, жандармы тоже отвечали отказом. В сложившейся обстановке Марии Александровне не оставалось ничего делать, как хотя бы на некоторое время отправиться с дочерьми в Саблино.

САБЛИНО
(1904-1907)

Марии Александровне житье по частным квартирам порядочно надоело, и она была рада тому, что Марк Тимофеевич сумел купить на деньги, заработанные на Дальнем Востоке, дачу в Саблине (ныне поселок Ульяновка). Одноэтажный деревянный дом на Андреевской улице оказался довольно удобным и просторным: в нем

нашлись комнаты и для нее, и для Марии, будет место даже для Дмитрия с женой, только бы их скорее освободили... Вокруг дома - небольшой сад с беседкой. Почти вплотную к забору подходит лес. Привлекательны и окрестности поселка, и река Тосно с высокими лесистыми берегами[229].

Первое время Мария Александровна получала корреспонденцию из Швейцарии, в частности, три открытки с видами этой страны и краткими известиями от Владимира о местах, где они с женой путешествуют и отдыхают, - через Киевский почтамт. Как только Владимир Ильич узнал о новом местожительстве родных, то, уже из Женевы, 28 августа забросал их вопросами: «Хороша ли дача в Саблине? Отдыхаете ли там как следует? Какие виды на дальнейшее? Здорова ли мама? Как чувствуют себя Анюта и Маняша после тюрьмы? Черкните мне об этом...

Крепко обнимаю дорогую мамочку и шлю всем привет!»[230].

Жизнь в дачном местечке, на лоне природы, только внешне казалась спокойной - ведь еще двое родных людей продолжали томиться в киевской «Лукьяновке». И Мария Александровна со старшей дочерью продолжали обращаться к власть предержащим с прошениями об освобождении Дмитрия и его жены. В очередном, сентябрьском, мать настойчиво подчеркивала: «Девятимесячное заключение при лишении к тому же горячей пищи - обеда, так что заключенные должны довольствоваться сухой пищей, которая передается им два раза в неделю, - расстроило здоровье как невестки моей, очень слабой от природы, так и здоровье сына»[231].

С другой стороны, шли ходатайства родственников Антонины Ивановны, и в конце концов под залог в 500 рублей жандармы 2 октября выпустили ее из тюрьмы. Вскоре после этого Мария Александровна вновь обращается с прошением к прокурору Киевской судебной палаты, в котором сначала подчеркивает, что при обыске у Дмитрия Ильича «ничего нелегального не было найдено», а затем снова твердо выражает свой взгляд на истинную причину столь длительной задержки его в тюрьме: «... я глубоко убеждена, что арест и продолжительное заключение сына есть следствие предубежденного взгляда, составившегося на семью нашу».

Чтобы ускорить решение по этому прошению, Анна

Ильинична 19 ноября едет в Киев, и не без успеха: 22 числа Дмитрий Ильич выходит на свободу. Вместе с уже поджидавшей его на воле женой он отправляется отдохнуть к ее родным на станцию Чаплино Екатерининской железной дороги, а Анна Ильинична спешит в Саблино с радостной вестью. Наконец-то для измученной горем и переживаниями матери наступило облегчение: все дети на свободе.

Но покой ее был недолгим, хотя для всех детей и настала свобода: в том же ноябре предстояла новая разлука. Марии после ряда проволочек удалось под залог в 300 рублей заполучить заграничный паспорт, и она выехала в Женеву. Официальным предлогом было ее заявление о желании продолжить свое образование. В действительности же Мария Ильинична напрвлялась как представитель столичных большевиков (везла адреса новых явок и шифров, резолюции фабрично-заводских комитетов за созыв II съезда партии), намереваясь включиться там в борьбу против заграничной лиги меньшевиков.

Чем больше накалялась политическая обстановка в стране, тем меньше видела Мария Александровна дома и старшую дочь. Анна Ильинична добывала средства для большевистского комитета столицы - путем сборов, устройства платных лекций и концертов, продажи партийной литературы. Кроме того, она осуществляла связь с Владимиром Ильичем, ведала транспортировкой нелегальных изданий. Выступала Анна Ильинична и перед рабочими, стараясь предотворатить их шествие с петицией к царю-батюшке, которое усиленно готовил поп Гапон. Но утром 9 января 1905 года она все же пошла в рядах рабочих Петербургской стороны и тоже попала под жестокий обстрел царских войск. В гуще забастовочного движения, вспыхнувшего после Кровавого воскресенья, находился и Марк Тимофеевич, пользовавшийся огромной популярностью у трудящихся-железнодорожников столичного узла.

В тревожные январские дни в Саблино приехал Дмитрий Ильич с женой. Хотя ему, как гласноподнадзорному, запрещалось проживание в Москве и Петербурге, он не мог не повидаться с матерью после почти 11-месячного заключения и сделал остановку в столице на пути в родной Симбирск (где наметилась вакансия санитарного врача - удобное прикрытие для партийной деятельности).

Весна и начало лета этого года для Марии Александровны прошли относительно спокойно. В июле из-за границы вернулась младшая дочь и в числе многих новостей порадовала мать главной, самой радостной вестью: мощный подъем народной революции в России делает возможным приезд Владимира с женой!

Как только Дмитрий Ильич узнал о приезде в Саблино Марии, то под благовидным предлогом необходимости отдохнуть пригласил ее к себе в Симбирск. Кроме желания увидеться с сестрой, у него была и мысль, что она поможет активизировать работу большевиков Поволжья. Стараясь придать своему письму чисто семейный характер, Дмитрий Ильич пишет о посещении отчего дома на Московской улице: «Мы с Тоней как-то заходили, идя с купанья, и осмотрели весь сад и дом, лазили даже наверх, но туда уже проложены другие пути, старых лестниц давно нет. Между прочим показывал Тоне ту крышу с балкона, на которую мы лазили во времена оно смотреть пожары...»[232].

Но Мария Ильинична не могла покинуть Петербург. Она сразу же взвалила на свои плечи огромную работу секретаря Василеостровского райкома и заведование всей «техникой» Петербургского комитета партии. Мать почти не видела ее дома. «... Она бегает, как оглашенная, уезжая отсюда ранним утром и приезжая поздним вечером, - писала о сестре Анна Ильинична Владимиру Ильичу в Женеву, - и сильная нервность и переутомление сказываются уже сейчас... С секретариатом здесь работа дьявольская. Петербургский комитет скорее район комитетов, здесь каждый район больше многих комитетов»[233].

Всероссийская политическая стачка заставила царя издать 17 октября 1905 года манифест, в котором он обещал «гражданские свободы» и «законодательную» Государственную Думу. Вчитываясь в этот манифест, Мария Александровна с облегчением могла отметить, что, согласно амнистии, закрывалось и киевское «дело» на ее детей, а также появлялась возможность для возвращения из-за границы старшего сына. И он приехал 8 ноября из Стокгольма, после пяти с лишним лет жизни на чужбине! Мать не удивлялась, что Владимир прибыл в Петербург под чужим именем, а приехавшие через десять дней Надежда с Елизаветой Васильевной тоже конспирировали. Она понимала, что начавшиеся погромы

черносотенцев и убийство ими в Москве Николая Баумана - дело нешуточное, и решительным противникам самодержавия, каковыми были все ее дети, невестки и зять, все еще грозит большая опасность, а Владимиру в особенности. Знала Мария Александровна и о том, что ему с женой часто приходится менять места ночлега, и что в поиске надежных квартир для них участвует Мария.

И все-таки настал долгожданный зимний вечер, когда после трех с лишним лет разлуки мать увидела своего старшего сына, вырвавшегося из массы важных и срочных дел к ней в Саблино. Не могло быть большей радости для матери, чем, наконец, увидеть его живым, бодрым, еще более веселым и жизнерадостным, полным внутренней силы для свершения своих давно задуманных поразительно смелых планов... Через день после приезда сына из эмиграции в легальной газете «Новая жизнь» появилась его статья, в которой он призывал своих единомышленников воспользоваться свободой собраний, союзов и печати для завоевания на сторону революции широких народных масс, создавать наряду с конспиративным аппаратом открытые и полуоткрытые организации, готовить новый съезд партии[234]. И эти его призывы, прозвучавшие на всю Россию, были пронизаны непоколебимой убежденностью в конечной победе дела, которому он отдавал себя всего без остатка...

Только одну ночь провел Владимир Ильич у матери в Саблине под своим именем, и сразу почувствовал, что и здесь шныряют шпики. И лишь один раз - 1 декабря - он с Надеждой Константиновной прописался в Петербурге легально, у П.Г.Воронина, знакомого Марии Ильиничны, на Греческом проспекте, в доме N 15/8. Однако, обнаружив за собой слежку, они уже через два дня снова перешли на нелегальное положение, скрываясь поодиночке в квартирах друзей и знакомых.

Дочери и Марк Тимофеевич постоянно общались в городе с Владимиром и рассказывали Марии Александровне и о его публичных выступлениях, и о кочевье по квартирам, а по газете «Новая жизнь» она сама имела возможность знакомиться с новыми статьями сына. Отчетливо представляя его руководящую роль в революции, она понимала, какую ответственность он взвалил на свои плечи, и, ощущая всю меру опасности, волновалась и за него самого, и за судьбу его дела.

Этой тревожной зимой Мария Александровна на вре-

мя поселилась в Петербурге, на Жуковской улице, чтобы быть поближе к сыну. Владимир Ильич бывал у нее, о чем пронюхал полицейский надзиратель. В декабре 1905 он донес начальству: «Со слов старшего дворника, Ульянов... скрывается на Жуковской ул., там проживает его мать»[235]. Владимир Ильич заметил слежку, стал еще осторожнее, и шпики потеряли его из виду.

Беда для Ульяновых пришла с другой стороны. В начале декабря Марк Тимофеевич, представлявший собою, по мнению департамента полиции, «серьезного противоправительственного деятеля», был арестован за призывы к столичным железнодорожникам помочь восставшим москвичам. Два с половиною месяца продержали его в тюрьме, а затем выслали из Петербурга в Сызрань, с подчинением на три года гласному надзору полиции и запрещением в дальнейшем служить на железных дорогах[236].

В июне Мария Александровна проводила старшую дочь в Сызрань, а сама с младшей отправилась в Саблино. Но уже в начале июля она узнала, что после большого сызранского пожара Марк и Анна перебрались в Самару и уже там продолжали свою революционную деятельность.

Чуть больше года продержался в Симбирске Дмитрий: местные реакционеры специально сократили должность санитарного врача, и он вынужден был поехать на временную работу в Синельниково Екатеринославской губернии, где жили родственники жены. В июле 1906 года он занял вакансию заведующего земским медицинским пунктом в селе Липитино, близ станции Михнево Рязано-Уральской железной дороги, находившейся на территории Серпуховского уезда Московской губернии.

Ни Анна Ильинична, ни Дмитрий Ильич не сообщали матери о вызовах в жандармские управления, а тем более о кратковременном аресте, которому подвергалась Анна Ильинична.

Мария Александровна давно уже знала, что дети не мыслят жизни без революционной борьбы, что каждый из них в любую минуту может оказаться за решеткой и нуждаться в помощи. Но больше всех ее, естественно, беспокоило положение старшего сына, и как ни звали ее к себе Анна и Дмитрий, она все-таки оставалась в Саблино, дожидаясь очередного заветного дня, когда Владимир вырвется к ней.

Он не мог бывать часто, но если выдавалась возможность, то, к великой радости матери, появлялся в Саб-

лине. Об одном из таких посещений она сообщила 12 июля 1906 года Анне в Самару: «Иногда вечера бывают теплые, и мы устраиваемся тогда с чаем в беседке. Так было в субботу, 8-го приехали наши, В.(Владимир Ильич - Ж.Т.) пошел купаться, а потом посидели в беседке. Пробыли у нас и следующий день, В. ...думал погостить у нас с неделю, но газеты в понедельник утром так заинтересовали его, что он и Н.(Надежда Константивна. - Ж.Т.) улетели и Маня с ними... Вы знаете, конечно, давно о печальной участи Думы... Маня вернулась в тот же вечер, она не оставляет меня надолго и ночует всегда дома»[237].

Это ли не яркий пример умения матери говорить о важном в легальном письме: в деталях обрисовывая картину безмятежного отдыха на даче, она чуть ли не в полушутливой форме упомянула о немедленной реакции сына на роспуск правительством Государственной думы. С помощью невинных отточий Мария Александровна искусно выразила беспокойство за судьбы своих детей после наступления серьезнейшего политического кризиса в ходе революции.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна не смогли более оставаться в Петербурге и «улетели» в «ближнюю» эмиграцию - в Финляндию, где остановились неподалеку от станции Куоккала (ныне Репино) на даче «Ваза» - пристанище большевиков. После приезда Анны Ильиничны в Саблино Мария Ильинична смогла некоторое время пожить у Владимира Ильича и привезти матери все новости о нем[238].

Из Финляндии Владимир Ильич изредка наведывался в Петербург, но с соблюдением правил строгой конспирации. Мария Александровна чаще видела Надежду Кнстантиновну, за которой шпики охотились с меньшей энергией. Вечером 31 декабря 1906 года невестка приехала в Саблино, чтобы пригласить вместе встретить Новый год. Мария Алекcанровна не решалась в сильный мороз, да еще в позднее время, отправиться в дальнюю дорогу. Младшая дочь приняла предложение Надежды Константиновны и, по словам матери, осталась очень довольна новогодним праздником у Владимира Ильича на даче «Ваза»[239].

Весной следующего года дом в Саблине был продан с помощью давнего знакомого семьи Ульяновых Ивана Николаевича Чеботарева, проживавшего в соседнем селе

Поповка. Мария Ильинична, испытывавшая за собой постоянную слежку шпиков, чтобы оторваться от них, отправилась в Самару, где находился Марк Тимофеевич, а Мария Александровна со старшей дочерью поехала на лето к Дмитрию Ильичу в село Липитино.

Местность здесь, в описании Дмитрия, была «не очень важная, хотя все-таки на пригорке и маленькая речонка есть, так что как-никак можно и купаться»[240]. Марии Александровне, конечно, понравилось, что поблизости от села начинается лес, где можно будет пособирать землянику, подышать чистым воздухом. Но главное-то все же в другом: она поживет вместе с младшим сыном, о котором постоянно скучала. За последние годы он очень возмужал и многими чертами характера напоминал своих отца и деда. Такой же, как и они, жизнерадостный, любитель пошутить, поиграть в шахматы, попутешествовать. По специальности шел тем же путем, что дед-врач - становился универсалом: и терапевт, и хирург, и акушер. Когда Мария Александровна чувствовала недомогание, то охотнее всего обращалась к сыну, и неукоснительно выполняла все его советы и рекомендации.

Осенью Мария Ильинична отправилась по делам в Куоккала к Владимиру Ильичу, а Анна Ильинична - в Германию для розыска оставшихся там некоторых партийных документов. Из своего далека дочери часто писали матери, старались порадовать каким-нибудь скромным подарком. В ответ на заботу и внимание Мария Алексанровна каждый раз выражала свою глубокую признательность. «Получила несколько дней тому назад книги и говорю тебе большое спасибо, дорогая моя! - писала она 13 октября 1907 года старшей дочери в Берлин. - Все-то ты заботишься обо мне! Читаю с большим удовольствием «Воскресенье» Толстого, читала его давно, но не таким полным»[241].

С началом зимы мать с обеими дочерьми обосновалась в Петербурге, на Павловской улице, в доме N 6, кв. 16. Квартира оказалась холодной и неудобной. В морозные месяцы все переболели гриппом. У Марии Ильиничны начался тиф. Владимир Ильич, вынужденный после поражения первой русской революции эмигрировать в Женеву, узнал об этом и 10 марта 1908 года писал оттуда с беспокойством сестре Анне: «Ужасно это, право, что вы попали в сырую квартиру и до такой степени все разболелись. Это беда, что Маняша схватила тиф!.. Марк,

собственно, напрасно оставил такую большую сумму из своих подъемных, ибо мне сейчас достаточно платит мой издатель. Само собой разумеется, что ты непременно должна расходовать эти деньги, чтобы лучше устроить Маняшу и маму или помочь им выехать куда-нибудь в лучшее место. Не поехать ли им «сюда»?[242]. Вскоре выяснилось, что Владимир Ильич переоценил возможности получения гонораров за свои литературные произведения. Так что некоторое время семью выручали подъемные Марка Тимофеевича, устроившегося инспектором страхового общества «Саламандра» с местожительством в восточносибирском Нерчинске.

Здоровье Марии Александровны и Марии Ильиничны не позволяло предпринять той весной заграничное путешествие, и лето они снова провели в Липитине у Дмитрия Ильича. Здесь Мария Ильинична усиленно готовилась к экзамену в Москву с тем, чтобы затем поступить на курсы языков в парижскую Сорбонну. В связи с предстоящим отъезом младшей дочери мать решила расстаться с петербургом и поселиться вместе со старшей в Москве. Сообщая об этом 27 сентября 1908 года Владимиру Ильичу в Женеву, Мария Александровна пояснила и мотивы: «... надумали жить поближе к Мите. Кочую я все это последнее время, ну, да это все пустяки...

Дорогой мой, не слишком ли много сидишь ты за работой, - это вредно для тебя, надо больше отдыхать, гулять, не забывай этого, прошу тебя.

Целую крепко дорогую Наденьку и шлю сердечный привет Е.В. (Крупской. - Ж.Т.), как здоровье ее?

Обнимаю и крепко целую тебя, дорогой Володя, будь здоров, милый мой! Спешу воспользоваться случаем на вокзал»[243].

Здоровье, дела и заботы детей для матери остаются главными в жизни.

СНОВА В МОСКВЕ
(1908-1910)

Первой приехала в Москву Анна Ильинична. Как обычно, найти удобную и доступную по цене квартиру сразу не удалось. Поэтому только в начале октября, когда завершились основные хлопоты по устройству, мать и сестра смогли покинуть Липитино.

Главное, чем спешила заняться Анна Ильинична на

новом месте, это подыскание надежного адреса, по которому Владимир Ильич мог бы пересылать рукописи, и издателя, который быстро и качественно выпустит в свет новую работу брата «Материализм и эмпириокритицизм». А Мария Ильинична собиралась на учебу в Женеву.

В октябре мать проводила младшую дочь, взяв с нее твердое обещание, что в Женеве она непременно будет лечиться от воспаления среднего уха - тяжелого последствия тифа. Уже 17 октября Владимир Ильич успокаивает мать сообщением, что Мария записалась на прием к «знаменитости по ушным болезням»[244]. Одновременно он писал, что, наверное, вскоре все вместе они переедут в Париж, где Марии не понадобится сдавать экзамены по латыни для получения диплома учительницы французского языка. К общей радости, успешно завершились в Москве переговоры Анны Ильиничны об издании новой книги Владимира Ильича.

Зимой в Москве свирепствовала эпидемия гриппа. Не обошла она и Ульяновых. Первой слегла Мария Александровна, затем заболела и Анна Ильинична. Дмитрий Ильич делал все, чтобы поскорее поставить их на ноги. Но организм престарелой матери с большим трудом и довольно долго боролся с недугом. Когда об этом узнали в Париже, Мария Ильинична хотела бросить учебу в Сорбонне и выехать к матери. Владимир Ильич уговорил сестру подождать ответа на телеграмму и письмо. Узнав, что кризис миновал, он написал Анне Ильиничне: «Обрадовала нас очень весть, что дорогая мамочка поправилась и начинает вставать. Крепко, крепко ее обнимаю»[245]. А в письме от 4 апреля он горячо одобряет намерение старшей сестры поехать с матерью в Крым, отдохнуть, укрепить здоровье.

10 апреля Мария Александровна, находясь уже в поезде Москва - Севастополь, сама пишет сыну в Париж: «Поздравляю тебя с днем рождения, дорогой мой; будь здоров весь следующий год и не было бы у тебя таких неудач и неприятностей с твоей литературной работой, как нынешний год... Здоровье мое почти совсем восстановилось, только ноги огорчают меня - все еще слабы: пройдусь совсем медленно шагов 20 и должна отдохнуть, посидеть. Доктора говорят, что это обычное последствие тяжелой болезни, особенно у старых людей»[246].

Путешествие в 65 верст на лошадях от Севастополя до Алупки она, против ожидания Анны Ильиничны,

перенесла хорошо. Жилье сняли подешевле, на Ялтинской улице, в доме Никольской (ныне здесь размещается 5-й корпус санатория «Железнодорожник»). Мария Александровна, впервые за свои 73 года очутившаяся у Черного моря, да еще в хорошую, солнечную и теплую погоду, была довольна, что оказалась в таком благодатном крае. «Комната у нас удобная и большой балкон, где я провожу почти весь день, - рассказывала она в очередном письме к сыну в Париж, - солнце показывается там только утром до 11 часов. Море точно совсем близко от нас, и вид очень красивый. Есть и садик при доме, и я ограничиваюсь этим, в дальние прогулки не пускаюсь, только раз ездила с Аней на берег моря и просидели там часа два, это была прелестная прогулка, но подниматься к нам надо по крутой горе, и это пока не по моим силам»[247].

Мария Александровна из Алупки не возвратилась в Москву: стало известно о серьезной болезни Марка Тимофеевича, находившегося в Екатеринбурге, и она отправилась к младшему сыну, гостившему у родных жены в Синельникове Екатеринославской губернии, а Анна Ильинична поехала на Урал, ухаживать за мужем, которому предстояла операция на ноге.

В этот же период в Париже у Марии Ильиничны случился приступ аппендицита. Владимир Ильич, оберегая мать от лишних переживаний, сообщил об операции только после выхода сестры из лечебницы. И хотя родные успокаивали мать, утверждая, что все обошлось благополучно, она всерьез было хотела отправиться в Париж, чтобы помочь Мане встать на ноги.

Когда «эпоха операций» (выражение тех дней) осталась позади, началось «переселение народов». Елизаровы двинулись из Екатеринбурга в Пермь, а оттуда пароходом в Саратов, где Марку Тимофеевичу обещали место службы в страховом обществе. Мария Ильинична, получив в Сорбонне диплом учительницы французского языка, осенью уже была в Москве, куда поспешила и мать. Дмитрий Ильич усиленно хлопотал о месте врача в Саратове, но губернатор отказался принять в свой город еще одного поднадзорого Ульянова.

Мария Александрдровна с младшей дочерью поселились на Девичьем Поле, в Боженинском переулке. До центра приходилось добираться целый час, да к тому же квартира оказалась холодной. Владимир Ильич взвол-

нованно пишет из Парижа матери: «Беспокоит меня, что у вас холодная квартира: как это выйдет зимой, если теперь не более 12 градусов? Не простудиться бы тебе... Нельзя ли принять каких-нибудь мер, может быть, поставить маленькую железную печку?»[248].

В конце января 1910 года Владимир Ильич сообщил родным об аварии, в которую попал, возвращаясь из пригорода Парижа: какой-то виконт раздавил автомобилем его велосипед, а сам он успел-таки соскочить. И добавил, что твердо намерен привлечь виконта к судебной ответственности [249]. Конечно, этот случай взволновал Марию Александровну. Но в эти же дни она была очень обеспокоена бедой, постигшей Дмитрия Ильича. Во время быстрой езды - он спешил спасать больную дифтеритом девочку - недалеко от станции Михнево на крутом повороте сани опрокинулись, и он полетел в овраг. При этом сломал себе ногу и вывихнул ключицу. К счастью, благодаря здоровому организму, дело на поправку пошло успешно. Владимир Ильич радуется этому и в очередном письме к матери с юмором замечает: «Да, да, оказывается не только в Париже на улицах с чертовским движением ездить не безопасно...»[250]. А брата подзадоривает: «Скоро ли опять ходить и ездить будешь?[251].

Письма из Парижа были оптимистичными. Но Мария Александровна сердцем чувствовала, как тяжело сын переживает поражение первой русской революции, с какой яростью он воюет с оппортунистами за восстановление боеспособности партии и как он тоскует по родине, радуясь каждой книге, журналу, газете или скромному подарку, присланному близкими из родного края. Зная об этом, она как-то послала Владимиру Ильичу одну из самых дрогих семейных реликвий - шахматы, выточенные его отцом на токарном станке еще полвека назад. Вот опять почти три года, как она не видела своего старшего сына... А обстановка в России так и не позволяет ему сюда приехать. Сильно тоскуя и чувствуя, что надвигающиеся годы уносят силы, она готова сама съездить за границу, чтобы встретиться с ним, например, в Стокгольме. Владимир Ильич, еще в феврале советовавший матери весной выбраться из Москвы «куданибудь на Волгу или в деревню», сразу же подхватил ее идею о встрече в столице Швеции. Уже в письме от 28 марта он подробно рассказывает матери, как лучше совершить путешествие: «Насчет нашего свидания в ав-

густе было бы это архичудесно, если бы не утомила тебя дорога. От Москвы до Питера необходимо взять спальный, от Питера до Або тоже. От Або до Стокгольма пароход «Буре» - обставлен отлично, открытым морем идет 2-3 часа, в хорошую погоду езда как по реке. Есть обратные билеты из Питера. Если бы только не утомительность железной дороги, то в Стокгольме чудесно можно бы провести недельку!»[252].

Однако поездка весной не состоялась... В ночь на 24 апреля в дверь квартиры Ульяновых застучали полицейские. Мария Ильинична писала впоследствии: «Помню, как мать, которой было в это время 75 лет, быстро и не теряя присутствия духа, обратилась ко мне со словами: «Если у тебя есть что-нибудь, что надо спрятать, дай скорее мне». Я сунула ей спросонья какое-то письмо, которое не успела спрятать раньше, и мы открыли дверь. Хотя обыск был, как обычно, и личный, и обыскивали и мать, но у нее смотрели более поверхностно, и к тому же она так ловко припрятала данное ей мною письмо и держалась так спокойно, что не возбудила ни в ком подозрения»[253].

Полиция в этот раз не нашла ничего «преступного», но Марию Ильиничну все-таки увели в охранное отделение. Мать с горечью писала старшей дочери в Саратов: «Понятно, что эти «гости» меня страшно встревожили... В четвертом часу дня Маня возвращается; упросила начальника охранного отделения отпустить ее домой, так как очень тревожится о матери.

Просьбу ее исполнили, говоря, что пока нет серьезных улик против нее, а только подозрение и что 3 дня она должна проводить под арестом дома. Поместили к нам 4-х полицейских чинов: двое в прихожей и двое отчасти в зале или в кухне. Письма, полученные в эти дни на Манино или мое имя, отправлялись в участок или в охрану: мы писать никуда не могли... Маня стала сейчас сумрачнее... услыхала случайно о массовых арестах здесь и приуныла... упрашивает меня вызвать тебя телеграммой, если ее арестуют... Жаль тревожить тебя, дорогая моя! Вот сейчас 2 ч., а Мани все нет. Знаешь, если она вернется и ей разрешат ехать в Ф. (Финляндию. - Ж.Т.), буду телеграфировать тебе тотчас же: «Маня едет», если ж нет - телеграфирую: «Мама одна», и ты сама решай, как тебе удобно поступать»[254].

Мария Ильинична, к счастью, вернулась через пару

часов после того, как мать закончила в письме свой грустный рассказ о злоключениях в связи с налетом полиции. Много лет спустя Мария Ильинична дополнила его эпизодом, показывающим, как ей тогда помогла находчивость матери: «Она стерегла, чтобы в нашу комнату никто не зашел, и следила за тем, что делают охранники, а я забралась на окно и старалась откивнуть приходящих ко мне знакомых. Приходилось просиживать на окне часами, соскакивая каждый раз по знаку, который мне подавала мать, но все же с ее помощью мне удалось дать знать ряду лиц, направляющихся в нашу квартиру, о том, что у нас полиция и чтобы они повернули вспять»[255].

В конце концов полицейская засада была снята. И как только Марию Ильиничну освободили из-под домашнего ареста, она выехала в Финляндию - в поселок Ино-Неми (ныне пос.Песочное Выборгского района), где товарищи нашли ей место домашней наставницы детей в семье инженера В.А.Савельева, лояльно относившегося к политическим поднадзорным. Проводив дочь, Мария Александровна отправилась ко все еще не излечившемуся после дорожной аварии младшему сыну в уже знакомое село Липитино Серпуховского уезда.

В начале мая пришло письмо Марии Ильиничны, сообщившей, что Савельевы ей понравились, а вот дети, три девочки-погодки и мальчик-гимназист, поначалу дичатся, а в плохую погоду шалят или, наоборот, хандрят. Марии Ильиничне, впервые взявшейся за обучение и воспитание детей в чужом доме, временами казалось, что будет трудно установить с ними доверительные отношения. В очередном письме к матери она поделилась этими грустными мыслями. Та, не видя оснований для волнений, успокаивающе ответила: «...видно, что настроение у тебя уже не такое хорошее, как раньше... Думаю, что на это повлияла дурная погода, которая также подействовала на детей, и поэтому они капризничали, без этого не бывает, вспоминаю и ваше детство, как вы скучали и капризничали во время продолжительного ненастья летом, когда не могли гулять и бегать. Терпенье, дорогая моя, терпенье, всей душой желаю, чтобы ты привыкла к твоим маленьким ученицам и полюбила бы их, и они ответят тебе тем же, дело у тебя живое, не сухая канцелярщина, и как рада была бы я, если бы ты втянулась в него...[256]

Твердая, проверенная на личной богатой практике уверенность, что терпение и любовь взрослого не могут не вызвать ответного доброго чувства у детей, оправдалась, и мать искренне была рада, когда узнала, что ребята Савельевых начали привыкать к ее дочери-наставнице.

Рассказывая в письмах из Липитина о своем житье-бытье, Мария Александровна сообщила Марии о предложении Анны прокатиться в мае по Волге: «Ане обещали бесплатные билеты. Такая прогулка меня очень соблазняла, люблю я очень Волгу и прогулку на пароходе...» Но тут же добавила, что май может оказаться холодным, да и поездка по железной дороге до Саратова и обратно обременительна, поэтому они с Аней лучше поедут поближе к Ино-Неми.

Так они и поступили. Как только Анна Ильинична подъехала из Саратова, Мария Александровна отправилась вместе с нею в Финляндию, где близ железнодорожной станции Териоки (ныне город Зеленогорск), в деревне Леппенено, они сняли две комнатки в доме Екатерины Лясонен. Это дачное место находилось неподалеку от поселка, где учительствовала Мария Иьинична, да и поближе к Стокгольму...

И вот, на исходе лета, Владимир Ильич сообщил родным адрес, по которому он будет проживать в столице Швеции в ожидании их приезда. А в письме к матери от 22 августа он написал, что ждет ее 4 сентября на стокгольмской пристани, и закончил словами: «До скорого свидания!»[257].

В Стокгольм мать ехала с Марией. Долгожданная встреча состоялась раньше намеченного срока - 31 августа. В тот же день мать написала Анне: «... погода была прекрасная. Пароход опоздал и подошел к Стокгольму в начале 10-го. Мы стояли с Маней у самого барьера и вскоре увидели Володю. Я не узнала бы его, если б Маруся не указала. Она прямо взвизгнула от радости, когда увидала его... Я нашла его очень похудевшим и изменившимся, но он уверяет, что чувствует себя очень хорошо. Сняли две комнаты: одна, побольше, для меня и Мани, другая - для него, очень хорошенькие и чистые, не высоко подниматься. Снял он их на 12 дней. Ходили вместе обедать...»[258].

Какое это было счастье - впервые за многие годы без опаски и оглядки, всем вместе ходить по людным улицам! Владимир Ильич, знавший город сравнительно не-

плохо (в апреле 1906 года он руководил в Стокгольме работой IV, Объединительного, съезда РСДРП), служил матери и сестре переводчиком и экскурсоводом. Погода стояла прекрасная, и они совершали большие прогулки, заходили в зоологический сад и музей. Но Мария Александровна видела, что сын не прекращает работы и здесь: занимается в королевской библиотеке, выступает с докладом на собрании социал-демократических групп, ведет переписку по партийным делам, пишет реферат «Международный социалистический конгресс в Копенгагене и его значение»[259].

11 сентября Владимир Ильич выступил с этим рефератом на собрании большевистской группы. Мария Александровна тоже пришла послушать сына. И здесь, впервые в жизни, он предстал перед ней как пламенный трибун. «И мне казалось, - писала впоследствии Мария Ильинична, - что, слушая его, она вспоминала другую речь, которую ей пришлось слышать, - речь Александра Ильича на суде. Об этом говорило ее изменившееся лицо. Но она слушала Владимира Ильича с большим вниманием, очевидно, сильно волнуясь. «Он хорошо говорил, так сильно и красноречиво, - сказала она мне потом, - только зачем он так сильно напрягается, так громко говорит - это ведь так вредно. Не бережет он себя!»[260].

Мать, естественно, заботилась о его здоровье, но понимала, что он не может говорить спокойно о наболевших вопросах революционного движения. И гордилась, что солидная аудитория слушает сына внимательно и верит ему.

На следующий день после этого памятного выступления они покидали Стокгольм. Владимира Ильича ждали в Копенгагене, где он обещал выступить перед группой русских эмигрантов-рабочих. Мать с дочерью возвращались в Россию. Вспоминая грустную сцену расставания с любимым братом, Мария Ильинична писала: «Сильно запало в памяти выражение его лица, когда он, стоя на пристани - на пароход он не мог войти, так как этот пароход принадлежал русской компании и его могли там арестовать, - смотрел на мать. Столько боли было тогда в его лице! Марии Александровне уже исполнилось 75 лет, и так мало вероятия было, что ему еще когда-либо удастся повидать ее»[261].

Наверное, подобные же чувства испытывала и Мария Александровна...

По возвращении в Москву она с младшей дочерью готовится к отъезду в Саратов. Для этого имелось несколько причин. Дмитрий Ильич, под предлогом поправки здоровья, уже начал хлопоты по переезду из Липитина в Крым с тем, чтобы под прикрытием врачебной деятельности помочь укреплению местных большевистских организаций. Елизаровы сравнительно прочно обосновались в городе на Волге, и для Марии Ильиничны там тоже имелось большое поле для нелегальной работы.

В начале ноября 1910 года переезд в Саратов состоялся.

САРАТОВ
(1910-1913)

Первые месяцы Мария Александровна с дочерьми и зятем жила в доме N 7 на Панкратьевской улице (ныне Мичурина, 66), а с весны 1911 года - на Угодниковской (теперь Ульяновская), в доме N 26. Детям было удобно, что квартира находилась в рабочем районе и имела черный ход - легче было скрываться от бдительного ока полиции.

Марк Тимофеевич служил агентом страхового общества «Саламандра», часто бывал в командировках. Мария, не без помощи местных большевиков, устроилась в городской управе. Анна вела домашнее хозяйство и готовила приехавшую из Самары племянницу мужа Надю Голубятникову к сдаче экстерном экзаменов за курс женской гимназии. Немало забот появилось у Анны и по воспитанию четырехлетнего Горы Лозгачева, сына местного дворника, - она с мужем со временем собирались усыновить этого мальчика.

Местная охранка с самого начала была проинформирована о том, что Ульяновы и Елизаровы - родные Ленина и что супруги Елизаровы и Мария Ульянова - большевики. Поэтому слежка за ними велась тщательная. Однако сестры Ульяновы и Марк Елизаров обладали уже настолько богатым опытом конспиративной работы, что им удалось к весне 1911 года восстановить трижды разгромленный большевистский центр. Они умело использовали и подпольные, и легальные методы: боролись за активизацию деятельности профсоюзов, вели пропаганду среди рабочих, печатали обличительные статьи на страницах «Приволжской газеты», организовали сбор средств в помощь политзаключенным.

После долгих мытарств в начале мая Дмитрий Ильич с большим трудом получил место санитарного врача в Феодосии. Узнав, что здоровье матери внушает тревогу, он рекомендовал Анне Ильиничне немедленно вывезти ее на лечение в Бердянск. Настаивая на этом курортном местечке, он, как врач, имел в виду и минеральные ванны, и великолепное сочетание морского влияния и степного воздуха, благотворно сказывающееся на состоянии сердца и дыхательных путей, ослабляющее приступы астмы.

Мария Александровна всегда верила в медицинские познания Дмитрия и последовала его совету. В конце того же месяца они с Анной уже были в Бердянске, небольшом украинском городке, на берегу теплого Азовского моря, с прекрасным песчаным пляжем.

Вот только с жильем в первый месяц пребывания не везло: пришлось сменить три квартиры. Одна оказалась неудобной из-за грязного и перенаселенного двора, а хозяин другой, вполне подходящей и тихой, узнав, что у него поселились мать и сестра известного революционера, предложил освободить жилье... И только у инспектора училища В.Н.Дегтярева, человека прогрессивных взглядов, они обрели покой. Анна Ильинична сообщает об этом 25 июня сестре, снова выехавшей на лето учительствовать в Финляндию: «Пишу опять с новой квартиры. Ох, надоело как менять! Вот адрес: Городское 4-классное училище, на углу Пушкинской, квартира инспектора... Мамочка начала уже спускать t^0 ванны и скоро, вероятно, перейдет к морю»[262].

Как-то к Дегтяреву пришел молодой человек Т.Н.Шарков для сдачи экзаменов на звание учителя. Свой реферат «Пушкин и декабристы» он прочитал в присутствии Ульяновых. Когда Мария Александровна узнала, что Шарков уже учительствует на селе, она с одобрением сказала: «Мой муж был учителем и всегда хвалил педагогическую работу, считал ее великим делом. Я того же мнения. Любая работа хороша, но самая благородная - учить детей»[263].

Находясь на юге, Мария Алексанровна с Анной попрежнему выполняли роль связующего звена между остальными членами семьи: в Бердянск шли письма из-за границы от Владимира и Надежды, из Феодосии - от Дмитрия и Антонины, из Териоки - от Марии и из Саратова - от Марка. Насколько интенсивной была перепис-

ка, можно судить по отрывку из письма Марии Ильиничны от 23 июля к матери, «Вчера получила я два твои письма от 14-го и 15-го, письмо с вложением Володиного тоже получила...»[264].

В августе Мария Александровна вернулась в Саратов, куда приехала также младшая дочь. Анна с мужем под предлогом лечения съездили к Владимиру, и мать смогла узнать от них многое, чего нельзя было писать в письмах. Зимовали Ульяновы и Елизаровы опять все вместе. Мать видела, что дети буквально поглощены общественной деятельностью, волновалась за них и продолжала помогать им конспирировать. К несчастью, в подполье сумел проникнуть провокатор, который выдал жандармам руководство Саратовского большевистского центра, и в дом опять нагрянула беда...

В ночь с 7 на 8 мая 1912 года полицейские и шпики подошли к подъезду, где жили Ульяновы и Елизаровы, и под угрозой взломать дверь потребовали немедленно открыть ее. Когда их впустили, они быстро рассыпались по квартире и установили наблюдение за каждым членом семьи. Больную и взволнованную Марию Александровну изолировали в ее комнате и приставили к двери часового[265]. Рано утром полиция увела Марию и Анну (Марк был в отъезде), оставив старушку мать одну, полную отчаяния...

Мария Александровна устояла и при этом ударе. Взяв себя в руки, она начала действовать. В тот же день послала предупредительное письмо брату Марка Тимофеевича: «Пишу Вам, Павел Тимофеевич, по поручению Ани, которая просит Вас сообщить Марку следующее: в ночь с 7 на 8 мая нагрянула к нам полиция для обыска, предъявила бумагу из охранного отделения с требованием арестовать Марка, Аню и Марусю, даже в том случае, если ничего предосудительного, запрещенного найдено не будет!

Аня просит Вас очень передать это письмо по возможности скорее Марку и сказать ему, что она советует и просит его не спешить с приездом сюда. Беспокоимся за его здоровье... Прибавлю еще, что при обыске не было ничего найдено, только у Маруси один номер газеты «Звезда». Нагрянули 15 человек, обыскивали с 12 часов до 6 часов утра, перерыли все, снимали чехлы с мебели, развинчивали печки, искали на кухне, на чердаке, мы не спали всю ночь, ничего... наконец, предложили нашим собираться»[266].

Когда же Марии Александровне стало известно, что Марк Тимофеевич уже плывет в Саратов, то она, стремясь спасти его от ареста, отправилась на пристань к пароходу, сумела найти зятя, предупредить об облавах и дала ему возможность уехать куда-нибудь на время[267].

С грустью сообщила мать Владимиру об аресте Анны и Марии, а он откликнулся 27 мая теплым письмом: «Дорогая мамочка! Вчера вечером приехал в Париж из маленькой поездки по делам и нашел твое письмо с печальной вестью об Ане и Маняше. Я уверен, что долго продержать их не смогут: слишком очевидна нелепость такого ареста. Дошло до того, что Анюте прямо говорят: ненадолго! Вероятно, в теперешние времена в провинции хватают совсем зря, «на всякий случай».

Есть ли у тебя знакомые, моя дорогая? Навещает ли кто-нибудь? Хуже и тяжелее всего в таких случаях внезапное одиночество. Есть ли письма и вести от Марка и Мити?»[268].

В этом же конверте оказалось письмо и от Надежды Константиновны. Она тоже выразила уверенность, что Маняша и Анюта арестованы по недоразумению и скоро их выпустят. «Обидно только, что всем вам пришлось так переволноваться и так тяжело, пока все это разъяснится, - писала она. - Берегите себя, дорогая моя, любимая. Крепко Вас обнимаю и целую. Ваша Надя. Мамочка шлет Вам горячий привет»[269].

Через пять дней Владимр спрашивает у матери о делах сестер и выражает надежду, что с Анной она скоро встретится дома. «Но если аресты особенно широки, - успокаивает он мать, - то может пройти некоторое время просто на то, чтобы разобрать, рассортировать всех арестованных». Обращаясь с просьбой сообщать ему о новостях, он сердечно добавил: «Может быть, при более частой переписке ты будешь чувствовать себя все же несколько менее тоскливо»[270].

Как ни трудно было Марии Александровне, она вела борьбу за освобождение Марии и Анны. Но сказывались годы - ей шел 78-й, - ослабление здоровья болезнями (грипп, малярия, астма, ишиас) и постоянными треволнениями из-за преследования охранкой ее детей: когда она пошла в жандармское управление хлопотать о дочерях, силы оставили ее, и ей сделалось дурно. «Возможно, что вследствие этого Анна Ильинична, об участии которой в местной с.-д. группе у жандармов не было

данных, была скоро освобождена»[271], - писала Мария Ильинична.

Было начало лета, а жара в Саратове стояла необычная - воздух в тени накалялся чуть ли не до 50 градусов. И именно в это время пришлось сменить квартиру - переехать в небольшой кирпичный дом на Царевской улице (ныне Пугачевская, 78). Мария Александровна чувствовала себя неважно, и Анна Ильинична решила вывезти ее на Ижевский завод, где жила племянница матери М.А.Грачевская. На поездке настаивали и Мария, и Владимир - и мать с Анной 12 июня отправились в Ижевск.

Пятидневное путешествие на пароходе по Волге и Каме, пребывание в прохладном крае и прогулки по лесу благотворно влияли на здоровье Марии Александровны. Но, несмотря на все уговоры родных, она уже в конце того же месяца вернулась в Саратов: могла ли она отдыхать, когда младшая дочь томится за решеткой?..

Мария за время заключения в тесной одиночке похудела, у нее развилось малокровие. Мать с Анной предпринимали все, чтобы усилить питание; советовали требовать дополнительной прогулки в тюрьме и больше заниматься гимнастикой; регулярно приносили ей и всю необходимую литературу для самообразования и развлечения.

Прошло пять долгих месяцев мучительных ожиданий, пока в октябре следствие по делу 16 активнейших саратовских большевиков наконец-то закончилось. Марии назначили три года ссылки в Астраханскую губернию, но, благодаря настойчивым хлопотам матери, местом ссылки определили Вологодскую губернию.

17 ноября 1912 года мать проводила Марию в далекий путь. Дочь поехала в Вологду поездом через Москву, в сопровождении конвоира. Хорошо, что смог поехать с ней до места Марк Тимофеевич, чтобы помочь ей там устроиться.

Разлука с младшей дочерью для Марии Александровны была не первой, но с каждым разом переносилась все тяжелее - сказывались годы и пережитое. Комната, в которой они жили вместе с Маняшей, в последние полгода стала казаться огромной и пустой, а в душе постоянно жило щемящее чувство боли, тоски и тревоги, не проходившее даже теперь, когда дочь вышла из тюрьмы. Чтобы как-то отрешиться от переживаний, Мария

Александровна садится за пианино, пробует играть с Анной в четыре руки «Травиату» Д.Верди, пытается отвлечься шахматами, просматривает только что присланный из Москвы каталог книжного магазина Готье, выходит погулять, благо погода стоит хорошая. Свято была выполнена просьба Маняши позаботиться о девчурке Мальке, которая вместе со своей матерью оставалась в тюрьме: в первый же приемный день Аня передала ей булки, сушки, чай, какао, сахар.

Прошло двое суток, как мать рассталась с младшей дочерью, и каким радостным оказался вечер 19 числа: почтальон принес открытку от Маняши из Москвы, а кроме того - письма от Володи из Кракова и Мити из Феодосии! На следующий день мать уже посылает детям ответы. Марии заботливо сообщает: «Пишу сегодня Володе, прошу посоветовать, что выписать тебе для перевода». В конверт она вложила также письма Владимира, Дмитрия и Анны и поспешила на вокзал, чтобы почта ушла с первым же поездом[272].

С 25 ноября стали регулярно, на четвертый-пятый день, поступать письма из Вологды. Узнав, что Маняша нашла себе меблированную комнату и домашние обеды, Мария Александровна стала спокойнее, особенно когда появилась надежда, что дочь оставят отбывать ссылку в самой Вологде. Мать советует ей взять напрокат пианино, одобряет намерение давать уроки французского языка, обещает сразу же выслать необходимые книги для чтения и учебники.

Вести из ссылки приходили как будто утешительные, тем не менее было ясно, что Марии нелегко на новом месте, одной, вдалеке от родных и друзей - никто из сосланных знакомых-саратовцев не попал в Вологду. Но мать с Анной знали, что переживания Марии усугубляются разлукой с близким товарищем по партийной работе С.С.Кржижановским, к которому она питала глубокие чувства, с пониманием относились к этой личной трагедии и, чем могли, старались скрасить жизнь Марии в ссылке: часто писали, пересылали ей корреспонденцию, полученную от братьев из Кракова и Феодосии, книги, ноты. Однако Мария Александровна не могла быть спокойной и сама рвалась в Вологду. Анне Ильиничне, с помощью сестры, вначале удалось было уговорить ее отложить поездку на север до весны. Успокаивал мать и Владимир Ильич. Он писал 8 или 9 декабря 1912 года:

«Беспокоиться тебе за Маню, я думаю, не следует: Вологда лучше Астрахани в климатическом отношении (там заразные болезни сильнее и опаснее); знакомые найдутся. Город все же не очень далек от Питера и Москвы. Наверное, питерские газеты на другой день приходят»[273]. Конечно, все это было так, и тем не менее Мария Александровна порывалась съездить к Марии хотя бы на время рождественских и новогодних праздников, да приболела и 29 декабря вынуждена была с сожалением написать ей: «Поехала бы я с радостью к тебе, но теперь это совершенно невозможно, т. к. со мной была маленькая энфлуэнца и я не выхожу на воздух со 2-го праздника... Берегись простуды, дорогая моя, особенно после бани. Вот и 2 часа, мы уже пообедали, а письма твоего опять нет! Может быть, к вечеру принесут, обрадует меня это очень!!. Если здоровье позволит, приеду в марте»[274].

В начале февраля 1913 года, в преддверии празднеств по случаю 300-летия дома Романовых, всюду говорили о возможности большой амнистии. Забрезжила надежда, и Мария Александровна спешит обсудить с Марией осуществление появившихся перспектив. Она пишет 17 числа: «Маруся, я надеюсь сильно на амнистию и жду с нетерпением 21 числа. Если ты будешь свободна - не лучше ли тебе - если будешь совершенно здорова - ехать прямо к Мите, там хорошо теперь, а мы, окончив здесь все сборы, поспешим туда же...»[275].

Но радужному плану собраться этой же весной всем вместе в Феодосии у Дмитрия не суждено было сбыться. В долгожданный день 21 февраля Мария Александровна пишет дочери в Вологду: «Ждала я с нетерпением сегодняшнего дня, принесли газету, и я несколько разочарована... увлеклись мы слишком, да, невольно верится, когда так сильно желаешь. Впрочем, не все надежды рухнули, на сокращение можно еще надеяться, поживем теперь вместе, как будет теплее - могу буду пуститься в путь к тебе; малярия моя прошла...»[276].

С этого дня начались хлопоты по продаже имущества в Саратове и обсуждение с Марией вариантов вологодской квартиры, пригодной для проживания семьи летом. Но слабое здоровье матери внушало опасения, и Анна Ильинична настаивала на том, чтобы ранней весной, когда в Вологде еще сыро и прохладно, они с матерью погостили на юге, у Мити. Мария Ильинична в доверительном письме к сестре тоже советовала повезти мать

сначала на юг. Однако на всякий случай сняла более просторное жилье (Екатерининско-Дворянская, 40).

Мария Александровна догадалась о замысле дочерей и 5 марта писала Мане в Вологду: «Я желала бы всей душой ехать прямо к тебе, но Аня волнуется, нервничает и настаивает ехать прежде к Мите. Я подозреваю, что по ее совету и желанию ты просишь меня в последнем письме твоем пожить у Мити... если сделаю это по настоянию Ани - не думаю, чтоб это было мне очень полезно, и едва ли хорошо отдохну там, особенно душой...»[277].

Общими усилиями детям удалось-таки уговорить мать съездить подлечиться в Феодосию, куда она и добралась с Анной в конце марта. Местность, где снимали квартиру Дмитрий с Антониной, была дачной, невдалеке от песчаного берега моря, в двух верстах от города. Мария Александровна каждый день ходила к морю, любовалась им, собирала ракушки для Маняши и мыслями была с ней в Вологде. Зная уже, что дочери придется находиться там, в ссылке, еще полтора года, она до отъезда на юг уже отправила в Вологду пианино, свою кровать, шкаф, часть хозяйственных и лично своих вещей. Мария, Дмитрий с женой, Анна горячо уговаривали мать пожить в Феодосии хотя бы часть мая, а она наоборот, все сильнее рвалась отсюда, готова была оставить Аню долечиваться (горячими солеными ваннами) и отправиться одна на далекий север. «Как ни красивы здесь море, природа, окрестности, - писала Мария Алексанровна Маняше 21 апреля, - но я нагляделась на все это, и не пугает меня скромная Вологда, напротив, так и поскакала бы туда...»[278]. А газеты сообщали о снежных ураганах, свирепствовавших даже южнее Вологды, и она вынуждена была подчиниться категорическому запрету лечащего врача менять теплую погоду на вторую зиму.

Тревожные вести приходили от Владимира из Поронина, куда они с Надеждой Константиновной переехали из Кракова на лето. Он писал, что базедова болезнь у жены обострилась. Судя по всему, ей предстоит сложная и опасная операция в Берне.

В начале мая из Саратова приехал Гора Лозгачев со своей матерью. Незадолго до этого Марк Тимофеевич наконец юридически оформил его усыновление, и с этого момента, не порывая связи со своими родителями, мальчик стал полноправным членом семьи Елизаровых. Мать Горы уехала домой, а он остался отдыхать у моря

со своими воспитателями. С приездом приемного сына Анна Ильинична уговаривает мать пожить в Феодосии до конца месяца.

Сообщая об этих и других событиях, главным образом семейного характера, Мария Александровна, как настоящий конспиратор, умудрялась в письмах к Марии передавать и иные интересующие ее новости. И не харатерный ли образчик эзоповского языка такие ее строки письма из Феодосии: «Вчера вечером были у нас гости, несколько знакомые тебе (Тоня встретила их случайно здесь), муж и жена, ее ты встречала, вероятно, в Киеве, где вы поселились близко, после 1-го января... он прожил также там вблизи, а поженились они уже потом, фамилию их забыла, слышала, что Тоня называла ее Зиной...»[279]. Вряд ли жандарм, в руки которого попало бы это письмо, смог догадаться, что Мария Александровна напоминает о событии, когда в Киеве в январе 1904 года были арестованы Анна, Мария, Дмитрий и Антонина Ульяновы, а также Зинаида и Глеб Кржижановские. Марии Ильиничне же строки материнского письма говорили о многом.

В конце мая для Марии Александровны наступил долгожданный день, когда она вместе с Анной и Горой выехала поездом через Москву в Вологду, а 1 июня состоялась и радостная встреча с Маняшей.

ВОЛОГДА
(1913-1914)

Путешествие через всю страну, с юга на север, продолжавшееся почти четверо суток, было утомительным для Марии Александровны, но то мгновение, когда сразу же после остановки поезда на перроне вокзала она увидела спешащую к вагону, приветственно машущую рукой и смеющуюся Маняшу, искупало все дорожные мучения.

Древний северный город, являвшийся ровесником Москвы, Мария Александровна видела впервые. Вологда с населением в 35 тысяч человек выглядела провинциальнее Саратова, более шумного и оживленного волжского города, где проживало в три раза больше жителей. Широкие и прямые вологодские улицы с непривычки казались пустынными, однако привлекали внимание неповторимым колоритом северной деревянной ар-

хитектуры домов, изобилием церквей (их было, оказывается, 47 - чуть ли не вдвое больше, чем в Симбирске) и мощными стенами двух монастырей.

Стоявшая на одноименной реке, впадавшей в Сухону, Вологда имела водную связь с Архангельском и Петербургом, куда издавна отправлялись на судах льняное семя, коровье масло, лен, холст, щетина, овес и другие традиционные товары. С постройкой в начале 1913 года в Ярославле железнодорожного моста через Волгу Вологда получила удобное сообщение и с Москвой. Словом, в 1913 году она уже не являлась глушью, и пульс социально-экономической жизни здесь бился с такой же частотой и полнотой, как в большинстве других губернских центров России.

Едва только Мария Александровна ознакомилась и немного свыклась с новым для себя городом, она в письме к Марку Тимофеевичу (находившемуся в Омске на должности контролера Российского транспортного и страхового общества по Сибири и Приуралью) благожелательно отозвалась о Вологде: «Конечно, и окрестности здесь не те, что в Феодосии - нет моря, нет тех чудесных видов, как там, но все же Вологда понравилась мне более, чем я того ожидала. Здесь масса зелени, что мне очень нравится, и пыли не так много, как бывало в Саратове и Феодосии. Не далеко от нас поле, луга с полевыми цветами - воздух там прекрасный, а дальше рожь, где мы собираем васильки. Гора чувствует себя очень хорошо там, порхает, как бабочка, и возвращается домой с огромными букетами. Мы были там уже несколько раз. Бывали и на набережной реки Вологды, пристают довольно большие пароходы, вид с набережной красивый, а дальше по ней березовая роща, а за ней прелестный садик с красивыми цветами на клумбах, и в нем домик Петра Великого, который мы осматривали, и там есть красивые места для прогулок»[280]. Поистине неиссякаемы были любовь и тяга Марии Александровны к природе... Сообщая же о семейных новостях, она с грустью поведала о скором отъезде Ани, о полученной открытке от Володи из Вены, куда он поехал с Надеждой Константиновной посоветоваться с врачами относительно ее базедовой болезни, о житье-бытье Мити в Феодосии.

В конце июня Анна Ильинична уехала с Горой - сначала в Пермь, куда подъехал Марк Тимофеевич, а потом

в Петербург, где появилась возможность работать секретарем редакции нового легального марксистского журнала «Просвещение», и Мария Александровна осталась с Маняшей. Они подыскали более удобную для себя квартиру - на Московской улице (ныне Советский проспект, N 16а) в доме А.П.Самарина, человека, поддерживавшего связи с демократической интеллигенцией города. Сообщая новый адрес в Феодосию, Мария Александровна сетовала на возню и хлопоты по укладке вещей для переезда в новое жилье: «скучная и утомительная это вещь, и сколько раз пришлось мне испытать это в нынешнем году...»[281].

На втором этаже деревянного дома Самарина, где они заняли квартиру из трех комнат (спальни, гостиной-столовой и кабинета), имелся балкон, украшенный балюстрадой с затейливой северной резьбой, где можно было с удовольствием посидеть в хорошую погоду, а в воскресенья и праздники слышать состязание искусных звонарей церквей, расположенных неподалеку, на Торговой площади.

Для Марии Александровны не было ни неожиданностью, ни секретом, что немаловажным достоинством дома Мария считала наличие двух входов - парадного, с улицы, и «черного» - со двора. Оказалось, у дочери здесь достаточно знакомых. По вечерам у них частенько собиралось по нескольку человек из колонии ссыльных, которые часами вели оживленные беседы и дискуссии. Среди них были В.В.Воровский, И.Е.Любимов, Ю.Э.Клиндзинь, О.А.Варенцова, В.П.Милютин, И.А.Саммер и другие социал-демократы и большевики. Говорили о заметном оживлении революционного движения в стране, резолюциях проведенного Лениным осенью 1913 года в Поронине совещания большевиков «О задачах агитации в настоящий момент» и «По организационному вопросу и о партийном съезде»; обсуждали вопросы деятельности местного легального общества «Просвещение», организации платных лекций, сборы от которых шли на партийные нужды, на помощь товарищам по заключению и ссылке; решали дела по распространению «Правды», «Работницы» и других большевистских изданий среди рабочих, подготовке обличительных корреспонденций, поддержанию связей с единомышленниками в других городах. Мать не могла не понимать, не чувствовать серьезности всего происходящего.

Время от времени в их квартире устраивались импровизированные вечера самодеятельности, когда, уступая дружной просьбе гостей, садилась за пианино и Мария Александровна и играла вместе с дочерью, в четыре руки, Мендельсона, Грига, Вагнера... Иногда пели все хором, негромко, но с большим чувством и воодушевлением любимые студенческие и революционные песни: «Сбейте оковы», «Слушай», «Не слышно шума городского», «Вихри враждебные» и «Варшавянку» с клятвенным припевом:

Но мы поднимем гордо и смело
Знамя борьбы за народное дело,
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу...[282]

В такие минуты старая мать чувствовала себя причастной к этой приподнятой атмосфере собраний одухотворенных благородными целями, самоотверженных и бескорыстных молодых людей, среди которых ее дочь пользовалась большим доверием и авторитетом.

В действительности, зимой 1913/14 года в Вологде сложилась довольно сильная большевистская группа, фактическим руководителем которой являлась Мария Ильинична Ульянова. Мать с уважением наблюдала, как по-прежнему серьезно дочь занимается самообразованием. Владимир Ильич и из Кракова, и из Поронина шлет сестре в Вологду необходимую литературу, делится в «химических» письмах новостями политической жизни, а Петербургский комитет большевиков и Заграничное бюро большевиков при каждой оказии пересылают для Марии Ильиничны нелегальные журналы, газеты и листовки, которые она, в свою очередь, распространяет среди единомышленников. Мария Александровна с пониманием и сочувствием относилась к важной общественной деятельности своих детей и их товарищей по борьбе, и несмотря на преклонный возраст, в душе чувствовала желание тоже делать что-нибудь посильное на пользу народу. Позже Мария Ильинична писала: «Помню, как она поразила меня как-то в Вологде - ей было тогда уже почти 80 лет - сказала мне: «Не хочется так жить без дела, поехала бы я куда-нибудь в деревню, учить крестьянских детей грамоте»[283]. Но приходилось ограничиваться тем, что помогала детям в меру своих сил. А они готовили большое и важное для народа дело...

Мария Ильинична искусно конспирировала, но ее переписка с Владимиром Ильичем и сестрой Анной, поступление на ее имя хотя и легальной, но все же оппозиционной периодики, тесное общение с лидерами местного революционного подполья - все это не могло не вызывать беспокойства жандармов. Они установили за Ульяновой бдительную слежку. Из журнала их наблюдений видно, что филеры фиксировали чуть ли не каждый ее выход на улицу, вплоть до прогулок с матерью в городском саду и посещения ими в Дворянском собрании 5-й художественной выставки картин[284].

Беспокойство за безопасность дочери да и долгая зима сказались на здоровье Марии Александровны, и в феврале 1914 года она приболела. Узнав об этом от сестры, Владимир Ильич в письме от 16 числа из Кракова с волнением спрашивает: «Как мамино здоровье? Поправилась ли она вполне?»[285]. К счастью, ее состояние вскоре улучшилось, а вот у Маняши от напряженной деятельности начались головные боли. Мать обращается за советом к Дмитрию, находившемуся в командировке в Москве. Тот живо откликнулся и в письме от 1 марта горячо советовал уповать не на лекарства, а на соблюдение режима: «во 1-х, гулять ежедневно, не менее 1,5-2 часов (в 2 приема), во 2-х, спать досыта. Порцию свежего воздуха постоянно увеличивать и спать, спать, спать самым добросовестным образом.

Маняхен скажет, шутливо продолжал Дмитрий Ильич, - что это свинство писать так тебе, но я пишу вам обеим, мои дорогие, и даю совет только потому, что глубоко убежден в его правильности и полезности»[286].

Мария Александровна и сама была убеждена в правильности этого совета и уже в апреле направила в департамент полиции прошение о разрешении ссыльной дочери выехать на лето в деревню. Мария Ильинична подала прошение губернатору, указав и конкретное место - село Раскопино, находившееся в 15 верстах западнее Вологды, около разъезда Молочный. Местная жандармерия возражала против выдачи такого разрешения, полагая, что в селе М.И.Ульянова, «будучи без должного надзора, легко может вредно, в политическом отношении, повлиять на крестьянскую среду». И все-таки губернатор разрешил, и вместе с прибывшими из Петербурга Анной Ильиничной и Горой Ульяновы 16 июня поселились в Раскопине, где сняли избу крестьянина П.А.Кукушкина [287].

Вспоминая много лет спустя о проживании в этой типичной для русского Севера местности, приемный сын Анны Ильиничны писал: «Целые дни мы наслаждались прогулками по окрестностям деревни, по полям и лесам, возвращаясь с нагруженными брусникой берестовыми туесками и огромными букетами полевых цветов в руках. Даже Мария Александровна и та позволяла себе сравнительно далекие прогулки... Оберегая ее здоровье и силы, мы организовывали где-нибудь привал на опушке леса, где она вволю отдыхала, в то время как мы неподалеку собирали ягоды»[288]. По вечерам можно было полюбоваться мастерством крестьянских девушек, которые собирались на «посиделки» под окнами избы Кукушкина, с помощью пяльцев и коклюшек ловко плели изумительные по изяществу вологодские кружева и до глубокой ночи напевали мелодичные протяжные песни.

Поэтическая прелесть дачно-деревенской жизни через десяток дней была грубо прервана налетом вологодской полиции, нагрянувшей к Ульяновым. По ошибке ордер на обыск оказался выписанным не на младшую дочь, а на мать. Исправник, который решил делать все «по закону», несмотря на то, что видел перед собою глубокую старушку, предложил ей добровольно отдать все нелегальное, что только имеется. Мария Ильинична в связи с этим вспоминала: «Находившаяся в то время у нас Анна Ильинична оборвала его словами: «Да вы что, издеваетесь? Вы не видите, с кем вы разговариваете?» Исправник несколько смутился, но в оправдание свое заявил, что он обязан сделать все «по форме». В результате он забрал с собой паспорт матери и почти все имевшиеся у нас легальные книги...»[289]. К несчастью, в одной из кадушек, находившихся в сарае, были найдены запрещенные журналы и газеты. Стражники увезли Марию Ильиничну в Вологду, чтобы произвести обыск в ее городской квартире. Она успела все же убедить сестру немедленно уехать, чтобы не «влететь» в дело.

Мария Александровна осталась одна в деревне. «Каково же было мое изумление, - продолжала Мария Ильинична, - когда, сойдя с поезда (на Молочном разъезде. - Ж.Т.), уже почти ночью, я увидела на вокзале мать, которая поджидала меня. Дома она не могла усидеть: ее слишком беспокоил результат моей поездки, она хотела как можно скорее знать, что со мной, и для этого отправилась на вокзал ночью (две версты пути. - Ж.Т.), хотя

и не знала, что меня отпустят, и там поджидала в течение долгого времени»[290].

Не успели улечься волнения в связи с обысками, как пришло ошеломляющее сообщение о вступлении России в только что вспыхнувшую мировую войну. Одна за другой тревожные вести стали поступать и к Ульяновым. Из письма Дмитрия Ильича от 22 июля мать узнала, что он призван в армию и назначен ординатором крепостного госпиталя в Севастополе[291]. Почти одновременно пришло письмо Марка Тимофеевича из Петрограда, в котором он писал о начавшемся разгуле ультрапатриотизма и намекнул жене об аресте знакомых большевиков[292].

В начале августа Ульяновы вернулись в Вологду, а 8 числа в газете «Русское слово» появилась заметка об аресте многих русских эмигрантов в Австрии и Германии. В числе их оказался «известный с.-д. Ленин, задержанный в Кракове. К арестованным применен суровый режим, применяемый в Германии к арестованным по подозрению в шпионстве... У арестованных конфискована переписка с Россией». Какое-то время Анне Ильиничне и Марии Ильиничне удавалось скрывать от матери это горестное известие, и она, не получая давно писем от Владимира Ильича, полагала, что он находится в Стокгольме, столице нейтральной Швеции. Когда же узнала правду, была так потрясена, что слегла, пролежав три недели в постели. Дмитрий Ильич успокаивал и одновременно просил старшую сестру в письме от 15 августа: «Очень бы хотелось верить, что известие то в Р.С. оказалось неправильным, если ты что-нибудь выяснила, пожалуйста, напиши»[293]. Но не так-то просто было выяснить достоверность газетной заметки, когда линия фронта прервала связь между воюющими сторонами...

В эту тревожную пору, 21 августа, на основании результатов обыска и дознания, распоряжением вологодского губернатора Мария Ильинична была подвергнута месячному аресту, который отбывала в 3-м полицейском участке. Это было уже пятое в ее жизни заключение, и для матери, еще не вполне окрепшей от болезни, снова начались привычные заботы и хлопоты по облегчению участи томящейся в камере дочери: почти ежедневно она пишет Марии ободряющие письма, передает продукты, книги, теплую одежду.

С приближением выхода дочери на свободу и одновременно окончания срока ее ссылки Мария Александровна все чаще и больше размышляет, как поступить в сложившейся обстановке: оставаться ли какое-то время в Вологде, перебираться ли к Ане в Петербург или ехать в Москву с Марией, которая непременно хотела поселиться там, причем одна. Неотступно бередили душу беспокойные думы о судьбе сына и невестки во враждебной Австрии: уже около трех месяцев от них не было ни одного письма...

Наконец, уже в середине сентября, Ульяновы получили из Петербурга от Марка Тимофеевича долгожданную весть о том, что Владимир Ильич освобожден из тюрьмы и подал прошение на проживание в нейтральной Швейцарии, в Берне. Выражая общую радость, что теперь он вне опасности, Анна Ильинична в письме от 19 сентября, посланном в Берн (через Стокгольм и Париж), сообщает Владимиру Ильичу об аресте младшей сестры и болезни матери, которая, хотя и стала выходить погулять « в садик напротив», все еще была очень слаба. И просит: «Не пиши уж лучше ей, если пришлось в большой переделке побывать в Австрии, - будет потом все представляться возможность повторения. Очень она стала нервной. А мне и Марку в Петербург напиши подробнее»[294].

Через три дня Мария Ильинична вышла на свободу. В этот же день, 22 сентября, истек и срок ее ссылки. На семейном совете решили, что Анна пока отправится одна в Петроград, а через некоторое время, в зависимости от обстоятельств военного положения, туда приедет на жительство и матушка.

В начале октября Ульяновы выехали из Вологды в Москву. Мария Ильинична в интересах партийной работы должна была там задержаться, и она провожает мать одну к сестре в Питер.

ПЕТРОГРАД
(1914-1916)

В момент приезда Марии Александровны семья старшей дочери снимала квартиру в доме N 17 на Греческом проспекте, в районе тех самых Песков, где в начале студенческой поры некоторое время жили Саша и Аня; здесь, на Греческом проспекте, в 1905 году квартировал и Вла-

димир Ильич. Дом N 17 был типичным «доходным» домом - с узкими лестницами, низкими потолками и темными прихожими. Хорошо, что квартиру Марк Тимофеевич подобрал сухую и теплую, с окнами на солнечную сторону, и что невдалеке от дома находился садик, где Мария Александровна могла погулять на свежем воздухе.

Она была слаба, но в письмах к детям на здоровье не жаловалась, а сама старалась приободрить их. Как и раньше, мать подробно рассказывает каждому о новостях жизни братьев и сестер, так далеко разбросанных друг от друга. Вот в письме от 16 декабря 1914 года она напоминает Маняше адрес Мити, просит чаще писать ему и Володе. Не забывает сообщить, что Владимир работает над новой книгой (имеется в виду работа «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Выпуск 1. Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки»), и что Аня уже начала переговоры с книжными фирмами об условиях издания.

Письма от Владимира Ильича и Надежды Константиновны шли в Петроград по месяцу, а то и больше, а некоторые, как догадывалась Мария Александровна, и вовсе пропадали. Когда же она получала из Берна письмо или открытку, этот день становился для нее праздником. Зная, как сына и невестку, находившихся восьмой год в эмиграции, интересует буквально все, что происходит на родине, она выписала на их адрес в Берне «Речь», а в письме от 1 февраля 1915 года спрашивает у Владимира Ильича: «Не желаешь ли еще какую-нибудь газету?»[295] - и сообщает новости: «Марк вернулся с неделю из продолжительной поездки, был в Ялте и в Севастополе, провел сутки у Мити... Маня не расстается с Москвой, где ей очень нравится, и знакомых много и уроки нашла...». Для Владимира Ильича слова о «многих знакомых» имели иносказательный смысл: значит, сестра активно действует в революционном подполье. Закончила это письмо Мария Александровна выражением глубокой любви к сыну и его жене и тоски по ним: «... как рада была б я повидать вас. Будьте здоровы, дорогие мои, пишите, пожалуйста, почаще...»[296].

Мария Ильинична в это время училась на курсах сестер милосердия при институте имени Морозовых в Москве. Занимаясь партийной работой, она, в частности, хлопотала об издании произведений Владимира Ильича, распространяла его тезисы «О войне». В письмах к ма-

тери и Анне обещала после сдачи экзаменов приехать повидаться с ними, но обстоятельства сложились иначе: в середине апреля она в составе лечебно-питательного отряда общества русских врачей имени Н.И.Пирогова выехала на фронт в Галицию.

Как только Мария Ильинична сообщила родным, что отряд остановился во Львове, мать тотчас же садится за письмо, в котором пишет: «...смотрели с Аней на карте, по какому маршруту поедете, вероятно на Киев» и чуть ли не с мольбой просит дочь «быть осторожнее, беречь здоровье...»[297]. «Осторожнее» - для кого-то это означало по возможности уберечься от бомб и пуль. Марии же грозила двойная опасность: в теперешней обстановке за всякую попытку антиправительственной пропаганды ей грозил военный суд. К тому же - еще одно тревожное обстоятельство: газеты пишут, что в Карпатах идут сильные бои, а там воюет Станислав Кржижановский, дорогой для Марии человек...

Письма Марии Ильиничны из Львова, Тисмениц и Новгорода-Волынского очень кратки, их главная цель - убедить мать и сестру, что она здорова, имеет хороших знакомых (и среди них писателя А.С.Серафимовича), а перерывы в переписке были и будут только из-за трудностей почтовых сообщений. Хотелось верить, что это так, но однажды, когда от дочери дней десять не было вестей, нервы у матери не выдержали, и она рано утром позвонила по телефону В.Д.Бонч-Бруевичу, жена которого иногда встречалась с Марией Ильиничной на фронте. «Маня пропала...» - еле слышно произнесла она. Бонч-Бруевич, чтобы успокоить ее, в доказательство принес письмо жены, в котором та сообщала, что видела Марию Ильиничну живой и здоровой. Но только после того, как Мария Александровна удостоверилась по почтовому штемпелю на конверте, что письмо пришло вчера, она улыбнулась и ласково поблагодарила давнего друга своей семьи за добрую весточку. «А то я всю ночь не спала, все о Мане думала, - сказала она. - Причудилось мне, что с ней несчастье...»[298].

А вскоре пришло радостное известие от самой дочери: 24 июня она писала, что подъезжает к Москве, а по завершении там некоторых дел сможет приехать в Петроград повидаться![299]. Свидание с Марией было очень кратковременным, но и это придало матери силы. Теперь еще бы Митю повидать...

Дмитрий Ильич по-прежнему находился в Севастополе. Мария Александровна давно уже с ним рассталась и очень скучала. «С каким удовольствием отправилась бы я к тебе хоть на денек... но, увы, это только мечта!» - писала она ему 23 мая. Дмитрий Ильич, в свою очередь, старался получить командировку в Москву и заскочить денька на три к родным в Питер, но поездка откладывалась. Он был доволен, когда узнал, что сестра вывезла мать на лето в поселок Лыкошино, невдалеке от города.

Мать была благодарна детям за заботу о ее здоровье. Место, где Марк Тимофеевич снял дачу, было зеленое, и воздух чистый. Но она еще лелеяла мечту отдохнуть «где-нибудь на Волге»[300].

Август выдался дождливым, и поэтому уже в конце месяца всей семьей вернулись в город. Марк Тимофеевич, получивший место одного из директоров Первого пароходного общества «По Волге», снял квартиру по Широкой улице, в доме N 48/9 (Ленина, 52), на Петроградской стороне. Этот шестиэтажный дом стоял на пересечении Широкой и Газовой улиц и, согласно проекту архитектора-оригинала, напоминал нос корабля, с треугольными балконами. Впоследствии Георгий Яковлевич Лозгачев-Елизаров так описывал «квартиру-пароход», в которой жил девятилетним мальчиком: «Наш «пароходный директор» выбрал для семьи угловую квартиру N 24 на третьем этаже, состоящую из пяти комнат. Оттого, что квартира была расположена на самом носу дома-корабля, она и сама была треугольной формы: треугольная столовая с остроконечным балконом, подпертым колонной («ну точь-в-точь пароходная рубка-салон», - говорила Анна Ильинична), и по сторонам по две комнаты неправильной формы, выходившие окнами на разные улицы. С левой стороны - комнаты Анны Ильиничны и Марии Александровны, с правой - кабинет-спальня Марка Тимофеевича и небольшая детская. На всю свою длину квартира была прорезана длинным узким коридором, ведущим к парадной двери»*

Комната Марии Александровны была невелика, но достаточно просторна - в случае приезда Мани будет где ей поместиться... Большое, высокое, трехстворчатое окно

---

* В этой квартире В.И.Ленин жил с 4 апреля до 5 июля 1917 года. 6 ноября 1927 года в ней был открыт мемориальный музей В.И.Ленина.

выходило на солнечную сторону, и, устроившись возле него в мягком кресле, Мария Александровна наблюдала за жизнью на Газовой улице. Жаль, что поблизости от дома не было садика, где можно было бы спокойно погулять. И с дровами теперь стало трудно, но комната Марии Александровны была теплее остальных - дети позаботились об этом. Анна Ильинична в письме сестре самокритично признавалась, что, кажется, «самая большая зяблица» - это она, Анна. И добавила: «Мамочка так не зябнет. А я, ты помнишь, и в Вологде все ныла - тебе тепло казалось, а я: топить да топить! Такая уж «замерзовка», как ругался Володя»[301]. Да, когда Мария Александровна была здорова, она бодро переносила прохладную температуру в квартире, а в валенках и в ватном пальто с удовольствием прогуливалась на морозном воздухе. Помогала закалка с детства.

Но время делало свое дело. Марии Александровне шел 81-й год, и все чаще и чаще она чувствовала недомогание. Дети старались получше ее устроить и, всячески оберегая ее здоровье, избегали тревожить ее сердце рассказами о своих невзгодах. Такой трогательной заботой проникнуто и письмо Владимира Ильича к матери от 7 октября 1915 года из Берна: «Хорошо ли устроились на зиму? Здорова ли ты и теплая ли квартира?»[302]. Зная, что она беспокоится, как бы у Надежды Константиновны не повторилось обострение базедовой болезни, он успокаивает: «Надя поправилась недурно; прошли сердцебиения; могла даже на горы ходить...»[303]. Как всегда, Владимир Ильич интересуется делами сестер, брата и Марка Тимофеевича, благодарит за присылку книг и выписку газеты.

С наступлением морозов, когда 13-15° в квартире даже Анна Ильинична считала терпимой температурой, Мария Александровна вынуждена была использовать весь арсенал «теплышек» - от вязаных кофт до теплого халата, присланного Маней из Москвы. Тем не менее в начале зимы она чувствовала себя лучше, чем прошедшим летом. О ее жизнерадостном настроении говорят строки из письма к младшей дочери от 10 ноября: «Еще раз mersi за ноты, играю их с удовольствием, и «Колокольчик» (романс А.А.Гурилева «Однозвучно гремит колокольчик». - Ж.Т.), хотя выходит хуже, чем у тебя, и другое, - очень красивые вариации. Музыка - лучшее удовольствие для меня теперь. Читаю также, Аня берет

книг из библиотеки...»[304]. Через два месяца, 10 января 1916 года, она вновь сообщает, что много играет на рояле и читает, в том числе и на французском языке. Передает и приятную новость: «Аня слышала от знакомой, бывшей у Володи, что у него здоровый, веселый, бодрый вид. Рада этому, писала ему, просила прислать фотокарточку»[305].

К концу зимы Марии Александровне стало хуже. 17 февраля она призналась младшему сыну, к которому относилась с большим доверием как к доктору, что часто болеет и была бы счастлива, если бы он вновь смог приехать. Лечивший ее петроградский врач нашел расширение аорты на почве склероза. Появились частые приступы одышки - следствие бронхита и воспаления легких. Стало трудно ходить. 23 февраля Мария Александровна писала: «На тебя, дорогой Митя, надежда моя. Похлопочи хоть о коротком отпуске, ты говорил, что на пасхе легче разрешат его. Надеюсь, что поможешь мне, и я оживу!»[306]. Но Дмитрий Ильич не мог выполнить просьбу матери: контрразведка пронюхала о его революционной деятельности в Севастополе, и только собственная болезнь спасла его на время от ареста[307].

В 20-х числах марта Мария Александровна получила долгожданное письмо от старшего сына. На этот раз не из Берна, а из Цюриха, куда он с Надеждой Константиновной поехал позаниматься в библиотеках. Как обычно, письмо было проникнуто нежной любовью, несло в себе сердечные пожелания здоровья. «Надеюсь, у вас нет уже больших холодов и ты не зябнешь в холодной квартире, - писал сын. - Желаю, чтобы поскорее было тепло и ты отдохнула от зимы»[308]. Радостным сюрпризом письма оказались две фотокарточки Володи - одна для нее, другая для Маняши. На этой визитке он действительно выглядел здоровым и оптимистически настроенным.

Вместе с тем мать не могла не заметить, что его прищуренные с лукавинкой глаза источают какую-то затаенную грусть. Да и могло ли быть иначе?.. Ведь он так долго вынужден находиться на далекой чужбине и лишен радости общения с Родиной, с самыми дорогими и близкими людьми... Эту фотографию сына Мария Александровна поставила на столик у своей кровати, и она стала неотъемлемой частицей ее бытия.

На исходе первого весеннего месяца Марии Александровне стало лучше, и она начала вставать с постели.

Анна Ильинична с облегчением сообщает сестре в Москву: «Рвется гулять и мечтает о поездке по Волге летом. Получили две карточки от В-ди (Владимира Ильича - Ж.Т.), - одну для тебя»[309]. А 28 числа мать сама написала младшей дочери о появившейся у Марка Тимофеевича возможности организовать бесплатное путешествие родных по Волге. «Я первая воспользуюсь этим с радостью, - воодушевленно продолжала она, - чувствую себя особенно хорошо на Волге, поправлюсь после болезни моей, поедем и ты с нами, дорогой можно заехать, куда надумаем, заедем и в Симбирск, на папину родину (в Астрахань. - Ж.Т.), там остались еще кое-кто из родных его»[310].

Мать надеялась, что Мария выхлопочет себе отпуск и подъедет в Петроград к 1 апреля - дню их общих именин. Но важные дела не позволили дочери этого сделать, и она прибыла чуть позднее. Зато все вместе отметили день рождения Володи. Думали, как он там, что заботит его теперь. А Владимир Ильич как раз 10 апреля по конспиративным каналам отправил большое письмо Анне Ильиничне с расспросами о положении дел в Московской и Петербургской партийных организациях[311].

Митя все-таки сумел вырваться этой весной на короткую побывку к матери. Он нашел у нее затрудненное дыхание, большие возрастные изменения в сердце и опасался, что «всякая пустяшная болезнь легко может привести к печальному концу»[312].

А мать мечтала о путешествии, в душе не теряя надежды, что неповторимое удовольствие плыть по широкой глади любимой Волги, слышать плеск ее волн за бортом парохода и любоваться живописными знакомыми берегами укрепит ее, вдохнет в нее силы. Мечтала и надеялась. На бога надежды не было. Даже о загробной жизни она говорила с пренебрежением: «Это все сказки, ничего там нет». И прибавляла: «Хорошо бы умереть тихо, как заснуть»[313].

Во время последней побывки Мани Мария Александровна гуляла с ней на воздухе и была довольна, что дочь, наверное, сможет принять участие в путешествии. Но Мария втайне от матери намеревалась прежде съездить на тот участок фронта, где находился не раз уже раненый Станислав Кржижановский. Когда же в конце апреля, уже в Москве, она узнала от Анны, что мать опять хворает, то снова собралась выехать к ней. Но 4

мая Анна Ильинична успокаивает сестру: «Спешу известить тебя, что маме лучше: она встает уже и сегодня, и вчера; вчера мы даже в 4 руки с ней немного сыграли»[314].

В этот же день Мария Александровна и сама написала Мане коротенькое, казалось бы, обычное письмо: «Солнце светит ярко сегодня, но я не собираюсь погулять, подожду тебя, родная моя, пойду уж с тобой, а сейчас легла опять. Расцелую тебя крепко, милая, дорогая моя! До скорого свидания!..»[315].

Что-то очень тревожное почувствовала Мария Ильинична за этими не свойственными матери строчками и стала сворачивать все дела, чтобы отправиться в Петроград.

В середине мая, когда установилась теплая погода, Елизаровы сняли квартиру в Юкках - живописном дачном местечке невдалеке от Токколовского озера, и перевезли туда Марию Александровну. С веранды бревенчатого домика она любовалась нежной зеленью белоствольных берез, цветущей сиренью. Здесь, на чистом воздухе, дышалось легче, чем в городе. Анна и подъехавшая из Москвы Мария, сменяя друг друга, были рядом. В комнате на прикроватном столике стояли фотокарточки Володи и Мити.

Несмотря на заботливый уход и ласкающую взор природу, силы Марии Александровны с каждым днем таяли. Летом состояние ее стало угрожающим, и 5 июля Анна Ильинична телеграфировала брату в Севастополь: «Мама больна. Без сознания. Приезжай». Как потом выяснилось, военная цензура задержала эту тревожную телеграмму[316].

В один из последних ясных дней, полулежа в кресле, Мария Алекссандровна отдыхала в саду. «А Володе и Мите написали?» - вдруг спросила она дочерей. Они стали пересказывать ей содержание писем, полученных от братьев. «Да, да... - кивнула мать, - я помню...». Где-то в глубине души она надеялась еще увидеть сыновей.

Увы, этому уже не суждено было сбыться. 12 июля сердце Марии Александровны перестало биться. Ее положили на Волковом кладбище, рядом с могилой дочери Ольги.

Дмитрий Ильич не получил скорбной телеграммы. Анна Ильинична так описывала ему последние дни жизни матери: «Она была все время очень кротка и благода-

рила за всякую мелочь. В начале болезни она сказала: «Дай мне что-нибудь, ну, облатку, - ты знаешь что, - я хочу пожить еще с вами!»... Дня за два до смерти она сказала: «Куда же папа наш ушел?! а в день смерти: «Где же наш Митек?» - В день смерти я принесла ей цветок из сада, и она улыбнулась так оживленно...»[317]

Незадолго до кончины Мария Алексановна, как вспоминала Мария Ильинична, сказала: «Если бы можно было проснуться через несколько десятков лет и посмотреть, что будет тогда на земле, как будут жить тогда люди». Ни она, ни мы не предполагали тогда, что не только через несколько десятков лет, но уже через несколько месяцев наступит так долгожданная революция и свобода, за торжество которой погибло так много лучших людей. Всего несколько месяцев не дожила Мария Александровна до февраля 1917 года, до возвращения Владимира Ильича из эмиграции. А какой радостью было бы для нее видеть свободу в России, каким хорошим завершением ее прекрасной жизни явилось бы это!»[318].

* * *

Владимир Ильич приехал в Петроград поздним вечером 3 апреля 1917 года. Ночью он несколько раз выступал перед восторженно встречавшими его рабочими, солдатами и матросами, активом большевистской партии и уже ранним утром добрался с Надеждой Константиновной до дома на Широкой, где жили его сестры и Марк Тимофеевич с воспитанником Горой.

Дорогим и долгожданным гостям отвели лучшую комнату, где раньше жили мать с Маняшей (теперь сестра перебралась к Анне, а Марк Тимофеевич обосновался в кабинете). Здесь все осталось так, как было при матери: у окна - небольшой письменный стол с резными ножками, слева от него - мягкое кресло, в котором она отдыхала, две простые железные кровати у боковых стен, два венских стула, платяной шкаф. На столе - лампа с зеленым абажуром и чернильный прибор, на подоконнике - цветы. Как самые дорогие реликвии, она сохранила семейные фотографиии и письма детей. Эта комната, оказавшаяся последним приютом матери, стала первым приютом Владимира Ильича на родине после возвращения из многолетней эмиграции.

Предстоял напряженный день, и Владимир Ильич использовал оставшуюся в его распоряжении часть утра, чтобы посетить Волково кладбище, где покоился прах матери и сестры Ольги. Материнскую могилу он еще ни разу не видел и прибижался к ней с трепетным волнением. Находившийся в эти минуты рядом В.Д.Бонч-Бруевич вспоминал: «Всегда сдержанный, всегда владевший собой, всегда серьезный и задумчивый, Владимир Ильич не проявлял никогда, особенно при посторонних, интимности и задушевности своих чувств. Но мы все знали, как нежно и чутко относился он к своей матери, и, зная это, чуствовали, что тропинка на Волковом кладбище, туда, к этому маленькому холмику, была одной из тяжелых дорог Владимира Ильича.

Окруженный сестрами и друзьями, Владимир Ильич остановился у могилы, снял шапку и наклонил голову. Бледный, взволнованный, стоял он, полный скорби.

- Мама моя, мама!.. - тихо, чуть слышно произнес он.

Безмолвно, низко-низко поклонился он дорогой могиле...»[319].

Да, невозможно было примириться с мыслью, что нет уже самого дорогого человека. Но всегда осталось в его сердце неизбывное чувство благодарности за счастливое детство и юность, за трогательную заботу, которую она проявляла о каждом из них, кто попадал в тюрьму, ссылку или вынужденную эмиграцию. Навсегда остались в памяти и ее глубокая вера в лучшее будущее родной страны, и ее жизнерадостность, доброта, душевность, сердечное и внимательное отношение к окружавшим ее людям.

«Да будет славно имя - имя Марии Александровны Ульяновой - и имя ее да не забудется из рода в род, из поколения в поколение нашего и всемирного революционного боевого пролетариата, ведущего классовую борьбу за свободу угнетенных народов не на жизнь, а на смерть.

Она - она мать Владимира Ильича!»

Это страстное пожелание В.Д.Бонч-Бруевича, одного из преданнейших соратников Владимира Ильича, оказалось пророческим. О славной жизни Марии Александровны рассказывают лекторы посетителям ленинских музеев Ленинграда, Казани, Кокушкино-Ленино, Пензы, Ульяновска, Астрахани, Куйбышева, Алакаевки, Подольска, Киева, Бердянска, ребята-экскурсоводы уль-

яновской школы N 2 и школы в Кокушкино-Ленино, носящих ее имя.

Вслед за Мариэттой Шагинян светлый образ матери Ильича воссоздали многие художники пера, кисти и резца. Постоянно обновляются живые цветы у памятника Марии Александровне на Волковом кладбище в Ленинграде, у скульптурных композиций в Пензе, около здания бывшего дворянского института, где она изображена с Ильей Николаевичем, и в Ульяновске - здесь авторы запечатлели ее с четырехлетним Володей. В Подольске создается парк Материнской славы, в котором почетное место отведено скульптуре Марии Александровны с сыновьями.

Немеркнущий образ замечательной женщины необычайной нравственной красоты, высокого умственного развития и большого педагогического таланта, отважной матери, связанной с детьми общностью благородных стремлений, навсегда останется вдохновляющим примером для нынешних и грядущих поколений.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. М., 1968, с.43.

[2] Крупская Н.К. О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., 1979, с.35.

[3] Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.55, с.XXXVI.

[4] Цит. по кн.: Ульянова М.И. О Владимире Ильиче Ленине и семье Ульяновых. Воспоминания, письма, очерки. М., Политиздат, 1978, с.303.

[5] Ульянова-Елизарова А.И. О В.И.Ленине и семье Ульяновых. Воспоминания, очерки, письма, статьи. М., Политиздат, 1988.

[6] Ульянов Д.И. Очерки разных лет. Воспоминания, переписка, статьи. М., Политиздат, 1984.

[7] Воскресенская З. Сердце матери. М., 1965.

[8] Вечтомова Е. Повесть о матери. М., 1970.

[9] Трофимов Ж. Великое начало. М., Молодая гвардия, 1979; Казанская сходка. М., 1986; Самарские университеты. М., 1988.

[10] Трофимов Ж. Отец Ильича. Саратов, 1981; Старший брат Ильича. М., 1988.

[11] Ульянова М.И., с.277.

[12] Вопросы истории, 1973, N 10, с.206.

[13] ЦГА ТАССР, ф.92, оп.1, д.7015, л.602.

[14] Семья Ульяновых в Татарии. Документы, материалы и воспоминания. Казань, 1985, с.26.

[15] Ульянова М.И., с.279.

[16] Ульянов Д.И. Воспоминания о Владимире Ильиче. М., 1971, с.111.

[17] Ульянова М.И., с.291.

[18] Там же, с.292.

[19] Юбилейный сборник памяти Ильи Николаевича Ульянова (1855-1925 гг.). Пенза, 1925, с.36.

[20] Ульянова М.И., с.280.

[21] Трофимов Ж. И.Н.Ульянов в Пензе. М., 1981, с.18-20.

[22] Там же.

[23] Веретенников Н. Детские годы В.И.Ульянова (Ленина) в Кокушкино. - Красная новь, 1938, N 5, с.150.

[24] Анисенкова А., Балика Д. Нижегородские годы семьи Ульяновых. Горький, 1981, с.58.

[25] Ульянова-Елизарова А.И., с.28.

[26] Трофимов Ж. Ульяновы. Поиски, находки, исследования. Саратов, 1978, с.80.

[27] Ульянов Д.И. Воспоминания о Владимире Ильиче, С.113.

[28] Ульянова М.И., с.231.

[29] Ульянов Д.И. Воспоминания о Владимире Ильиче, с.113.

[30] См.: Трофимов Ж. Ульяновы, с.80-85.
[31] Ульянова А.И. Детские и школьные годы Ильича М., 1981, с.13.
[32] Там же.
[33] Ульянова-Елизарова А.И., с.41.
[34] Там же, с.33.
[35] Там же.
[36] Трофимов Ж. Ульяновы, с.89.
[37] Ульянов Д.И. Очерки разиых лет, с.81.
[38] Ульянова-Елизарова А.И., с.43.
[36] Ульянова А.И., с.40.
[40] Бакинский рабочий, 1926, 21 января.
[41] Ульянов Д.И. Очерки разных лет, с.42.
[42] Трофимов Ж. Отец Ильича, с.173.
[43] Ульянова-Елизарова А.И., с.72.
[44] Там же, с.73.
[45] Новь, 1886, т.VIII, N 8, с.393.
[46] Журнал Симбирской городской думы за 1886 г.Симбирск, 1887, с.29, 127, 128.
[47] Иваиский А. Молодой Леиин. М., 1964, с.238.
[48] Итеиберг Б.С., Черняк А.Я. Жизнь Алексаидра Ульянова. М., 1966, с.141.
[49] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. Сборник, составленный А.И.Ульяновой-Елизаровой. М.-Л., ГИЗ, 1927, с.336.
[50] Первое марта 1887 г. Дело П.Шевырева, А.Анреюшкина, В.Генералова, В.Осипанова и др. М., 1927, с.373.
[51] Ульянова-Елизарова А.И., с.104.
[52] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта.., с.274-275.
[53] Там же, с.346.
[54] Ульянова-Елизарова А.И., с.105-106.
[55] Ульянова М.И., с.310.
[56] Ульянова-Елизарова А.И., с.103.
[57] Иванский А., с.318.
[58] Фонды ульяновского Дома-музея В.И.Ленина, папка 4, л.7.
[59] Комсомольская правда, 1961, 23 апреля.
[60] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта.., с.132.
[61] Иванский А., с.328.
[62] Комсомольская правда, 1961, 23 апреля.
[63] Наука и жизнь, 1987, N 4, с.12.
[64] Семья Ульяновых в Татарии, с.94.
[65] Трофимов Ж. Великое начало, с.228.
[66] Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.1, с.551.
[67] Воспоминаиия о Владимире Ильиче Ленине, т.1. М., 1968, с.28.
[68] Ленин и Татария. Казаиь, 1970, с.154-155.
[69] Волии В.М. Ленин в Поволжье. М., Госполитиздат, 1956, с.70.
[70] Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.1, с.552.
[71] Москва, 1958, N 4, с.45.
[72] Там же, с.47.
[73] Там же.
[74] Там же, с.48.
[75] Там же, с.49.
[76] Там же.
[77] Там же, с.50.
[78] Иванский А., с.444.
[79] Вопросы истории КПСС, 1960. N 6, с.171.

[80] Семья Ульяновых в Татарии, с.106.
[81] Там же.
[82] Наука и жизнь, 1987, N 1, с.13.
[83] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, с.30.
[84] Там же.
[85] Там же, с.31.
[86] Молодая гвардия, 1924, N 2-3, с.27.
[87] Москва, с.59.
[88] Там же, с.60.
[89] Красный архив, 1934, т.62, с.68-69.
[90] Ульянов Д.И. Очерки разных лет, с.64.
[91] Ульянова М.И., с.35-36.
[92] Там же, с.34-35.
[93] ЦГА ТАССР, ф.92, оп.1, д.18335, л.39.
[94] Там же, л.42.
[95] Там же, л. 49.
[96] Там же.
[97] ЦПА ИМЛ, ф.11, оп. 4, д.16, л.47.
[98] Там же, ф.13, оп.1, д.15, л.30, 30 об.
[99] Там же, л.33.
[100] В.И.Ленин и Самара. Сборник документов и материалов. Куйбышев, 1966, с.239.
[101] Там же, с.242.
[102] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, с.31.
[103] Ленин В.И. Полн.собр. соч., т.1, с.554.
[104] Там же, с.600.
[105] Там же, с.554.
[106] Самарская газета, 1889, N 107. 109, 111, 113, 115, 117, 119, 121, 123.
[107] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 1. М., 1970, с.49.
[108] Красная летопись, 1924, N 2, с.35.
[109] Ковнатор Р. Ольга Ульянова. М., Политиздат, 1979, с.63.
[110] Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.1, с.555.
[111] Там же, с.601.
[112] В.И.Ленин и Самара, с.251.
[113] Трофимов Ж. Самарские университеты, с.91.
[114] Ленин - Крупская - Ульяновы. Переписка (1883-1900). М., 1981, с.50, 51.
[115] Там же, с.57.
[116] Там же, с.69.
[117] Там же.
[118] Владимир Ильич Ленин, с.57.
[119] Там же.
[120] Ковнатор Р., с.132.
[121] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, с.38.
[122] Калинин А., Мандель С. Ленин и Петербургский университет. Л., 1969, с.68.
[123] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, с.32.
[124] Там же, с.35.
[125] Там же, с.34.
[126] Владимир Ильич Ленин, с.64.
[127] Калинин А., Мандель С., с.78.
[128] Самарская газета, 1892, 3 октября.

[129] Уьянов Д.И. Очерки разных лет, с.72.
[130] Самарская газета, 1892, 3 октября.
[131] Ульянова-Елизарова А.И. В.И.Ульянов (Н.Ленин). М., 1934, с.28.
[132] Воспоминаиия о Владимире Ильиче Лениие, с.37.
[133] Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.55, с.1.
[134] Там же, с.2.
[135] Воспоминаиия о Владимире Ильиче Ленине, с.43.
[136] Ульянова М.И., с.292.
[137] Сильвин М.А. Лении в период зарождения партии. Л.1958, с.68.
[138] Ульянова М.И., с.273-274 (примеч.).
[139] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, с.48.
[140] Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.55, с.19.
[141] Вопросы истории КПСС, 1960, N 6, с.173.
[142] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, с.51-52.
[143] Там же, с.74.
[144] Там же, с.57.
[145] Там же, с.76.
[146] Красный архив, 1934, N 1(62), с.118-119.
[147] Владимир Ильич Ленин, с.133.
[148] Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.46, с.449.
[149] Владимир Ильич Ленин, с.134.
[150] Кунецкая Л., Маштакова К. Мария Ульянова. М., 1979, с.22.
[151] Ленин В.И. Поли. собр. соч., т.55, с.23-24.
[152] Там же, с.29.
[153] Там же, с.31.
[154] Владимир Ильич Ленин, с. 151.
[155] Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.55, с.38.
[156] Там же, с.49.
[157] Там же, с.50.
[158] Там же, с.59.
[159] Елизаров П.П. Марк Елизаров и семья Ульяновых. М., 1967, с.48.
[160] Леиин В.И. Полн. собр. соч., т.55, с.69.
[161] Там же, с.72.
[162] Воспомииания о Владимире Ильиче Ленине, с.249.
[163] Там же, с.75.
[164] Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.55, с.81, 83.
[165] Там же, с.83.
[166] Там же, с. 88-89.
[167] Там же, с.390.
[168] Там же, с.391.
[169] Ленин и Ульяновы в Подольске. М., 1966, с.21.
[170] Ульянова М.И., с.285.
[171] Кунецкая Л., Маштакова К., с.29.
[172] Там же.
[173] Переписка семьи Ульяновых. 1883-1917. М., Политиздат. 1969, с.96.
[174] Ульянова М.И., с.284.
[175] Переписка семьи Ульяновых, с.94.
[176] Ульянова М.И., с.289.
[177] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, с.63.
[178] Владимир Ильич Ленин, с.243.
[179] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, с.246.
[180] Там же, с.59.

[181] Ульянова М.И., с.301.
[182] Владимир Ильич Ленин, с.247.
[183] Воспоминания о Владимире Ильиче, с.66.
[184] Там же, с.67.
[185] Кунецкая Л., Маштакова К., с.42.
[186] Переписка семьи Ульяновых, с.122.
[187] Там же, с.125.
[188] Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.55, с.207.
[189] Там же, с.214-215.
[190] Там же, с.215.
[191] Арнольд В. Семья Ульяновых в Самаре. Куйбышев, 1983, с.108.
[192] Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.6, с.455.
[193] Там же, т. 55, с.218.
[194] Арнольд В., с.112.
[195] Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.55, с.219.
[196] Там же, с.221.
[197] Переписка семьи Ульяновых, с.136.
[198] Ленин В.И. Полн. собр. соч. т.55, с.222-223. Имеются в виду какие-то произведения М.Горького, вошедшие в его собрание сочинений, а также только что вышедший в Петербурге первый том «Рассказов и песен» С.Скитальца.
[199] Исторический архив, 1958, N 2, с.10.
[200] Там же.
[201] Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.55, с.223.
[202] Там же, с. 224.
[203] Там же, с.224-225.
[204] Кунецкая Л., Маштакова К., с.51.
[205] Арнольд В., с.122-123.
[206] Переписка семьи Ульяновых, с.146.
[207] Ершов Д.А. Мария Ильинична Ульянова. Ульяновск, 1963, с.26.
[208] Арнольд В., с.123-124.
[209] Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.55, с.436.
[210] Там же, с.231.
[211] Иллюстрированный путеводитель по г.Киеву и его окрестностям. Изд. 3-е С.М.Богуславского. Киев, 1906, с.6.
[212] Ремезовский И.Д. Ульяновы в Киеве, 1979, с.106.
[213] Там же. с.109.
[214] Драбкина Е.А. Ульянова-Елизарова. М., 1970, с.84-85.
[215] Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.55, с.437.
[216] Там же, с.324.
[217] Ремезовский И.Д., с.125.
[218] Яроцкий Б. Дмитрий Ульянов, М., 1977, с.81.
[219] Ремезовский И.Д., с.154.
[220] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т.2. М., 1969, с.119.
[221] Ульянова М.И., с.295.
[222] Там же, с.296.
[223] Переписка семьи Ульяновых, с.154.
[224] Ремезовский И.Д., с.125.
[225] Там же.
[226] Там же, с. 234-235.
[227] Яроцкий Б., с.80.
[228] Ремезовский И.Д., с.109.
[229] Луговая М.П., Сидорова В.И. Семья Ульяновых в Петербурге-Петрограде, с.108.

[230] Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.55, с.237.
[231] Ремезовский И.Д., с.131.
[232] Переписка семьи Ульяновых, с. 158.
[233] Там же, с. 158-159.
[234] Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.12, с.83-87.
[235] Ковнатор Р. Мать Ленина. Куйбышев, 1943, с.49.
[236] Елизаров П.П., с.80.
[237] Переписка семьи Ульяновых, с.161.
[238] Воспоминании о Владимире Ильиче Ленине, т.1, с.320.
[239] Переписка семьи Ульяновых, с.167.
[240] Там же, с. 162.
[241] Там же, с.169-170.
[242] Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.55, с.240.
[243] Переписка семьи Ульяновых, с.180.
[244] Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.55, с.259.
[245] Там же, с.284.
[246] Переписка семьи Ульяновых, с.201-202.
[247] Там же, с.203.
[248] Ленин В.И.Полн. собр. соч., т.55, с.299.
[249] Там же, с.303.
[250] Там же, с.308.
[251] Там же, с.311.
[252] Там же, с.311-312.
[253] Ульянова М.И., с.296.
[254] Переписка семьи Ульяновых, с.224-225.
[255] Ульянова М.И., с.297.
[256] Кунецкан Л., Маштакова К., с.106-107.
[257] Ленин В.И.Полн. собр. соч., т.55, с.316.
[258] Переписка семьи Ульяновых, с.232.
[259] Владимир Ильич Ленин, с.567-568.
[260] Ульянова М.И., с.299.
[261] Там же, с.300.
[262] Переписка семьи Ульяновых, с.242.
[263] Кривошей М.Ф. Музей семьи Ульяновых в Бердянске. Днепропетровск, 1980, с.9.
[264] Переписка семьи Ульяновых, с.245.
[265] Полякова Р.С. Сестры Ильича. Саратов, 1972, с.87.
[266] Елизарова П.П., с.98.
[267] Ульянова М.И., с.297.
[268] Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.55, с.324.
[269] Там же, с.443.
[270] Там же, с.327.
[271] Ульянова М.И., с.297.
[272] «Ждем вестей из Вологды...». Архангельск; 1978, с.9.
[273] Ленин В.И.Полн. собр. соч., т.55, с.330.
[274] «Ждем вестей из Вологды...», с.30-31.
[275] Там же, с.40.
[276] Там же, с.42.
[277] Там же, с.47.
[278] Там же, с.53.
[279] Там же, с.60.
[280] Там же, с.64.
[281] Переписка семьи Ульяновых, с.302.
[282] Лозгачев-Елизаров Г. Незабываемое. Саратов, 1962, сс.59-60.

[283] Ульянова М.И., с.301.
[284] Кунецкая Л., Маштакова К., с.140.
[285] Ленин В.И.Полн. собр. соч., т.55, с.350.
[286] Переписка семьи Ульяновых, с.310.
[287] Дом-музей Марии Ильиничны Ульяновой. Вологда, 1972, с.11.
[288] Лозгачев-Елизаров Г., с.70.
[289] Ульянова М.И., с.297-298.
[290] Там же, с.298.
[291] Переписка семьи Ульяновых, с.331.
[292] Там же, с.332.
[293] Там же, с.335.
[294] Там же, с.338.
[295] Там же, с.351.
[296] Там же, с.350-351.
[297] Там же, с.359.
[298] Бонч-Бруевич В.Д. Воспомииания о Ленине. М., 1969, с.65.
[299] Переписка семьи Ульяновых, с. 372.
[300] Там же, с.367.
[301] Там же, с.383.
[302] Ленин В.И.Полн. собр. соч., т.55, с.361.
[303] Там же.
[304] Переписка семьи Ульяновых, с.392.
[305] Там же, с.402.
[306] Там же, с.408.
[307] Яроцкий Б., с.143.
[308] Ленин В.И.Полн. собр. соч., т.55, с.364.
[309] Переписка семьи Ульяновых, с.410.
[310] Там же, с.413.
[311] Там же, с.415.
[312] Там же, с.425.
[313] Ульянова М.И., с.292.
[314] Переписка семьи Ульяновых, с.418.
[315] Лозгачев-Елизаров Г., с.100.
[316] Переписка семьи Ульяновых, с.421.
[317] Там же, с.424.
[318] Ульянова М.И., с.301-302.
[319] Боич-Бруевич В.Д., с.66.

А. Д. Бланк - отец М. А. Ульяновой. 60-е годы XIX в.

М. А. Бланк. Пенза. 1863 г.

И. Н. Ульянов. Пенза. 1863 г.

13 2585

Семья Ульяновых. Симбирск. 1879 г.

Володя и Оля Ульяновы. Симбирск. 1874 г.

Митя и Маняша Ульяновы. Симбирск. 1880 г.

М. А. Ульянова. (1835-1916). 1898 г.

М. А. Ульянова с дочерью Марией. 1916 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Мария Александровна Ульянова.

Документальное повествование

Отпечатано с оригинал-макета.

Сдано в набор 1.12.95 г. Подписано в печать 4.06.96 г. Формат 60x84$^{1}/_{16}$. Бумага офсетн. Гарнитура Тип-Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11.63. Уч.-изд. л. 10.84. Усл. кр.-отт. 11.63. Тираж 2000 экз. Зак. 2585.

ИПФ "РОССЫ"
132001, г. Ульяновск, ул. Крымова, 12.

Областная типография "Печатный двор".
432061, г. Ульяновск, ул. Пушкарева, 27.

г. Форма
офсетная
63. Тираж